СИБИРЬ

3 91

Н.А. СОКОЛОВ.
Убийство царской семьи

В рассказах для детей
священника
П.Н. ВОЗДВИЖЕНСКОГО
Моя первая
священная история

Иркутская летопись

СИБИРЬ

3'91

Журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель: Союз писателей РСФСР

Выходит 6 раз в год

Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство

На второй странице обложки

ISBN 5-7424-0385-2

Н. А. Соколов

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ*

Показания свидетелей и объяснения обвиняемых об убийстве царской семьи

Дом Попова, где помещалась наружная охрана, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку.

Охрана занимала только верхний этаж, в нижнем проживали частные лица.

Живший в нижнем этаже кр-н Буйвид[1] показал: «Ночь с 16 на 17 июля 1918 года я хорошо восстанавливаю в своей памяти, потому что вообще в эту ночь не спал и помню, что около 12 часов ночи я вышел во двор и подошел к навесу, меня тошнило, я там остановился. Через некоторое время я услыхал глухие залпы, их было 3 или 4, но эти выстрелы были не из винтовок произведены; было это после двух часов ночи; выстрелы были от ипатьевского дома и по звуку глухие, как бы произведенные в подвале. После этого я быстро ушел к себе в комнату, ибо боялся, чтобы меня не заметили сверху охранники дома, где был заключен б. государь император; войдя в комнату, мой сосед по ней спросил меня: «Слышал?» Я ответил: «Слышал выстрелы» — «Понял?» — «Понял»,— сказал я, и мы замолчали... Минут через 20 я услыхал, как отворились ворота загородки ипатьевского дома и тихо, мало шумя, ушел на улицу автомобиль, свернув на Вознесенский проспект, но в каком направлении ушел, не знаю».

Ночной сторож ЦЕЦЕГОВ[2] показал: «Я ночной сторож на Вознесенском проспекте, помню, что в ночь с 16 на 17 июля в 3 часа ночи[3] я услыхал звук автомобиля за перего-

---

* Окончание. Начало см. «Сибирь», 1990, № 1—6, 1991, № 1, 2.

[1] Свидетель В. Я. Буйвид был допрошен начальником Екатеринбургского уголовного розыска 10 августа 1918 года.

[2] Свидетель П. Ф. Цецегов был допрошен им же 22 того же августа.

[3] Часовая стрелка была передвинута большевиками на 2 часа вперед.

родкой дома Ипатьева, где был заключен б. государь император, затем слышал шум того же автомобиля, направляющегося к Главному проспекту[1], видеть автомобиль мне не пришлось, так как я боялся подойти к ипатьевскому дому, это нам запрещалось».

Охранник Михаил Иванов ЛЕТЕМИН — из Сысертского завода, Екатеринбургского уезда. Портной по профессии, малограмотный, темный человек. В прошлом судился за покушение на растление. Пошел в охрану исключительно из-за жалования. Один из всей охраны жил с семьей на частной квартире и не ушел с красными, так как не видел ничего худого в том, что был в охране. Его скоро обнаружили в Екатеринбурге: выдал его спаниель наследника Джой, им присвоенный после убийства.

Он показал на допросе у Сергеева:

«16 июля я дежурил на посту № 3 с 4 часов дня до 8 часов вечера (у калитки внутри двора) и помню, что, как только я вышел на дежурство, б. царь и его семья возвращались с прогулки; ничего особенного я в этот раз не заметил.

17 июля я пришел на дежурство в 8 часов утра; предварительно я зашел в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении при царской семье (Леонида Седнева). Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: «Почо он здесь?» (Почему он здесь?) На это один из товарищей — Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей ночью убиты царь, царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при царской семье женщина.

По словам Стрекотина, он в ту ночь находился на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа и видел, как в его смену (а он должен был дежурить с 12 часов ночи до 4 часов утра) сверху привели вниз царя, царицу, всех царских детей, доктора, двоих служителей и женщину и всех их доставили в ту комнату, которая сообщается с кладовой.

Стрекотин мне объяснил, что на его глазах комендант Юровский вычитал бумагу и сказал: «Жизнь ваша кончена». Царь не расслышал и переспросил Юровского, а царица и одна из дочерей перекрестились.

В это время Юровский выстрелил в царя и убил его на

[1] Путь на Коптяки.

месте, а затем стали стрелять латыши и разводящий Павел Медведев.

Из рассказа Стрекотина я понял, что убиты были решительно все.

Сколько было выстрелов произведено во время расстрела не знаю, не спрашивал.

Нет, припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: «Пуль ведь много должно было остаться в комнате, и Стрекотин мне ответил: «Почто много? Вон служившая у царицы женщина закрывалась от выстрела подушкой, поди в подушке пуль много застряло».

Тот же Стрекотин, между прочим, сказал мне, что после царя был убит «черноватенький» слуга: он стоял в углу и после выстрела присел и тут же умер.

Других подробностей касательно расстрела я не знаю.

Выслушав рассказ, я сказал: «Сколько народу перестреляли, так ведь крови на полу должно быть очень много». На это мое замечание кто-то из товарищей (кто именно, не помню) объяснил, что к ним в команду присылали за людьми и вся кровь была смыта.

В этот раз беседовать дольше мне не пришлось, так как нужно было идти на караул. Отбыв дежурство, я вернулся в казарму, и тогда мне объяснили, что, вероятно, нам придется идти «на фронт». Я сказал, что на фронт не пойду, так как «не рядился» на это, а рядился только служить в караульной команде при доме особого назначения.

Поговорив немного об этом, снова свели речь на убийство царя и его семьи; находившийся в это время в казарме шофер Люханов объяснил, что всех убитых он увез на грузовом автомобиле в лес, добавив, что кое-как выбрался: темно да пеньки по дороге. В какую сторону были увезены убитые и куда девали их трупы — ничего этого Люханов не объяснил, а я сам не спросил.

Тогда я заинтересовался еще узнать, как вынесли убитых из дому, полагая, что опять-таки при переносе окровавленных тел должно оставаться много кровяных следов; кто-то из команды (кто именно — не помню) сказал, что вынесли трупы через черное крыльцо во двор, а оттуда — на автомобиль, стоявший у парадного крыльца; говорили, что тела выносили на носилках, сверху тела были чем-то закрыты, следы крови во дворе заметали песком.

В течение 18, 19, 20 и 21 числа июля как из помещений, занимаемых царской семьей, так из кладовых и амбаров увозили на автомобиле царские вещи. Увозом вещей распоряжались два молодых человека — помощники Юровского;

вещи увозили на вокзал, так как уже советское начальство решило покинуть Екатеринбург ввиду приближения чехословаков.

По поводу убийства царской семьи мне еще передавал австриец по имени Рудольф, прислуживавший коменданту, что комендант в ту ночь предупреждал его, чтобы он не боялся, если услышит что-нибудь ночью.

Охранник Филипп Полиевктов Проскуряков — также родом из Сысертского завода. Пошел в охрану из-за жалованья. Был в составе охраны до последнего момента и ушел вместе с другими охранниками на фронт, но сбежал оттуда и вернулся в Екатеринбург, где был разыскан агентом Алексеевым.

Так записано его объяснение у Алексеева:

«Я, агент уголовного розыска Алексеев, расспрашивал задержанного Филиппа Проскурякова по обстоятельствам дела, причем он, Проскуряков, отзывался полным незнанием чего-либо по данному делу, объяснив, что он на охране ипатьевского дома, где помещался царь с семьею, совсем не был и ничего по этому делу не знает. Был он мобилизован в числе других на охрану ипатьевского дома, но дорогой сбежал и на охране не был.

При дальнейшем же расспросе его на следующий день 22 февраля с предъявлением Павлу Спиридоновичу Медведеву, который уличил его, что он дал несправедливое показание о том, что он не был в охране ипатьевского дома и что он, Филипп Проскуряков, был до конца пребывания царя с семьею на охране этого дома, он, Проскуряков, изменил свое первоначальное показание и объяснил, что он действительно был на охране ипатьевского дома, где находился царь с семьею, но ничего по делу не знает, и где находился царь и его семья, ему неизвестно. Живы они или нет, не знает.

При расспросе далее обо всех подробностях пребывания его на охране в доме Ипатьева он, Проскуряков, еще уклонялся от дачи каких-либо существенных сведений по делу и, наконец, подтвердил лишь то обстоятельство, что Павел Медведев вечером, какого числа не упомнит, незадолго до оставления большевиками города Екатеринбурга приходил в караульное помещение, где находилась охрана дома, и в числе охранников был он, Проскуряков, и предупреждал охрану, что в эту ночь будут выстрелы, чтобы они не тревожились и были в то же время наготове на всякий случай, причем сказал, что в эту ночь будет расстрел семьи. Что происходило в эту ночь, он, Проскуряков, не знает,

так как после прихода Медведева лег спать на печь в караульном помещении и проспал всю ночь. Утром слышал от красноармейца Андрея Старкова, что семью увезли из дома.

При последующем расспросе Проскуряков еще изменил свое показание в последней части и объяснил, что слышал от красноармейцев, бывших на охране дома, что царя Николая II и его семью расстреляли и увезли куда-то на автомобиле. При этом Проскуряков объяснил, что сам он Николая II и его семью тогда не видел, действительно ли они расстреляны и вывезены, не знает, трупов он их не выносил и кровь замывать в комнате расстрела в числе других лиц не ходил. Наряжал ли Медведев охрану выносить трупы и замывать кровь в комнате расстрела, не слыхал.

Наконец, на спрос мой, агента уголовного розыска, 28 февраля он, Проскуряков, подтверждая свои прежние показания в отношении того, что он ничего по данному делу не знает и что были ли расстреляны в ночь на 17 июля нового стиля царь Николай II и его семья, ему неизвестно, добавил, что в то время, когда было это происшествие, он, Проскуряков, вместе с красноармейцем Егором Столовым, бывшим на охране ипатьевского дома, были посажены разводящим Павлом Медведевым в баню при караульном помещении, где сидели два дня под арестом за то, что напились пьяны, а потому он, Проскуряков, и не знает, что происходило в эту ночь в доме Ипатьева, где находился царь и его семья».

Проскуряков объяснил у меня на допросе:

«Убийство их произошло в ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что в понедельник мы получили жалованье. Значит, это было 15 числа в июле месяце, считая по новому стилю. (Нам жалованье платили два раза в месяц: 1-го числа и 15-го числа каждого месяца). На другой день после получки жалованья, значит, во вторник 16 июля до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда в эти же часы в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы с Столовым пошли попьянствовать. Напились мы с Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить с 5 часов.

Медведев увидел, что мы пьяные, и посадил нас под арест в баню, находившуюся во дворе дома Попова. Мы там и уснули. Спали мы до 3 часов ночи (по солнечному времени 1 час.). В 3 часа ночи к нам пришел Медведев,

разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте!» Мы спросили его: «Куда?» Он нам ответил: «Зовут, идите!»

Я потому вам говорю, что было это в 3 часа, что у Столова были при себе часы и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа. Мы встали и пошли за Медведевым.

Привел он нас в нижния комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие охранники, кроме стоявших тогда на постах.

В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и полу были удары пуль. Пуль особенно было много (не самых пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне вами фотографической карточке, но были следы пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было. Там, где в стенах и полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь; на стенах она была брызгами и пятнами; на полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях.

Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Андрея Стрекотина, что произошло.

Они мне сказали, что только что расстреляли всю царскую семью и всех бывших при ней лиц, кроме мальчика.

Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4—5 метел. Кто их именно принес, я не знаю. Думаю, принесли их со двора...

По приказанию Медведева, Корнилов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками.

В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых.

И в той именно комнате, где была побита царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латышей, сам Медведев, отец и сын Смордяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл.

Таким же образом, т. е. водой, мы смыли кровь во дворе и с камней.

Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие, не знаю. Когда мы со Столовым пришли в нижние комнаты, тут никого, кроме нескольких латышей, Медведева и наших и злоказовских рабочих, не было. Юровского при этом не было. Никулин же, как говорил тогда Медведев, был в верхних комнатах, куда дверь из нижних комнат была заперта со стороны верхних комнат. Золотых вещей или каких-либо драгоценностей, снятых с убитых, в нижних комнатах я нигде не видел.

Я хорошо помню, что именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комнатах. Это я очень хорошо помню. Он все обязательно видел.

Спрашивал я и Столова, также и Медведева.

Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказали следующее.

Вечером Юровский сказал Медведеву, что царская семья ночью будет расстреляна, и приказал предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы... Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил, револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду предупредил о расстреле царской семьи часов в 11 вечера.

В 12 часов ночи Юровский стал будить царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел царской семье: ночь будет «опасная», то есть, как я понимаю, что в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз.

Они требование Юровского исполнили и сошли все вниз.

Здесь были сам государь, государыня, наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная, повар.

Мальчика же Юровский суток, кажется, за полтора приказал увести в помещение нашей команды, где я его видел до убийства сам.

Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах и в полу было много следов от пуль. Встали они все в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен.

Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: «Что?» А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил государю, показывая ему револьвер: «Вот что!»

Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули 2—3 в государя и в других лиц, кого они расстреливали.

Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет.

Когда их всех расстреляли, Андрей Стрекотин, как он мне это сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех навалили на грузовой автомобиль, кажется, один, и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий злоказовской фабрики Люханов. Об этом я вам передаю со слов Медведева...

По какому направлению их увезли, не знаю.

Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что обставил это дело Юровский тайной».

Охранник Анатолий Александрович Якимов — родом из Юговского завода, Пермского уезда. По профессии — токарь, работал на Мотовилихинском заводе. Ушел на войну добровольцем. После переворота 1917 года он — член полкового комитета в 494-м Верейском полку. После развала фронта приехал на родину и поступил на фабрику Злоказовых в Екатеринбурге.

В охрану пошел из-за легкой работы и хорошего жалованья.

По натуре — неуравновешенный протестант. Мечтал о «лучшей» жизни и считал царя врагом народа.

Осуждал большевистский террор, но до конца оставался в охране и занимал начальнический пост разводящего.

Ушел вместе с красными при оставлении Екатеринбурга. Но, когда они оставили и Пермь, не пошел за ними и в рядах армии адмирала дрался с ними.

Здесь его отыскал и задержал агент Алексеев.

Якимов объяснил у меня на допросе:

«15-июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при царской семье и катал в коляске наследника. Я тогда же обратил на это внимание. Вероятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам перевели мальчика. Сделано же это было безусловно по приказанию Юровского.

16 июля я был дежурным разводящим. Я дежурил тогда с 2 часов дня до 10 часов вечера. В 10 часов я поставил постовых на все посты.

Пост № 3 (во дворе дома у калитки) занял Брусьянин, пост № 4 (у калитки в заборе вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж) занял Лесников, пост № 7 (в старой будке между стенами дома и внутренним забором)

занял Дерябин, пост № 8 (в саду) занял Клещев.

Постовые, которых я поставил в 10 часов вечера, должны были сменяться в 2 часа ночи уже новым разводящим, которому я сдал дежурство, — Константином Добрыниным.

Сдав дежурство, я ушел в свою казарму. Помню, что я пил чай, а потом лег спать. Лег я, должно быть, часов в 11.

Часа, должно быть, в 4 утра, когда было уже светло, я проснулся от слов Клещева. Проснулись и спавшие со мной Романов и Осокин. Он говорил взволнованно: «Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!» Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: «Сегодня расстреляли царя».

Все мы стали спрашивать, когда же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно пополняя слова друг друга. Говорили и Лесников с Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В два часа ночи к нам на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам: Клещев к окну прихожей нижнего этажа, которая изображена на чертеже у вас цифрой 1, а окно в ней, обращенное в сад, как раз находится против двери из прихожей в комнату, где произошло убийство, то есть в комнату, обозначенную на чертеже цифрой 11; Дерябин же — к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени — это было все, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед, — в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа цифрой I. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окна это было видно. Шли они все безусловно со двора через дверь сеней, обозначенных на чертеже цифрой XII, а далее через комнаты, обозначенные цифрами VIII, VI, IV, I, в комнату, обозначенную цифрой II.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли государь, государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харито-

нов. Наследника нес на руках сам государь. Сзади за ними шли Медведев и латыши, то есть те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: по середине комнаты стоял царь, рядом с ним на стуле сидел наследник по правую руку от царя, а справа от наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. царь, наследник и Боткин, были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенную цифрой I.

Сзади них у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты, обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали царица с дочерьми. Я вижу предъявленный вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. Царица с дочерьми стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на стенке, стена исковырена.

В одну сторону от царицы с дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них также в углу встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или левую, встали повар с лакеем и в какую встала Демидова, не знаю.

В комнате, вправо от входа в нее, находился Юровский; слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую, обозначенную цифрой 1, стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть латышей. Латыши находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они пополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть фигуры, а главным образом руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил — я это хорошо помню — что Юровский так сказал царю: «Николай Александрович, ваши родственники старались вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены вас сами расстрелять».

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского раздалось несколько выстрелов.

Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский, т. е. они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не видно было, судя по положению Юровского в комнате.

Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял.

Кроме Никулина стреляли некоторые из латышей.

Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, «женский визг», крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, царь, за ним наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена, или нет пулями, но только по их словам была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию как приколотую штыками.

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным.

Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую, не было разговора. Ведь не было же у нас допроса, как сейчас. Кабы я знал раньше, мог бы спросить.

Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли и Брусьянин, и Лесников.

Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку мимо дома Попова.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из

латышей — молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин, — стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась.

Еще кто принимал участие в уборке крови, я положительно не знаю. Из рассказов их выходило так, что постовых для этого дела не трогали. Все они продолжали стоять на своих постах, пока их не сменили.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц «мясниками». Он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

Рассказ об убийстве царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 отправился я к сестре Капитолине. У меня были хорошие отношения с ней. Я пошел к ней, чтобы поделиться с ней мыслями. Мне на душе было страшно тяжело. Потому к ней и пошел я, чтобы поговорить с близким человеком...

Я был у сестры часа два, и, приблизительно, в 10 утра я пришел опять в дом Попова.

Не помню, как у меня протекало время до 2 часов дня, когда я опять встал на дежурство. Я сменил тогда Ивана Старкова. Я расставил тогда охрану на все посты, кроме поста № 7. Старков мне сказал, что на этот пост уже теперь не надо ставить караула (под окнами дома). Караульный, очевидно, после ухода с этого поста Дерябина и не ставился туда. Я так тогда понял Старкова. Оба мы понимали, почему уже не нужно было ставить туда постового, и ничего больше про это не говорили.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих из латышей нерусских. Там же был и Медведев. Были все они невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова.

На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки все были открыты.

Дверь из прихожей в комнаты, где жила царская семья,

по-прежнему была закрыта, но в комнатах никого не было. Это было ясно; оттуда не раздавалось ни одного звука. Раньше, когда там жила царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где жила царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: напрасно ты ждешь.

Вот еще что я тогда заметил. До убийства в комендантской стояла кровать и диван. В этот же день, т. е. в 2 часа дня 17 июля, когда я пришел в комендантскую, там еще стояло две кровати. На одной из них лежал латыш. Потом Медведев как-то сказал нам, что латыши больше не идут жить в комнату, где произошло убийство, в которой раньше жили они. Очевидно, тогда две кровати и были перенесены в комендантскую. Виноват, насколько могу припомнить, Медведев говорил, что латыши (все 10 человек) совсем не идут больше жить вниз дома и, как я тогда понял его, они тогда уже ушли опять в чрезвычайку, кроме тех двоих, которые, вероятно, остались еще в комендантской. Но видел и этих в доме я только один раз: в этот именно день — 17 июля. Больше же ни этих двоих, ни всех остальных я не видел ни одного раза.

С 2 часов дня 17 июля я дежурил до 10 часов вечера. Юровского я не видел в этот день в доме вовсе. Я не думаю, чтобы он мог быть в доме и я бы его не видел. Я думаю, что его совсем не было в этот день в доме, по крайней мере, с 2 часов дня до 10 часов вечера его там не было.

Вывоза вещей из дома 17 июля также не было. Не знаю, шла ли разборка и укладка вещей в этот день.

17 июля Медведев сказал нам, что нас всех охранников отправят на фронт. Поэтому 18 июля я с утра отправился на злоказовскую фабрику получить там некоторые денежные суммы, причитавшиеся нам за прежнее время, и вещи. К 2 часам дня я был опять в команде и в 2 часа встал на дежурство. В этот день 18 июля вывозились вещи из ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами и ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов.

Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день 18 июля так и лежали там же и в таком же виде. Юровского в тот день 18 июля я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера.

19 июля Юровский, приблизительно, с утра был в доме Ипатьева.

В этот день также вывозились вещи из дома. Но память мне решительно ничего об этом не сохранила.

Куда девался мальчик из нашей команды, я не знаю. По этому поводу я могу рассказать следующее. Я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так что его рыдания были слышны мне издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговаривал. Мне, не помню, кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство царской семьи и всех других бывших с ней и стал плакать.

Я не помню, когда именно это было. 17 же июля после такого злого дела не утерпел и пришел к Медведеву в его комнату. Это было после 2 часов дня, то есть после начатия дежурства.

Я стал расспрашивать про убийство. Медведев рассказал мне, что в первом часу ночи сам Юровский разбудил царскую семью и сказал при этом царю: «На дом готовится нападение. Я вас должен перевести в нижние комнаты». Тогда они и пошли все вниз.На мой вопрос, кто именно стрелял, Медведев мне ответил, что стреляли латыши. Больше я его по этому именно вопросу не спрашивал.

Когда я его стал спрашивать, куда же дели трупы, он мне подтвердил, что трупы на автомобиле увез Юровский с латышами и Люхановым за Верх-Исетский завод и там в лесистой местности около болота трупы были зарыты в одну яму, как он говорил, заранее приготовленную... Я помню, он говорил, что автомобиль вязнул и с трудом дошел до приготовленной могилы».

Охранник Павел Спиридонов Медведев — родом из Сысертского завода.

По профессии — сапожник; работал также и на заводе.

Учился в местной сельской школе, но курса не кончил, малограмотный.

В 1914 году был мобилизован, но сумел освободиться от военной службы, поступив на завод, работавший тогда на оборону.

Еще в апреле месяце 1917 года вступил в партию большевиков в Сысерти и в течение трех месяцев вносил установленную плату в кассу партии.

После большевистского переворота с первых же дней состоял в большевистском отряде и ходил воевать с атаманом Дутовым.

Возвратившись с фронта в апреле месяце 1918 года, поступил в состав охраны при доме Ипатьева.

С самого первого момента и до самого последнего времени занимал исключительное положение среди других рабочих этой охраны: он был вовсе не разводящим, как именует его Михаил Летемин, а был «начальником» всей охраны.

Он сыграл некоторую роль в удалении Авдеева из дома Ипатьева, выступив в роли доносчика на него чекисту Юровскому за те послабления, которые Авдеев делал во вторую половину своей службы царской семье.

За это он сделался правой рукой Юровского и пользовался исключительным доверием.

Конечно, Медведев ушел с красными из Екатеринбурга. Он был в Перми, когда ее брала армия адмирала. Там самим комиссаром Голощекиным ему было дано ответственное поручение: взорвать мост через Каму после оставления города большевиками. Взрыв не удался по техническим причинам. Медведев был задержан и отыскан Алексеевым.

Он объяснил при допросе у него:

«16 июля 1918 года, по новому стилю, под вечер, часов в 7, Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Нагана. Собрав револьверы, он доставил их к коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол.

Еще утром в этот день Юровский распорядился увести мальчика, племянника официанта, из дома и поместить в караульном помещении при соседнем доме Попова.

Для чего это делалось, Юровский ему не говорил, но вскоре после того, как он доставил Юровскому револьверы, последний ему сказал: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство все» — и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера.

В указанное время он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме. Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить царскую семью.

Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись, и, приблизительно, через час времени все одиннадцать человек вышли из своих комнат.

Все они на вид были спокойные и как будто никакой опасности не ожидали.

Из врехнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома.

Сам Николай II на руках вынес сына Алексея.

Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома.

Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки.

Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли три стула.

К этому времени в доме особого назначения уже прибыли два члена чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем неизвестный.

Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась царская семья.

Из числа охраны находились внизу в той комнате, где была царская семья, семь латышей, а остальные три латыша были тоже внизу, но в особой комнате.

Револьверы были розданы Юровским уже по рукам и находились у семи латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощника, всего было роздано по рукам одиннадцать револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер маузер.

Таким образом, в комнате внизу собралось всего 22 человека: 11 — подлежащих расстрелу и 11 человек — с оружием, которых он всех назвал.

На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны.

Юровский, спустя несколько минут, вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет».

Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услыхал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышно.

Когда вошел в комнату, где находилась царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу, в разных положениях, около них была масса крови, причем

кровь была густая, «печенками»; все, за исключением сына царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы, Алексей еще стонал. Юровский еще раза два или три при нем, Медведеве, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал.

Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить и он вышел из комнаты.

Затем Юровский тогда же приказал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы; когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин.

Последние, встретясь с ним еще на улице у дома, спросили его: «Что лично ли застрелили Николая II, вместо его чтоб другого не застрелили, то тебе отвечать придется, ты принимал его». На это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, т. е. Николай II и его семья, и предложили им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что таким образом расстреляны были: бывший император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения[1], доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная. У каждого было по несколько огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех тоже была в крови.

Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали.

Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал.

Когда он, Медведев, вернулся к Юровскому в комнату, то Юровский приказал ему привести несколько человек из охраны и перенести тела убитых на автомобиль. Он созвал больше 10 человек из караульных, а кого именно, теперь не упомнит, сделали носилки из двух оглобель саней, стоявших во дворе под сараем, к ним привязали веревкою простыню и таким образом перенесли все трупы на автомобиль.

Со всех членов царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда они были еще в комнате, кольца, браслеты и двое золотых часов. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и браслетов, он не знает.

---

[1] Алексеев записывал объяснение Медведева с буквальной точностью.

Все одиннадцать трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер.

На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой вышеописанных примет, ему неизвестный; шофер на этом автомобиле был, кажется, Люханов по фамилии, человек он среднего роста, коренастый, на вид более 30 лет, лицо бугревастое (угреватое).

Трупы убитых были положены на автомобиль, на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном. Сукно было взято в том же помещении дома, где оно хранилось куском.

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом тогда не расспрашивал.

После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведен расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль, что и было исполнено тогда людьми, состоящими на охране.

Когда все то было сделано, Юровский ушел из двора в канцелярию при доме, а он, Медведев, удалился в дом Попова, где было помещение для караульных, и до утра из помещения не выходил.

Караулы же при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля, несмотря на то, что в доме уже никого не было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнение в народе и показать вид, что царская семья жива.

17 июля он, Медведев, вошел в дом и, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок: вещи царские все были перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи — кольца, браслеты и другие лежали в канцелярии на столах; вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы.

В канцелярии в то время был помощник коменданта и латыши; рассматривали вещи.

Самого же коменданта Юровского не было.

Обходя по комнатам, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка «Закон Божий», взял эту книгу в руки и увидал под ней деньги-60 рублей десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому.

Тогда же он взял валявшиеся на полу три серебряных кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько но-

совых платков, и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские, одну пару, и женскую рубашку.

Больше никаких веще он не брал.

На другой же день к нему, Медведеву, приехала его жена Мария Данилова, и он передал ей упомянутые вещи и сам уехал вместе с нею домой.

Комендант Юровский дал ему тогда 8000 рублей для раздачи семьям лиц, бывших в охране.

Вернулся в г. Екатеринбург 21 июля, охрана при доме тогда уже была снята».

На допросе у Сергеева Медведев объяснил:

«Вечером 16 июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в восьмом вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Нагана; у стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта.

Тогда Юровский объяснил мне: «Сегодня придется всех расстрелять; предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы».

Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем постановлено решение о расстреле.

Должен вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (д. Попова).

В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта, было их человек 10; никого из них я по именам и фамилиям не знаю.

Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел царской семьи, я сказал Ивану Старкову.

Кто именно из состава команды находился тогда на постах, я положительно не помню и назвать не могу; не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил царскую семью; объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти, — не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал.

Приблизительно, через час вся царская семья, доктор,

служанка и двое слуг встали, умылись и оделись.

Еще прежде, чем Юровский пошел будить царскую семью, в дом Ипатьева приехали из чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, Петр Ермаков, а другой — неизвестный мне по имени и фамилии.

Часу во втором ночи вышли из своих комнат царь, царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей; наследника царь нес на руках.

Государь и наследник были одеты в гимнастерки; на головах фуражки; государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами; впереди шел государь с наследником, за ними — царица, дочери и остальные.

Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена чрезвычайной комиссии; я также находился тут.

При мне никто из членов царской семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез, ни рыданий.

Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вошли во двор, а оттуда через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа.

Дорогу указывал Юровский.

Привели в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой.

Юровский велел принести стулья; его помощник принес три стула. Один стул был дан государыне, другой — Государю, третий — наследнику.

Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки, за ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так как каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них); наследник и государь сели рядом почти посреди комнаты; за стулом наследника встал доктор Боткин; служанка (как ее зовут, не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую; с ней встала одна из царских дочерей (четвертая); двое слуг встали в левом (от входа) углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка; маленькие подушечки были принесены с собой и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула государыни, другую — на сиденье стула наследника.

Одновременно в ту же комнату вошли одиннадцать че-

ловек: Юровский, его помощник, два члена чрезвычайной комиссии и семь человек латышей.

Юровский выслал меня, сказав: «Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы».

Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2—3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены царской семьи: царь, царица, четыре дочери и наследник — уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах; кровь текла потоками.

Были также убиты доктор, служанка и двое слуг: при моем появлении наследник еще был жив — стонал; к нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих.

Картина убийства, запах и вид крови вызвали во мне тошноту.

Перед убийством Юровский роздал всем наганы; дал револьвер и мне, но я, повторяю, в расстреле не участвовал.

У Юровского, кроме нагана, был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате.

По дороге в дом Попова мне попались навстречу бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин; последний из них просил меня: «Застрелили Николая II? Смотри, чтоб вместо него кого другого не застрелили, тебе отвечать придется».

Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты.

Из команды я привел человек 12—15, но кого именно, совершенно не помню и ни одного имени назвать вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль.

Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоявших во дворе саней.

Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа.

Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов.

На грузовик сели Петр Ермаков и другой член чрезвычайной комиссии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы — не знаю.

Кровь в комнате и на дворе замыли и все привели в порядок.

В три часа ночи все было окончено, и Юровский ушел в свою канцелярию, а я к себе в команду; проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату.

Здесь уже были председатель областного Совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим.

Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты; на всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у царской семьи перед расстрелом и бывшие на них золотые вещи — браслеты, кольца, часы.

Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника.

Помощник коменданта находился тут же. Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия «Никулин», и я теперь припомнил, что такова именно фамилия этого помощника.

Со слов Никулина я знаю, что он ранее находился также в чрезвычайной следственной комиссии.

Вы говорите, что по имеющимся у вас сведениям на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа находился Андрей Стрекотин, и я теперь припомнил, что действительно А. Стрекотин стоял тогда у пулемета. Дверь из комнаты, где стоял пулемет на окне, в парадную переднюю была открыта; открыта была и дверь в ту комнату, где производился расстрел.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой «Закон Божий» нашел шесть десятирублевых кредитных билетов и деньги эти присвоил себе; взял я также несколько серебряных колец и еще кое-какие безделушки.

Утром 18 ко мне приехала жена, и я с ней уехал в Сысертский завод, получив поручение раздать деньги семьям служивших в команде[1].

Вернулся в Екатеринбург 21 июля; все вещи царские из дома уже были увезены, и караул был снят.

24 июля я уехал из Екатеринбурга.

В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва Камского моста в случае появления белогвардейцев. Подорвать мост, согласно полученного приказа, я не успел, да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло

---

[1] Юровский выдал тогда Медведеву 10 800 рублей. Расписка на эти деньги была найдена Сергеевым в одной из печей нижнего этажа Ипатьевского дома.

мне тогда, когда уже сибирские войска стали обстреливать мост, и я пошел и сдался добровольно.

Вопросом о том, кто распоряжался судьбой царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказания тех, кому служил».

Убивал ли сам Медведев или он был только очевидцем убийства?

Жена его Мария показала:

«В последний раз я приехала к мужу в город в первых числах июля с. г. (считая по старому стилю)...

Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад царь, царица, наследник, все княжны и все слуги царской семьи убиты. Подробности убийства в этот раз муж мне не передавал. Вечером муж отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило в отпуск на два дня для раздачи денег семьям красноармейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство царя и его семьи.

По словам Павла, ночью, часа в 2, ему велено было разбудить государя, государыню, всех царских детей, приближенных и слуг; Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина.

Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату; здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: «Революция погибает, должны погибнуть и вы».

После этого в них начали стрелять и всех до одного убили; стрелял и мой муж: он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только один он, остальные же были «не наши», т. е. не нашего завода, а русские или не русские — этого мне объяснено не было.

Стрелявших было 12 человек; стреляли не из ружей, а из револьверов; так, по крайней мере, объяснял мне муж.

Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила.

Рассказывал мне муж все это совершенно спокойно; за последнее время он стал непослушный, никого не признавал и как будто даже свою семью перестал жалеть».

Видел ли Якимов своими глазами картину убийства, или он знал о ней с чужих слов?

Утром после убийства он пошел к своей сестре Капитолине Агафоновой «поделиться с ней мыслями».

Агафонова показала у меня на допросе[1]:

Я была в кухне, когда пришел брат. Он поздоровался со мной и молча прошел в нашу комнату. Вид у него был страшно взволнованный. Я сразу же это заметила и пошла следом за ним.

Я спросила брата: «Что с тобой?»

Он попросил меня закрыть дверь в кухню, сел и молчал. Лицо его выражало сильнейшую подавленность, испуг. Весь он дрожал.

Я опять спросила брата: «Да что с тобой?»

Я думала, с ним с самим произошло какое-то несчастье. Он опять молчал и ничего не говорил. Видно было, что он страдал.

Мне первой мелькнула мысль: уж не убили ли они Николая?

Не помню, в каких выражениях, но я первая спросила его именно об этом. Брат ответил мне на мой вопрос приблизительно так: «Конечно».

Я помню, что я его спросила про участь остальных членов семьи. Он мне ответил, что убиты они все, т. е. как сам царь, так и вся его семья и все бывшие с ней, кроме мальчика-поваренка.

Я не помню, спрашивала ли я его, принимал ли он сам участие в убийстве. Возможно, что этот вопрос я предлагала ему, видя его мучительное состояние. Не помню этого. Я лишь помню, что он говорил, что картину убийства он видел сам, своими глазами. Он рассказывал, что эта картина убийства их так сильно потрясла его, что он не выдерживал и время от времени выходил из помещения на воздух. Он рассказывал, что его за это бранили товарищи его по охране, подозревая в нем раскаяние или жалость или вообще проявление сочувствия к страданиям погибших. Я его поняла тогда так, что он сам находился или в той комнате, где происходило убийство, или же вблизи ее видел всю картину убийства своими глазами».

Вечером 17 июля Якимов пришел к Агафоновым проститься.

Сам Агафонов показал[2]: «Часу в шестом вечера в тот же день Якимов пришел к нам проститься; вид его меня прямо поразил: лицо осунувшееся, зрачки расширены, ниж-

---

[1] Свидетельница К. А. Агафонова была допрошена Сергеевым 6 декабря 1918 года и мною 19 мая 1919 года в Екатеринбурге.

[2] Свидетель Г. Т. Агафонов был допрошен Сергеевым 6 декабря 1918 года в Екатеринбурге.

няя губа во время разговора трясется; взглянув на шурина, я без слов убедился в правдивости всего того, что мне передала с его слов жена: ясно было, что Анатолий за минувшую ночь пережил и перечувствовал что-то ужасное, потрясающее».

Роль Ермакова в убийстве

Мы знаем теперь, как была убита царская семья.

Ее убили чекисты под руководством Юровского.

Вероятно, в убийстве принимал участие и Медведев.

Все эти лица нам уже известны. Но Медведев называет в числе убийц Ермакова и какое-то другое лицо.

Петр Захаров Ермаков — родом из Верх-Исетска.

Когда большевистским главарям, проживавшим за границей, нужны были деньги, они добывали их в России путем разбоя и убийств.

Для этого они имели на местах своих людей.

Ермаков был одним из таких людей, будучи давно связан с Голощекиным.

За одно из этих преступлений он был в ссылке и вернулся домой в 1917 году.

После переворота 25 октября он стал верх-исетским военным комиссаром и был подчинен Голощекину как областному комиссару.

С ним и с Юровским он также был связан и по чека, выполняя там иногда роль палача.

Его ближайшим помощником был известный уже нам матрос Степан Ваганов.

Как военный комиссар Верх-Исетска, Ермаков имел особый отряд красноармейцев, в который входили:

1. Егор Скорянин
2. Михаил Шадрин
3. Петр Ярославцев
4. Василий Курилов
5. Михаил Курилов
6. Петр или Сергей Пузанов
7. Николай Казанцев
8. Михаил Сорокин
9. Илья Перин
10. Григорий Десятов
11. Иван Просвирин
12. Егор Шалин
13. Поликарп Третьяков
14. Александр Медведев
15. Иван Заушицын
16. Александр Рыбников
17. Гуськин
18. Орешкин

Все эти люди были русские, преимущественно жители

Верхне-Исетска, где большевистская пропаганда была весьма сильна.

Ермаков увез трупы царской семьи на рудник на грузовом автомобиле.

Ваганов, так напугавший Зыковых, был в составе тех конных красноармейцев, которые этот автомобиль сопровождали.

Вместе с Вагановым Ермаков и руководил охраной коптяковской дороги, которую несли указанные красноармейцы его отряда.

Кр-н Карлуков[1] шел утром 17 июля на свой покос, находившийся недалеко от рудника. Он шел из Верх-Исетска, и ему каким-то образом удалось, обойдя переезд № 184, попасть на коптяковскую дорогу. Он показал: «Из лесу на дорогу вышли известные Ермаков и Ваганов, причем Ваганов не приказал дальше проходить, а в случае ослушания грозил застрелить. Дальше в лесу были видны другие красноармейцы».

Неоднократно советская пресса пыталась наделить Ермакова ролью руководителя убийством.

Неправда.

Ермаков был привлечен к убийству не для самого убийства. Юровский имел в своем распоряжении в доме Ипатьева достаточно палачей, чтобы с ними перебить в застенке беззащитных людей.

Ермаков был привлечен для другой цели. Для уничтожения трупов выбрали удобный рудник. Это мог сделать только человек, хорошо знающий лесные трущобы в окрестностях Екатеринбурга. Юровский не знал их, а Ермаков знал.

Роль Ермакова чисто исполнительная. На грузовом автомобиле в потоках крови поехал он на рудник в ночь на 17 июля.

На том же самом автомобиле с пустыми бочками из-под бензина возвратился он в Верх-Исетск 19 июля.

Свидетели показывают:

Зудихин: «Ермакова я знал по Верх-Исетску. Он давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги. Был он сослан в каторгу и находился в ссылке. После революции он вернулся в Верх-Исетск, и, когда власть взяли большевики, он стал у нас военным комиссаром. Его помощником был матрос Степан

---

[1] Свидетель С. Ф. Карлуков был допрошен агентом розыска Сретенским 17 мая 1919 года в Екатеринбурге.

Ваганов, хулиган и бродяга добрый. С ними обоими был в близких отношениях комиссар Голощекин».

Божов: «Кто указал этот рудник? Ермаков — верх-исетский. Он знает этот рудник. И Ермаков и Ваганов были оба близки с Голощекиным».

Крестьяне правильно посмотрели на дело и правильно определили в нем положение Ермакова.

Роль Юровского

Непосредственным руководителем убийства был Яков Юровский.

Но он же разработал в деталях и самый план убийства.

Мальчик Леонид Седнев был уведен в дом Попова по приказанию Юровского. Как это случилось?

Охранник Летемин увидел его впервые в доме Попова 17 июля.

Охранники Проскуряков и Якимов объяснили, что они там видели его 15 июля, а охранник Медведев объяснил, что Седнев был уведен туда утром 16 июля.

Думаю, что прав Медведев, так как Стародумова и Дрягина, мывшие полы в доме Ипатьева в этот день утром, видели еще там Седнева.

Увод Седнева из дома Ипатьева — самый ранний известный нам факт, обнаруживающий умысел Юровского.

Он произошел 16 июля.

Послушницы Антонина и Мария приносили всегда провизию для царской семьи рано утром.

Антонина показала: «15 июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока и яйца велел упаковать в корзину. Записку тут он дал какой-то из княжен, чтобы ниток доставить. Мы все это во вторник доставили. В среду мы опять принесли четверть с молоком. Пришли мы, ждали-ждали, никто у нас не берет. Стали мы спрашивать часовых, где комендант. Нам отвечают, что комендант обедает. Мы говорим: «Какой обед в 7 часов?» Ну, побегали-побегали они и говорят нам: «Идите! Больше не носите!» Так у нас и не взяли тогда молока».

Совершенно так же показала и Мария.

Для кого Юровский приготовлял 15 июля эти яйца, прося упаковать их в корзину?

Вблизи открытой шахты, где уничтожались трупы, есть маленькая лесная полянка. Только на ней имеется единст-

венный сосновый пень, весьма удобный для сидения.

Отсюда очень удобно наблюдать, что делается у шахты.

24 мая 1917 года вблизи этого пня под прошлогодними листьями и опавшей травой я нашел яичную скорлупу.

15 июля ранним утром Юровский уже собрался на рудник и заботился о своем питании.

На этой же самой полянке, вдали от кустов и деревьев, я нашел в тот же день 24 мая под прошлогодней травой несколько листиков. Они были вырваны из книжки и запачканы человеческим калом.

Книжка эта — врачебное пособие, малого формата, карманного. На одном из листков сохранилось название отдела книги, из которого листики были вырваны: «Алфавитный указатель».

Кто-то на этой полянке удовлетворял свои потребности. Под руками не было ничего подходящего. Он вынул из кармана свою книжечку и воспользовался страницами, наименее нужными.

Знакомый практически с медициной врач не станет носить у себя в кармане пособия. Это говорит о недоучке. Таким фельдшером-недоучкой был Юровский.

Мы помним дорожку, по которой пришел на рудник грузовой автомобиль с трупами. Яма и лес мешали проходить ему. Он сорвался.

Как раз там, где лес подступает к дорожке у этой ямы, я нашел два сосновых деревца, подрубленных топором.

В моем акте значится: «Обращают на себя внимание два молодых сосновых деревца: они находятся как раз против срыва и в непосредственной близости к колее дороги; оба эти деревца, как это явственно видно, подрублены выше корня топором и повалены в сторону от колеи дороги по направлению к лесу, видимо, для того, чтобы экипаж шел дальше, не задевая за эти деревца».

В нескольких шагах от этого места в обвалившейся шахте я нашел топор с обломанным череном.

Что это — случайность?

Незадолго до убийства царской семьи шел коптяковской дорогой кр-н Волокитин[1]. Он шел от Коптяков к Екатеринбургу.

Вот его показание: «Я хорошо помню, что в первых числах июля месяца я шел в Екатеринбург той дорогой, что

[1] Свидетель М. А. Волокитин был мною допрошен на месте 21 июня 1919 года.

идет из Коптяков. На этой дороге я встретил трёх всадников, ехавших верхами в седлах.

Два из них были мадьяры. Они были в австрийской солдатской одежде. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничий топор.

Встреча эта произошла у нас часа в 4 дня.

Ехали они, направляясь прямо к переезду № 184 (к Коптякам).

Юровский еще перекинулся со мной несколькими словами, спросил меня, много ли ягод.

Я не могу припомнить, какого именно числа произошла эта моя встреча с Юровским, но я убежден, что это было еще тогда, когда я не слышал об убийстве государя Императора, и незадолго до того дня, когда большевики объявили об этом официально в газетах.

Через день-два после этого я опять шел домой по той же дороге и опять встретил легковой автомобиль. В автомобиле сидело несколько человек. Среди них, я это хорошо разглядел, был опять Юровский. Остальных же я совершенно не успел заметить и не заметил даже одежды их.

Автомобиль их шел в том же направлении на Коптяки,

Эта вторая встреча произошла, приблизительно, в 5—6 часов вечера. Я затрудняюсь точно сказать, но все же думаю, что и вторая моя встреча с Юровским произошла до объявления большевиками об убийстве государя императора».

Не подлежит сомнению, что Волокитин встречал Юровского в лесу в спокойной обстановке, т. е. когда заграждений на коптяковской дороге еще не было.

Оцепление рудника произошло с утра 17 июля.

Если принять положение, самое благоприятное для Юровского, т. е. что вторая его встреча с Волокитиным произошла до 16 июля и что она отделялась от первой только одним днем, возможен только один вывод: Юровский ехал расчищать путь грузовому автомобилю с трупами царской семьи 15 июля.

Мы помним старую березу, что росла у открытой шахты.

30 июля судебный следователь Наметкин заметил на березе зарубку, а на ней химическим карандашом надпись: «Горный техник И. А. Фисенко 11 июля 1918 года».

Этот Фесенко был отыскан Алексеевым и по моему поручению им допрошен.

Фесенко показал[1], что ему летом 1918 года было поручено производить в лесной даче изыскания руды. Он делал эту работу в июне и июле. Был он и в урочище Четырех Братьев и там у рудника сделал на березе указанную заметку, не отдавая себе отчета, для чего он это делает.

Дальше он говорил Алексееву: «Однажды во время работ в местности около Четырех Братьев он увидел ехавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух неизвестных лиц, одного из которых рабочие называли Ермаковым, а другой был полный австриец, мадьяр или кто другой, он не знает.

Юровского он знал до того, он занимал какое-то видное место при большевиках и был многим известен, а Ермакова и пленного видал в первый раз в жизни и до этого их совершенно не знал.

Встретясь с ним, они спросили его сначала, чем он тут занимается. Он объяснил им, что занимается разведкой руд.

Тогда они спросили его, можно ли будет проехать по этой дороге на Коптяки и далее на автомобиле-грузовике, и при этом объяснили ему, что им нужно провести 500 пудов хлеба...

Разговор с ним вел более Юровский.

Повстречались они с ним под вечер, приблизительно, часов около 5. Было это около 11 июля или после этого числа, он хорошо не упомнит, но только знает, что в те именно числа.

После проезда Юровского и Ермакова он еще работал сколько-то времени — день или два в означенной местности, а затем работы были прекращены, так как красноармейцы начали выгонять из той местности людей под предлогом военных действий».

Фесенко и Волокитин говорят о разных фактах: о двух разных встречах с Юровским.

15 июля, встретясь с Волокитиным, Юровский ехал расчищать уже известную ему дорогу, по которой он собирался везти трупы.

Встретясь с Фесенко, он эту дорогу пока еще высматривал.

Я приму снова положение, самое благоприятное для Юровского: один день отделял встречу с Фесенко от первой встречи с Волокитиным.

---

[1] Свидетель И. А. Фесенко был допрошен Алексеевым 30 августа 1919 г.

14 июля Юровский искал путь к руднику.

Его работа была более ответственна, чем Ермакова. Но она носила такой же характер: «черной работы».

Он ли был тем лицом, кто решил судьбу царской семьи?

Юровский сел в дом Ипатьева 4 июля и через несколько дней привел туда палачей.

Очевидно, в этот промежуток времени: между 4 и 14 июля какие-то иные люди, решив судьбу царской семьи, пробудили преступную деятельность Юровского.

Роль Свердлова и Голощекина

Судьба царской семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве.

24 мая 1919 года на той же поляне с сосновым пнем я обнаружил под прошлогодними листьями и травой два обрывка газеты.

Ею воспользовались для тех же целей, как и листиками от врачебного пособия.

Газета — на немецком языке. Из сохранившегося текста можно понять, что сибирское движение трактуется в ней, как служение интересам «Антанты».

Только два слова напечатаны на русском языке: «Третий Ин...» (Интернационал).

Газета имеет дату «26 июня 1918 года» и издана в Москве.

Как попала в лесные уральские трущобы эта московская газета?

Чекист Шая Голощекин играл на Урале гораздо большую роль, чем Яков Юровский.

Один из старых членов Коммунистической партии, он был связан личными отношениями с председателем ЦИКа Яковом Мовшевым Свердловым.

Когда Яков Юровский внедрился в дом Ипатьева, Шая Голощекин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова.

Но Белобородов в тот же день сообщил ему телеграфно[1] о происшедшей в доме Ипатьева перемене.

---

[1] Отпуск этой телеграммы Белобородова, служившей также и распиской в принятии к отправлению телеграммы, был обнаружен 25 августа 1918 года чинами прокурорского надзора в здании, где помещался Уральский областной Совет. Он был препровежден прокурором Екатеринбургского окружного суда члену суда Сергееву, 31 того же августа.

Телеграмма Белобородова имела следующее содержание[1]:

МОСКВА.

Председателю ЦИК Свердлову
для Голощекина

Авдеев Семен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка — 4558.

Белобородов.

4/VII Телеграмму принял Комиссар (подпись неразборчива).

Из целого ряда других документов точно видно, что 8 июля Шая Голощекин находился еще в Москве и должен был пробыть там еще некоторое время.

Он мог возвратиться в Екатеринбург и действительно возвратился из Москвы около 14 июля.

Его возвращение в Екатеринбург и ряд мер, коими Юровский подготовлял убийство царской семьи, — как раз совпадают по времени.

Шая Голощекин был на руднике, когда там уничтожались трупы.

В последний раз он поехал туда вечером 18 июля и возвратился в Екатеринбург утром 19 июля, пробыв на руднике всю ночь.

Сторожиха на переезде № 803 Екатерина Привалова[2] показала на следствии: «В этот день (18 июля) прошел к Коптякам легковой автомобиль. На нем сидело три или четыре человека. Из них я разглядела только одного Голощекина. Я раньше его видела и в лицо знала. На другой день 19 июля рано утром на зорьке, когда я корову выгоняла, этот автомобиль назад прошел. В нем опять сидел Голощекин с несколькими людьми, но этими или другими, не знаю. Он сидел в автомобиле и спал».

Видели этот автомобиль и в Верх-Исетске, когда он возвращался в город.

Зубрицкая и священник о. Иуда Приходько показали:

Зубрицкая: «В автомобиле были какие-то люди. Я ни костюмов, ни наружности их не разглядела. Они все

---

[1] Первая часть текста телеграммы не имеет значения для дела. Точно установлено, что в ней идет речь о вывозе денег из Екатеринбурга в Пермь, куда для этой цели и ездил комиссар финансов Сыромолотов.

[2] Свидительница Е. П. Привалова была мною допрошена на месте 10 июля 1919 г.

сидели понурые, головы свесили, как бы пьяные или сонные, не выспались».

О. Приходько[1]: «В первом ряду с шофером сидел человек, блондин, а в кузове — четыре человека еврейского типа, и все, развалившись, спали».

Рудник связал Шая Голощекина с Яковом Юровским.

Но есть иные факты, которые связывают Голощекина с Яковом Свердловым.

21 июля официальное большевистское «Бюро печати» отправило из Москвы в Екатеринбург областному Совету телеграмму № 6153. Она датирована 19 июля[2].

Вот ее содержание:

«19 июля. Состоявшемся 18 июля первом заседании президиума ЦИК Советов председатель Свердлов сообщает полученное прямому проводу сообщение от областного Уральского Совета расстреле бывшего царя Николая Романова точка. Последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд точка. То же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров имеющий целью вырвать рук Советвласти коронованного палача точка Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова что было приведено в исполнение 16 июля точка Жена сын[3] Николая отправлены надежное место точка документы раскрытом заговоре посланы Москву специальным курьером точка Сделав это сообщение Свердлов напоминает историю перевода Романова из Тобольска Екатеринбург когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев целях устройства побега Романова точка. Последнее время предполагалось предать бывшего царя суду все его преступления против народа только развернувшиеся сейчас события помешали осуществлению этого суда точка Президиум обсудив все обстоятельства заставившие Уральский областной Совет принять решение расстреле Романова постановил ЦИК лице своего президиума признать решение Уральского областного Совета правильным точка затем председа-

---

[1] Свидетель о. Иуда Приходько составил свои письменные показания по делу 25 июня 1920 г.

[2] Эта телеграмма, найденная военной властью в здании Уральского областного Совета, была препровождена Екатеринбургской военно-следственной комиссией 8 июля 1919 г. за № 8025 прокурору суда, а сим последним мне 9 того же июля за № 6196.

[3] Я попытаюсь впоследствии объяснить, почему Свердлов умолчал 18 июля о судьбе великих княжен.

тель сообщает что распоряжении ЦИК находится сейчас важный материал документы Николая Романова его собственноручные дневники которые он вел последнего времени дневники его жены детей переписка Романова точка Имеются между прочим письма Григория Распутина Романову его семье точка Все эти материалы будут разобраны опубликованы ближайшее время точка продолжение следует».

Свердлов лгал, когда так говорил.

17 июля после 9 часов вечера он имел у себя телеграмму такого содержания[1]: «Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участь что и главу официально семия погибнет при евакуации». (Орфография сохранена. **Ред.**).

Скажу о ней более подробно.

Она сразу приковала к себе мое внимание и отняла у меня много времени и хлопот. Она задержала мой отъезд из Омска в Екатеринбург, что лишило меня возможности самому допросить Медведева: я застал его в сыпном тифу.

24 февраля я передал ее содержание опытному лицу при Штабе Верховного главнокомандующего, 28 февраля — в Министерство Иностранных Дел, позднее — главнокомандующему союзными войсками генералу Жанену. Результаты были плачевны.

В Европе мне удалось найти то русское лицо, о котором всегда было известно как о человеке совершенно исключительных способностей и опыта в этой области. 25 августа 1928 года он получил содержание телеграммы. 15 сентября того же года я имел ее у себя расшифрованной.

Все люди обывательской среды, не знакомые с техникой следственного дела, обычно рассуждают по одному шаблону: всякое самое простое преступление им кажется чрезвычайно загадочным, пока оно не вскрыто, и каждое самое загадочное преступление им кажется чрезвычайно простым, когда оно вскрыто. Обычно и встречаешься всегда с рассуждениями: как преступники могли оставить неуничтожаемым такой ценный предмет? Достоверно ли это?

Большевики — люди, и, как все люди, они подвержены всем людским слабостям и ошибкам.

---

[1] 4 января 1919 года прокурор Екатеринбургского окружного суда предложил Сергееву изъять из Екатеринбургской телеграфной конторы все подлинные телеграммы большевиков. В числе 65 они были предпровождены Сергееву начальником этой конторы 20 и 26 января 1910 года за №№ 369 и 374.

Я им отдаю должное. Они совершили преступление, особенно вторую его часть: уничтожение трупов так тщательно, как могли.

Они лгали, отдаю им должное, умело.

Но они иногда переоценивали самих себя и свою осторожность.

Комиссар Войков, снабжавший рудник серной кислотой, всегда отличался склонностью к театральным жестам, глупостью и излишней болтливостью, особенно в дамском обществе. Его там однажды спросили о судьбе царской семьи. Он напыщенно ответил: «Мир никогда не узнает, что мы сделали с ними».

В нашем следственном деле нет чудес. Терпением и энергией подходим мы к истине.

К 25 августа 1920 года мне была абсолютно ясна идея большевистской лжи: «Мы расстреляли только царя, но не семью».

Они надели на себя революционную личину и подсовывали под преступление моральный принцип. Этим принципом они оправдывали убийство царя.

Но какая мораль может оправдать убийство детей?

Им оставалось только одно средство: лгать и лгать, и они лгали.

Но они лгали для мира. Для себя и между собой они должны были говорить правдиво. В содержание этой правды не могло не войти, должно было войти слово «семья».

В числе других оно было дано мною 25 августа 1920 года. Специалист-техник с колоссальным опытом и из ряда вон выдающими способностями раскрыл смысл таинственной телеграммы.

Ее ключ, очевидно, слово «Екатеринбург», имеющее 12 букв.

В числе 65 телеграмм имеются и другие, зашифрованные тем же самым ключом.

Вот дословное содержание двух телеграмм, отправленных из Екатеринбурга в Москву 26 июня и 8 июля 1918 года:

МОСКВА

Секрсовнаркома Горбунову
с обратной проверкой

«Ми уже сообщали что вес запас золота и платини вивезен отсюда два вагона стоят колесах Перми просим указат способ хранения на случаи поражения советвласти мне-

ние облакома партии и обласовета случае неудачи вес груз похоронит даби не оставит врагам».

Предобласовета Белобородов. 4323.

МОСКВА

Секрсовнаркома Горбунову

Для немедленного ответа

«Для немедленного ответа Гусев Петрограда сообщил что Ярославле возстание белогвардейцев поезд нами возвращен обратно ф Перм как поступат далее обсудите Голощекиным».

Предобласовета Белобородов.

Итак, 18 июля 1918 года в Москве Яков Свердлов первый сообщил в присутствии президиума ЦИКа о судьбе царской семьи.

19 июля в Москве появились об этом печатные сообщения.

Та же самая картина и в Екатеринбурге.

20 июля здесь Шая Голощекин первый сообщил в присутствии президиума областного Совета о судьбе царской семьи.

21 июля в городе были расклеены в разных местах печатные об этом сообщения.

Свидетельскими показаниями установлено, что именно говорил Шая Голощекин.

Текст одного из расклеенных сообщений был, по моему требованию, обнаружен 6 июля 1919 года чинами уголовного розыска в Екатеринбурге.

Основная идея и Москвы, и Екатеринбурга была одна и та же: царь «казнен по воле народа, жизнь семьи сохранена»[1].

И Свердлов, и Голощекин лгали одинаково. Этой общей ложью они сами себя связали как соучастники преступления.

Но роль их была не одинакова в этом преступлении.

Почему Москва первая сообщила о смерти царя, а Екатеринбург, где он был убит, сообщил об этом только через два дня?

Большевики в панике, трусливо бежали из Екатеринбур-

---

[1] Сообщение Голощекина в Екатеринбурге разнилось от сообщения Свердлова в Москве тем, что Голощекин не выделял, подобно Свердлову, судьбы государыни и наследника, а говорил вообще об «эвакуации» семьи, кроме «казненного» государя. Эту разницу я попытаюсь объяснить впоследствии.

га. От испуга они оставили на телеграфе и свои подлинные телеграммы, и свои подлинные телеграфные ленты.

Одна из них содержит переговоры Якова Свердлова, которые он вел 20 июля 1918 года из Москвы с неуказанным в ленте лицом из Екатеринбурга.

В ней на вопрос Якова Свердлова: «Что у вас слышно?» — неизвестный отвечает:

«Положение на фронте несколько лучше, чем казалось вчера. Выясняется, что противник оголил все фронты и бросил все силы на Екатеринбург; удержим ли долго Екатеринбург трудно сказать. Принимаем все меры к удержанию. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировалось.

Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами.

Сообщи решение ЦИК и можем ли мы оповестить население известным вам текстом?»

Свердлов отвечает:

«В заседании президиума ЦИК от 18-го постановлено признать решение Ур. обл. Совета правильным. Можете публиковать свой текст. У нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение. Сейчас послал за точным текстом, передам его тебе.

Пока же сообщаю следующее: 1) держитесь во что бы то ни стало посылаем подкрепление во все районы отправляем значительные отряды надеемся при их посредстве сломить чехов. 2) посылаем на все фронты несколько сот надежной партийной публики из питерских и московских рабочих специально для постановки широкой агитационной работы среди армии так и населения. 3) еще раз напоминаю необходимости обеспечить тыл. 4) сообщу о немцах. После убийства Мирбаха немцы потребовали ввода батальона в Москву мы категорически отказали были на волосок от войны. Немцы теперь отказались от этого требования. Повидимому войны сейчас не будет больше пока сообщить нечего. Сейчас передам точно текст нашей публикации.

Заголовок

Расстрел Николая Романова[1].

Кончаю на этом: дальше идет текст той самой большевистской телеграммы «Бюро печати» за № 6153, который указан выше.

Запись вскрывает причину, почему о смерти царя Моск-

[1] Перевод этой ленты Екатеринбургская военно-следственная комиссия препроводила прокурору Екатеринбургского окружного суда. Он был препровожден мне прокурором 9 июля 1919 года за № 6196.

ва заговорила раньше Екатеринбурга: Екатеринбург не смел сам говорить об этом без разрешения Москвы.

Как же он сам мог осмелиться убить, когда без позволения Москвы он не смел даже сказать об этом?

Кто говорил со Свердловым?

Этот человек знает состояние фронта. Голощекин знал фронт, так как он был областной «военный» комиссар.

С этим человеком Свердлов на «ты».

В. Л. Бурцев хорошо знает и Свердлова, и Голощекина. Он показывает: «И Свердлова, и Голощекина я знаю лично. Между собою они на «ты».

18 июля Яков Свердлов сказал, что из Екатеринбурга выслан в Москву специальный курьер с документами о раскрытом заговоре контрреволюционеров, намеревавшихся спасти императора, и что в распоряжении ЦИКа уже имеются дневники и письма царской семьи.

Документы о заговоре никогда не отправлялись к Свердлову из Екатеринбурга по той причине, что такого заговора не существовало.

Дневники же и письма царской семьи были действительно доставлены к Свердлову, но 18 июля он их у себя не имел и никак иметь не мог.

Он снова солгал. Так говорят логика и факты.

Утром, 15 июля, наказывая монахиням принести ему яиц, Юровский знал, что в лесных дебрях он будет терзать детские трупы.

Прошло всего несколько часов после ухода монахинь, и в дом Ипатьева пришли бабы мыть полы. Вспомним, что нам рассказала о Юровском Стародумова: «...Он сидел в столовой и разговаривал с наследником, справляясь о его здоровье».

Как техник, имеющий некоторый опыт в раскрытии подлых дел человеческих душ, я отдаю должное истине: Яков Михайлович Юровский несомненно человек «с характером».

Он тщательно обдумал преступление и свой характер выдержал до конца.

Он обманом выманил царскую семью из ее комнат под предлогом отъезда из дома. И только тогда, когда она была в застенке, он вынул из кармана свой револьвер.

Он шел к своей желанной цели, соблюдая большую осторожность, ибо не желал, чтобы его цель была раскрыта раньше времени.

Дневники и письма царской семьи были при нем в доме Ипатьева. Нет сомнения, для царя письма к нему им-

ператрицы были самым ценным. Как же можно было раньше убийства взять у него эти письма? Сделать это — раскрыть замысел убийства.

Эти письма взяли у царя, перешагнув через его труп.

Убийство случилось в ночь на 17 июля.

18 июля Свердлов не мог иметь у себя ни дневников, ни писем царской семьи. Чтобы это понять, надо только посмотреть на географическую карту России, там обозначено, сколько верст от Екатеринбурга до Москвы.

Эти весьма ценные предметы были отправлены Свердлову с особым курьером. Им был Яков Юровский, выехавший с ними из Екатеринбурга 19 июля.

Его отвозил на вокзал из дома Ипатьева кучер Елькин[1]. Он так описывает отъезд Юровского: «В последний раз я подал Юровскому лошадь 19 июля к дому Ипатьева. Из дому вышли молодые люди и с помощью старшего красноармейца вынесли и положили ко мне в экипаж семь мест багажа; на одном из них, представлявшем из себя средних размеров чемодан черной кожи, была сургучная печать».

Юровский спешил доставить в Москву эти документы и так торопился, что забыл в доме Ипатьева свой бумажник с деньгами.

Дорогой 20 июля он телеграфировал со станции Бисерт Белобородову: «Мною забыт в доме особого назначения бумажник с деньгами около двух тысяч прошу первым попутчиком прислать Трифонову для меня Юровских».

Почему для доставления денег требовалось посредничество Трифонова и почему телеграмма кончается словом «Юровских», а не «Юровский»?

Юровский — слишком видная фигура у большевиков. Если бы он эвакуировался в Пермь, где он потом и находился, его адрес был бы в любую минуту известен Белобородову.

19 июля он выехал из Екатеринбурга с женой и детьми. Он их оставлял в Перми, а сам ехал в Москву. Трифонов — это видный пермский чекист. Он потому и указан, что ему был поручен надзор за семьей Юровского ввиду отъезда его самого.

«Юровских» — не подпись. В тексте телеграммы пропущено уже раз употребленное слово «для».

Юровский просил Белобородова переслать бумажник

---

[1] Свидетель А. К. Елькин был допрошен Сергеевым 27 ноября 1918 г. в Екатеринбурге.

Государственный преступник Я. Свердлов

чекисту Трифонову, чтобы он передал его жене Юровского. Вот смысл этой телеграммы[1].

Что же означает ложь Свердлова?

Между 4 и 14 июля, когда Шая Голошекин был в Москве и жил в квартире Свердлова, судьба царской семьи была решена.

Свердлов тогда же приказал Голощекину доставить к нему после убийства семьи все интимные документы. Несомненно, было решено, что их доставит надежный специальный курьер.

18 июля Свердлов получил шифрованную телеграмму. Царская семья была убита. Свердлов торжествовал кровавую победу над беззащитными людьми и в радости сердца опрометчиво похвастал тем, чем еще не обладал.

Это своей оплошностью он сам определил свое место: самого главного среди других соучастников убийства.

Яков Мовшевич Свердлов — мещанин г. Полоцка, Витебской губернии, еврей, родился в 1885 году, в г. Н. Новгороде.

Учился он в нижегородской гимназии, но не кончил курса и был затем аптекарским учеником.

---

[1] Эта телеграмма была найдена в здании Уральского областного Совета 8 сентября 1918 года товарищем прокурора Н. И. Остроумовым.

В 1907 году он был членом пермского комитета партии большевиков и был в этом году по приговору Казанской судебной палаты осужден в крепость на 2 года.

В 1911 году он был сослан в Сибирь, бежал и снова был сослан.

На ленинской конференции РСДРП в апреле месяце 1917 года он был в составе президиума как представитель Урала. Тогда же он был избран членом ЦИКа.

В числе других лиц он был в составе военно-революционного комитета, руководившего переворотом 25 октября.

Только ли вдвоем с Голощекиным Свердлов решил судьбу царской семьи?

20 июля его собеседник говорил ему из Екатеринбурга: «Вчера выехал к вам курьер с интересующими вас документами. Сообщи решение ЦИК...»

Нет сомнения, что «вы» собирательное. Оно адресовано не одному Свердлову.

Были и другие лица, решающие вместе с Свердловым и Голощекиным в Москве судьбу царской семьи.

Я их не знаю.

Убийство в Алапаевске великой княгини Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича и князя Владимира Павловича Палея

Летом 1918 года в г. Алапаевске, Верхотурского уезда, Пермской губернии, недалеко от Екатеринбурга, содержались в заключении великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князья Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и князь Владимир Павлович Палей.

В ночь на 18 июля 1918 года все они исчезли из Алапаевска, а утром большевики расклеили по городу объявления, что их похитили «белогвардейцы».

Население не верило этим объявлениям, но, задавленное террором, оно не смело проявить своей инициативы.

28 сентября Алапаевск был освобожден от большевиков.

Военная власть поручила чиновнику Мальшикову начать полицейское расследование.

С 11 октября у члена суда Сергеева возникло судебное расследование. 7 февраля 1919 года оно перешло ко мне вместе с делом об убийстве царской семьи.

Вот что установлено расследованием.

Узники прибыли в Алапаевск 20 мая 1918 года и были помещены в здании, так называемой «Напольной школы», на краю города.

Это — каменное здание из четырех больших и двух малых комнат с коридорной системой.

Угловую ломнату с левой коридора занимала охрана.

Далее по той же стороне коридора шли три комнаты. В первой жили Сергей Михайлович и Владимир Павлович Палей с их служащими Федором Михайловичем Ремезом и Круковским. В следующей — Константин Константинович и Игорь Константинович. Угловую комнату занимала Елизавета Федоровна и состоявшие при ней сестры Марфо-Мариинской общины Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. В угловой комнате с правой стороны коридора жил Иоанн Константинович, в следующей помещался лакей Калин, далее шла кухня.

Позднее прибыл врач Сергея Михайловича доктор Гельмерсен, также поселившийся в школе.

Отдельного комиссара при заключенных не было. Власть над заключенными проявляли многие большевики, игравшие в Алапаевске наиболее видную роль. Это были:

1. Григорий Павлов Абрамов — председатель совдепа.
2. Иван Павлов Абрамов.
3. Михаил Иванов Гасников
4. Михаил Леонтьев Заякин

члены совдепа.

5. Дмитрий Васильев Перминов — секретарь совдепа.
6. Николай Павлов Говырин — председатель чека.
7. Петр Константинов Старцев
8. Петр Александров Зырянов
9. Михаил Федоров Останин

члены чека.

10. Василий Петров Постников — судья.
11. Иван Федоров Кучников — начальник красноармейского отряда.
12. Ефим Андреев Соловьев — комиссар юстиции.
13. Владимир Афанасьев Спиридонов — административный комиссар.
14. Сергей Алексеев Павлов — военный комиссар.

15. Алексей Александров Смольников.
16. Егор Иванов Сычев
17. Василий Павлов Говырин
18. Евгений Иванов Наумов
19. Дмитрий Петров Смирнов
20. Иван Дмитриев Маслов
21. Василий Рябов
22. Михаил Насонов

рабочие-большевики.

Все это — русские люди, местные жители Алапаевска и его окрестностей.

Караул всегда состоял из шести лиц: мадьяр, красноармейцев, местных рабочих, назначавшихся совдепом или чека.

Служившая узникам в качестве приходящей поварихи Кривова, ее помощница Поздина-Замятина и рабочий-охранник Старцев[1] показали:

Кривова: «В комнатах князей была только самая простая, необходимая обстановка: простые железные кровати с жесткими матрацами, несколько простых столов и стульев; мягкой мебели не было. К часу дня я готовила завтрак, в четыре подавался чай, а в семь часов — обед... Князья занимались чтением, гуляли, работали в находящемся при школе огороде. С разрешения разводящего красноармейского караула князья ходили в церковь и совершали прогулки в поле, которое начинается за школой; ходили они без охраны. Великая княгиня Елизавета Федоровна занималась рисованием и подолгу молилась; завтрак и обед ей подавали в комнату; остальные князья собирались для завтрака и обеда в комнату Сергея Михайловича, служившую также и общей столовой».

Поздина-Замятина: «В мае месяце, когда я прислуживала князьям, они пользовались достаточной свободой: беспрепятственно гуляли по поляне близ школы, работали в огороде и ходили в церковь; в огороде работали все князья и княгиня и своими руками наделали гряды и цветочные клумбы, во дворе также все вычистили и привели в порядок, так что получился чистый и уютный уголок, где князья нередко под открытым небом пили чай, читали и беседовали».

Старцев: «По коридору гуляли иногда князья; с од-

[1] Эти свидетели были допрошены членом суда Сергеевым: А. С. Кривова 25 октября 1918 года, А. Г. Поздина-Замятина 14 декабря того же года и А. Д. Старцев 18 того же декабря в г. Алапаевске.

ним из них, уже седоватым господином (как его звали — не знаю), мы вели продолжительные беседы. Князь этот доказывал, что всеобщего равенства быть не может, ссылаясь при этом на «притчу о талантах», по поводу земельного уравнения князь говорил, что и земля бывает разная и потому трудно поровну и справедливо разделить ее между всеми трудящимися; жаловался князь на ревматизм в ногах и говорил, что только массажем и спасается от болей... Разговоры велись в хорошем, миролюбивом тоне, так что князь выражал свое удовольствие и сказал, что редко ему приходится говорить, потому что караульные попадаются по большей части хулигане».

Как они относились к узникам?

Кривова показала: «Красноармейцы, охранявшие дом, бывали и хорошие и плохие. Хорошие жалели князей и относились к ним внимательно, а плохие были грубы, придирчивы и даже обращались к князьям со словом «товарищ». Раза три дежурили австрийцы; эти красноармейцы были чрезвычайно грубы и по ночам почти через час врывались в комнаты князей и производили обыски. Великий князь Сергей Михайлович возражал против этого напрасного беспокойства, но на его заявления не обращали никакого внимания. Об этом я передаю вам со слов самого великого князя».

21 июня жизнь узников резко ухудшилась: был установлен тюремный режим, было отобрано имущество и деньги.

Кривова показала: «Приблизительно, через месяц положение князей резко изменилось к худшему: у князей было конфисковано все их имущество — обувь, белье, платье, подушка, золотые вещи и деньги; оставлено было только носильное платье и обувь и две смены белья... С этого же времени были запрещены всякие прогулки вне школьной ограды и запрещено было делать какие бы то ни было закупки на рынке. Для пропитания князей было решено присылать из Совета готовые кушанья, но затем разрешили мне готовить князьям пищу из своих продуктов; на неделю полагалось 28 фунтов мяса, 15 фунтов проса и одна бутылка конопляного масла».

Не подлежит никакому сомнению: перемена произошла по приказанию из Екатеринбурга.

21 июня великий князь Сергей Михайлович телеграфировал:

«Екатеринбург. Председателю областного Совета. По расположению областного совдепа мы с сегодняш-

него дня находимся под тюремным режимом. Четыре недели мы прожили под надзором Алапаевского совдепа и не покидаем здания школы и ее двора, за исключением посещения церкви. Не зная за собой никакой вины ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников находящихся в Алапаевске Сергей Михайлович Романов».

Комиссар юстиции Соловьев запрашивал в тот же день по телеграфу:

«Военная. Екатеринбург област. Совет Считать ли прислугу Романовых арестованными и давать ли выезд основание 4227 Алапаевский совдеп Отправитель Е. Соловьев»[1].

Чем была вызвана перемена режима?

Летом 1918 года в Перми находился в ссылке великий князь Михаил Александрович.

В июне месяце он исчез.

Этим Екатеринбург и мотивировал введение тюремного режима в Алапаевске.

Отвечая на телеграмму Соловьева, Белобородов телеграфировал ему 22 июня:

«Алапаевск

Совдеп

Прислугу Ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Обласовета точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми

Белобородов»[2].

Все посторонние были удалены от узников. Только при Елизавете Федоровне была оставлена сестра Яковлева и при Сергее Михайловиче — Ремез.

17 июля в 12 часов дня в школу прибыл чекист Петр Старцев и несколько человек рабочих-большевиков.

Они отобрали у заключенных последние деньги и объявили им, что ночью все они будут перевезены в Верхне-Синячихенский завод, приблизительно, в 15 верстах от Алапаевска.

Пришедшие удалили из школы красноармейцев и сами заменили их.

---

[1] Обе эти подлинные телеграммы в числе других были препровождены Сергееву начальником Алапаевской почтово-телеграфной конторы 15 декабря 1918 года за № 303.

[2] Эта телеграмма была найдена прокурорским надзором 25 августа 1918 года в здании Уральского областного Совета.

Кривова готовила в это время обед. Она показала: «Меня большевики очень торопили с обедом; обед я подала в 6 часов, и во время обеда большевики все торопили: «Обедайте поскорее, в 11 часов ночи поедем в Синячиху». Я стала укладывать продукты, но большевики сказали мне, чтобы я отложила укладку и что завтра я могу привезти их в Синячиху».

Поздней ночью около здания школы стали раздаваться разрывы гранат, слышались ружейные выстрелы.

Это вызвало волнение в городе. Многие видели рассыпанные на некотором расстоянии от школы цепи красноармейцев, которых затем повели к самой школе.

Характер мистификации был тогда же ясен не только многим жителям, но и самим красноармейцам, бывшим в цепях.

Из них было задержано четыре человека[1]. Я ограничусь показанием Якима Насонова:

«Часу в третьем ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу: наступают белогвардейцы. Мы наскоро собрались, оделись, вооружились. Нас повели к напольной школе и близ нее рассыпали нас цепью. В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе. Никакого врага мы не видели и стрельбы не производили. Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от Уральского областного Совета за то, что князьям удалось бежать: их белогвардейцы увезли на аэроплане; тут же еще находился народный судья Постников с «большой книгой в руках» и наводил следствие о побеге князей. Дня через 3—4 стали говорить, что комиссары обманывали народ, сочинив басню о похищении князей, а что на самом деле князья ими убиты».

18 июля в 3 часа 15 минут Алапаевский совдеп телеграфировал в Екатеринбург областному совдепу[2]:

«Военная. Екатеринбург. Уралуправление. 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала напольную школу где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты

---

[1] Задержаны были красноармейцы П. Д. Поздин-Замятин, Я. И. Насонов, А. П. Костылев и И. Г. Стрехнин. Первый был допрошен Сергеевым 15, а остальные 18 декабря 1918 года в Алапаевске.

[2] Эта телеграмма была препровождена Сергееву начальником Алапаевской почтово-телеграфной конторы 13 декабря 1918 года за № 303,

бежали по направлению к лесу задержать не удалось розыски продолжаются. Алапаевский исполком. Абрамов. Перминов. Останин».

В тот же день в 18 часов 30 минут Белобородов телеграфировал:

«Сборная
Москва два адреса Совнарком Председателю ЦИК Свердлову
Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому
Алапаевский исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович Константин Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович и Полей точка Несмотря сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка 1853

Предобласовета Белобородов»[1].

25 июля 1918 года совершенно такое же объявление Белобородова было помещено в номере 144-м Пермских Известий:

«Похищение князей.

Алапаевский исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18 июля неизвестной банды на помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей.

Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы обоих сторон. Поиски ведутся.

Предс. областного Совета Белобородов[2].

Нить для расследования была дана Кривовой: собирались везти в В.-Синячиху.

Но помог еще случай.

Незадолго до похищения августейших узников кр-н Алапаевска Иван Солонин собрался жениться. Он сделал заказ кр-ну Александру Самсонову приготовить к свадьбе кумышки (самогону). Самсонов заказ принял и с нужными припасами поехал готовить кумышку в лес.

---

[1] Эта телеграмма была препровождена Сергееву начальником Екатеринбургской телеграфной конторы 20 января 1919 года за № 374.

[2] Я попытаюсь объяснить позднее, почему ни в телеграмме Белобородова, ни в его официальном газетном сообщении не упоминалось о судьбе великой княгини Елизаветы Федоровны.

Но свадьба расстроилась, и мать невесты, неудавшаяся теща, чтобы не платить Самсонову за его работу, пошла в чека с доносом на него, что он-де занимается тайным винокурением.

Близкие Самсонову люди, узнав об этом, отыскали его в лесу и предупредили о грозящей ему опасности.

Самсонов бросил работу и окольными дорогами уехал в Алапаевск.

Своим спасителям он в благодарность дал четверть приготовленной уже кумышки, которую они на месте и выпили.

Поздней ночью они поехали в Алапаевск. Ехали они дорогой, которая ведет из Алапаевска в Синячиху, и встретили поезд в 10—11 коробков, в каждом по два человека, без кучеров на козлах.

Об этой встрече они говорят в одинаковых выражениях.

Вот показание Трушкова[1]: «Весь этот поезд направлялся от Алапаевска к Синячихе и попался мне версте на пятой от Алапаевска. Ни криков, ни разговоров, ни песен, ни стонов — вообще никакого шума я не слышал: ехали все тихо-смирно».

Синячихенская дорога приковала внимание Мальшикова. Он исследовал ее и пришел к убеждению, что разгадку тайны надо искать на руднике, расположенном вблизи этой дороги.

Скоро он заметил, что одна из старых шахт рудника засыпана сверху свежей землей. Он провел раскопки.

Шахта имела в глубину 28 аршин. Стенки ее были выложены бревнами. В ней было два отделения: рабочее, через которое добывалась руда, и машинное, куда ставились насосы для откачки воды. Оба отделения были завалены множеством старых бревен, занимавших самое разнообразное положение.

На различной глубине шахты Мальшиков нашел трупы: 8 октября — Федора Семеновича Ремеза, 9 — Варвары Яковлевой и князя Палея, 10 — князей Константина Константиновича и Игоря Константиновича и великого князя Сергея Михайловича, 11 октября — великой княгини Елизаветы Федоровны и князя Иоанна Константиновича.

Трупы были в одежде. В карманах оказались разные вещи домашнего обихода и их документы, которые они всегда имели при себе в заключении.

---

[1] Свидетель К. В. Трушков был допрошен членом суда Сергеевым 22 декабря 1918 года в г. Алапаевске.

На груди великой княгини Елизаветы Федоровны была икона Спасителя с драгоценными камнями. По моим сведениям, перед этой иконой молился государь перед отречением от престола и передал ее затем Елизавете Федоровне. На обороте ее надпись: «Вербная Суббота 13 апреля 1891 года».

Шахта, несомненно, была взорвана гранатами. В ней были их осколки, были неразорвавшиеся гранаты.

Трупы были предъявлены народу и были опознаны.

Вот что оказалось по вскрытии их[1]:

Труп великой княгини Елизаветы Федоровны: «В головной полости, по вскрытии кожных покровов, обнаружены кровоподтеки: на лобной части, величиной в детскую ладонь и в области левой теменной кости — величиной в ладонь взрослого человека; кровоподтеки в подкожной клетчатке, в мышцах и на поверхности черепного свода. Кости черепа целы. В твердой мозговой оболочке по верху темени замечается кровоподтек».

Труп великого князя Сергея Михайловича: «По снятии кожных покровов черепа в левой теменной области — кровоподтек в мышцах и подкожной клетчатке; в правой теменной кости — круглое отверстие величиной с горошину (1/2 сантиметра в диаметре); канал этого ранения имеет направление сверху вниз и спереди назад. По снятии черепной крышки на внутренней поверхности правой теменной кости соответственно первому имеется отверстие диаметром в 1 сантиметр; вокруг отверстия осколки кости. На твердой мозговой оболочке соответственно описанным отверстиям в кости черепа имеется нарушение ткани в виде кругловатого отверстия».

Труп князя Иоанна Константиновича: «... В правой височной области, по вскрытии кожных покровов, наблюдается кровоподтек в мышцах и подкожной клетчатке, занимающий всю височную область. По вскрытии черепной крышки обнаружен кровоподтек под твердую мозговую оболочку в правой же височной области. В толще мышц всей передней грудной стенки кровоподтек... В полостях плевры обширное кровоизлияние... В брюшной области по вскрытии кожных покровов, в толще мышц и жировой клетчатки наблюдается кровоподтек, простирающийся на всю переднюю стенку живота».

---

[1] 11 октября 1918 года был произведен медико-полицейский осмотр и вскрытие трупа Ремеза. 12 октября — осмотр всех остальных. 26 октября того же года — членом суда Сергеевым судебно-медицинский осмотр и вскрытие всех трупов, кроме уже вскрытого трупа Ремеза.

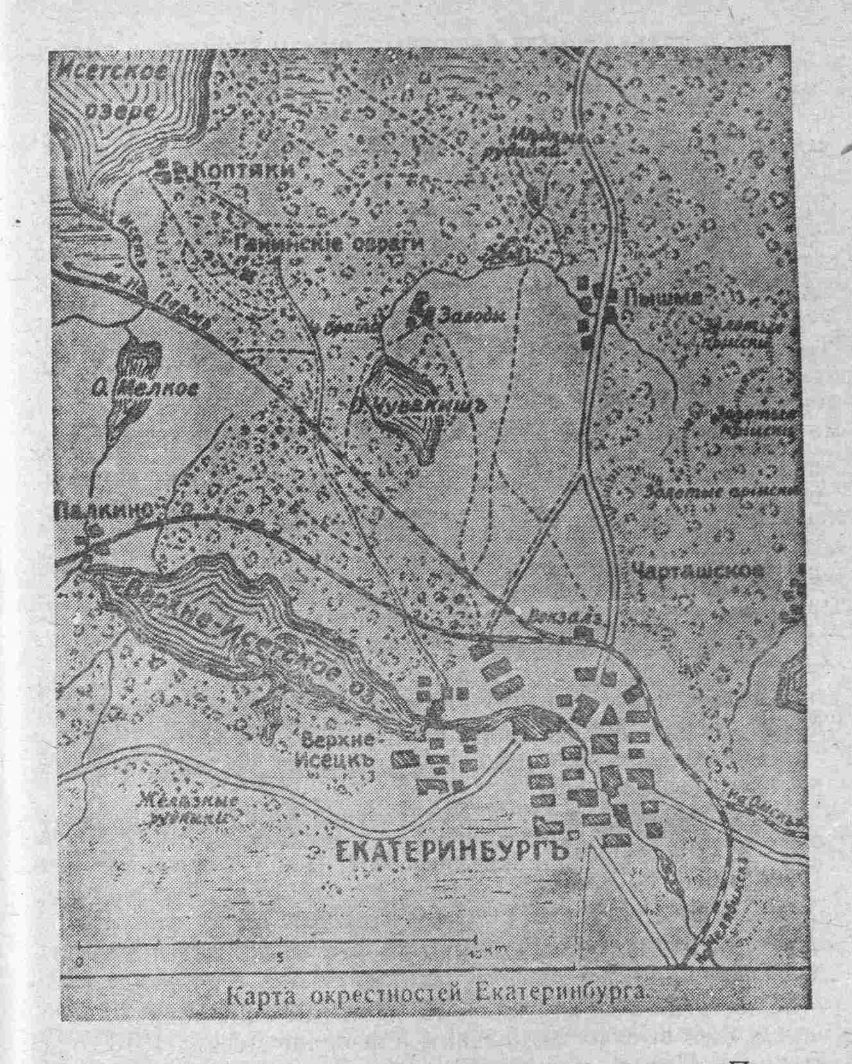
Труп князя Константина Константиновича: «На темени — большая рваная рана кожных покровов, направление ее справа налево, длина 9 сантиметров, ширина 3 сантиметра. На два сантиметра кзади — вторая рваная рана, длиной 2 сантиметра. На правой височной и теменной (костях) и на самом темени — обширный кровоподтек величиной в ладонь. По снятии черепной крышки на твердой мозговой оболочке, на темени и затылке обнаружен кровоподтек. В грудной полости, по врезе кожных покровов, найден большой кровоподтек, проникающий в мышцы и подкожную клетчатку на твердой стенке грудной клетки».

Труп князя Игоря Константиновича: «В головной полости, по вскрытии кожных покровов, кровоподтек, занимающий всю правую половину лба; на костях черепа трещина, начинающаяся со средины верхнего края правой глазницы и далее идущая по средней линии лобной кости; кзади эта трещина переходит в стреловидный шов и доходит до зыталочной кости. По вскрытии черепной крышки — мозг в виде серой массы; по удалении мозга видно, что трещина проходит по верхней стенке правой глазницы и пересекает турецкое седло. В грудной полости, по вскрытии кожных покровов, обнаружен большой, проникающий мышцы, кровоподтек в нижней части передней стенки грудной клетки... По вскрытии брюшной полости — большой кровоподтек в толще брюшной стенки».

Труп князя Владимира Павловича Палея: «В головной полости, по вскрытии кожных покровов, — большой кровоподтек, занимающий обе теменные и затылочную области. По разрезе кожных покровов вытекло около 4—5 кубических сантиметров крови... По вскрытии черепной полости — кровоизлияние под твердую мозговую оболочку затылочной области; в задних частях головной мозг представляет собою кашицеобразную массу красного цвета. В грудной полости — большой кровоподтек в толщу мышцы и подкожной клетчатки в передней стенке грудной клетки».

Труп Федора Семеновича Ремеза: «В области грудных мышц сильный кровоподтек, распространяющийся на всю грудную клетку... В области правого виска, по снятии кожных покровов, большое кровоизлияние. Кровоподтек распространяется на всю затылочную область... Под твердой мозговой оболочкой в левой височной области кровоизлияние».

Труп Варвары Яковлевой: «По вскрытии кожных покровов головы обнаружен кровоподтек в правой височной области и второй кровоподтек в затылочной и теменной об-

Карта окрестностей Екатеринбурга.

ластях; кости черепа целы; в костных швах кровь. По снятии черепной крышки оказался кровоподтек под твердую мозговую оболочку в затылочной области. По вскрытии кожных покровов — кровоподтек, занимающий область грудины».

Экспертиза определила, что смерть великого князя Сергея Михайловича произошла от «кровоизлияния в твердую мозговую оболочку и нарушения целости вещества мозга вследствие огнестрельного ранения».

Все остальные были брошены в шахту живыми, и смерть их произошла от «полученных ими кровоизлияний вследствие ушибов».

Комиссар юстиции Ефим Соловьев, чекист Петр Старцев и член совдепа Иван Абрамов были пойманы[1].

На совести Соловьева лежало много и других убийств. Он убил, между прочим, местного священника о. Удинцева. Как закоренелый преступник, Соловьев утверждал, что 17 и 18 июля он отсутствовал из Алапаевска, что, однако, было опровергнуто следствием.

Старцев и Абрамов видели всех, кто увозил заключенных в ночь на 18 июля к шахте и кто, оставаясь у школы, симулировал нападение мнимых «белогвардейцев».

Имена всех этих лиц указаны выше.

Мнимый «бандит», труп которого был найден у школы после увоза заключенных, оказался крестьянином Салдинского завода. Он заранее был схвачен чекистами и несколько дней содержался в алапаевской чека.

Старцев объяснил, что убийство августейших узников произошло по приказанию из Екатеринбурга, что для руководства им оттуда приезжал специально Сафаров[2].

Можно ли в этом сомневаться?

Всего лишь сутки отделяют екатеринбургское убийство от алапаевского. Там выбрали глухой рудник, чтобы скрыть преступление. Тот же прием и здесь.

Ложью выманили царскую семью из ее жилища. Так же поступили и здесь.

И екатеринбургское и алапаевское убийства — продукт одной воли одних лиц.

Убийство в Перми великого князя Михаила Александровича

Спасся ли великий князь Михаил Александрович?

Он был выслан из Гатчины в феврале месяце 1918 года и жил в Перми, пользуясь сравнительной свободой, в гостинице купца Королева.

---

[1] Обвиняемые Ефим Андреев Соловьев и Петр Константинов Старцев были допрошены членом суда Сергеевым 28 декабря 1918 года в Алапаевске, обвиняемый Иван Павлов Абрамов мною 18 апреля 1919 года в Екатеринбурге.

[2] Сафаров был в штабе Ленина и прибыл вместе с ним в Россию в 1917 году. Он был членом Уральского областного Совета и редактором большевистской газеты «Уральский рабочий». Национальности его я не знаю.

В этой же гостинице жил его секретарь Николай Николаевич Джонсон, камердинер Василий Федорович Челышев и шофер Борунов.

12 июня вечером у великого князя был его повар Георгий Федорович Митревелли, живший отдельно в своей квартире.

По приказанию великого князя Митревелли должен был утром 13 июня явиться к нему.

Митревелли утром явился в гостиницу Королева, но не нашел здесь ни великого князя, ни Джонсона, ни Челышева с Боруновым.

От прислуги гостиницы он узнал, что минувшей ночью великий князь с Джонсоном был куда-то увезен большевиками, Челышев же с Боруновым спустя некоторое время были арестованы.

Мне удалось установить, что оба последние содержались большевиками в пермской тюрьме, откуда они по ордеру пермской чека от 21 сентября 1918 года за № 3694 были увезены и через некоторое время, по сведениям тюремного начальства, расстреляны.

В одной камере с Челышевым содержался уже известный нам камердинер государыни Алексей Андреевич Волков.

Челышев рассказывал Волкову, как был увезен великий князь Михаил Александрович.

При допросе у меня Волков показал:

«В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Челышев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.

Михаил Александрович проживал в Перми в королевских номерах, где в другом номере жил с ним Челышев. Там же жил и его секретарь Джонсон. Приблизительно, недели за полторы, как говорил Челышев, до нашего прибытия в Пермь ночью часов в 12 пришли в королевские номера каких-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то (он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал). Я его знаю, а вас не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо вы-

ругался: «А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чем и куда увезли Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен), Челышев сам отправился в совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это заявление не было обращено внимания, и, спустя час, как он мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чем она выразилась, Челышев не говорил. На него же они произвели то впечатление, что они нисколько не спешили догонять Михаила Александровича и вообще как бы не обратили должного внимания на его заявление. Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев ему сказал: «Ваше высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян».

Большевичка Вера Карнаухова была секретарем пермского комитета партии большевиков, а ее брат Федор Лукоянов одним из следователей уральской областной чека.

Карнаухова показала[1]: «Пришел как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня донеслась его фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом».

Данными моей агентуры установлено, что великий князь вместе с Джонсоном был увезен пермскими чекистами в соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где они оба и были убиты:

Их тела были там же, видимо, сожжены.

После этого большевики распространили в Перми слух, что великий князь был увезен монархистами, а в Москве они распространили ложное известие, что в Екатеринбурге убит государь император.

Это последнее известие появилось в Москве, и я имею

---

[1] Свидетельница В. Н. Карнаухова была мною допрошена 2 июля 1919 года в Екатеринбурге.

Фрагмент иконы «Образ Новомучеников Российских»

много подлинных телеграмм от ответственных деятелей, точно устанавливающих этот факт.

Таким путем они отвлекли внимание общества от особы великого князя, приковав его к мнимому в то время факту гибели государя.

Слух о «спасении» великого князя многими был принят с доверием, так как убийство государя было скоро опровергнуто ими же самими.

В Перми вместе с камердинером государыни Волковым содержались графиня Гендрикова и Шнейдер.

Волков показал у меня на допросе:

«В ночь на 22 августа по старому стилю меня привели из камеры в контору. Тут же были и Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооруженных человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но по большей части были не русские, а, видимо, латыши, хотя, может быть, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели, ждали света. Гендрикова мне шепнула с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать,

хотя и ясно видел, куда нас поведут. Повели нас за город. Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать свои услуги: «Позвольте, я понесу ваши вещи», очевидно, каждый желал сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шляпу и слышал вдогонку мне слова: «Готов». Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведен третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил, и я убежал. 43 суток я блуждал и вышел на линию железной дороги в 70 верстах от Екатеринбурга на территорию, свободную от большевиков».

Графиня Гендрикова и Шнейдер были тогда же расстреляны.

Их трупы были найдены весной 1919 года.

Заключение

Насилие над царем определило судьбу не одних только детей его. Сугубо пытаются внедрить версию о спасении великого князя Михаила Александровича путем бегства. Пусть думают, мог ли он решиться на это, не задумавшись над вопросом, что же в таком случае станет с его державным братом и с его семьей.

Лишение царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу.

Правда, сам царь не хотел этого. Когда Яковлев увозил его из Тобольска, с ним в последнюю минуту пришла проститься учительница Битнер. Она говорит: «Он был удручен и рассеян. Я стала его утешать и сказала, что так, может быть, будет лучше. Он безнадежно смотрел в это время на будущее. Когда же я сказала, что его, может быть, увезут за границу, он ответил: «О, не дай-то Бог! Только бы не за границу!»

Царь томился в заключении, отрезанный от мира. Он не мог знать положения в стране и не мог сознавать всей опасности, которая ему грозила.

Но те, в чьих руках была его судьба, все это знали.

Что сделали они, чтобы дать ему возможность оставить Россию и спасти своих детей?

Я думал найти все разрешение этого вопроса у главы Временного правительства князя Львова. Туманно, всячески стараясь обезличить свою собственную роль и прикрыться крикливой, порывистой фигурой Керенского, давал князь Львов свои показания.

На мой вопрос он ответил: «Я удостоверяю, что между лицами, входившими в состав Временного правительства, были тогда разговоры по поводу отъезда царской семьи за границу. Оценивая положение в стране к лету 1917 года, находили, что ей лучше будет уехать из России. Называли тогда Англию и Данию. Доклада по этому вопросу не было. Но министр иностранных дел Милюков, кажется, выяснил эту возможность, причем, как мне помнится, самая инициатива в этом вопросе принадлежала некоторым из великих князей, и в частности Николаю Михайловичу и Михаилу Александровичу. Почему из этого ничего не вышло, я не знаю».

Милюков показал: «В первые дни переворота, когда власть была уже сорганизована в лице Временного правительства, в составе коего я был министром иностранных дел, в числе других документов была получена телеграмма от английского короля Георга на имя отрекшегося Николая II. Король выражал в этой телеграмме свои личные чувства царю как главе государства. В ней не было никаких конкретных предложений по поводу судьбы царя. Просто эта телеграмма носила, так сказать. «комплиментарный» характер. Она была доставлена мне, как министру иностранных дел. Так как не существовало уже лица, коему была адресована эта телеграмма (повторяю, она была адресована императору, в тот момент уже отрекшемуся от престола), то я и вернул ее послу Англии Бьюкенену. Я прекрасно помню, что, как только возникла революционная власть в лице Временного правительства, признавшая необходимым отречение царя Николая II от престола, был тогда же поднят вопрос о судьбе царя и его семьи. Было признано желательным и необходимым, чтобы Николай II покинул с семьей пределы России и выехал за границу. Я положительно утверждаю, что таково было желание Временного правительства, причем страной, куда были обращены взоры, была Англия. Как министр иностранных дел, я счел себя обязанным в силу решения Временного правительства, признавшего необходимым отъезд царя за границу, переговорить по этому вопросу с послом Великобритании Бьюкененом. Бьюкенен после моей с ним беседы запросил свое правительство. Оно изъявило готовность при-

нять царскую семью в Англию, и Бьюкенен, сообщая об этом, уведомлял, что для перевозки царской семьи должен прибыть крейсер. Я полагаю, что до сведения царя об этом, по всей вероятности, было доведено. Однако крейсер не приходил, и отъезда не было. Наступила какая-то, так сказать, заминка. Я вторично заговорил с Бьюкененом по этому вопросу, и он мне сказал, что правительство Англии более не «настаивает» на отъезде царской семьи в Англию. Я сознательно употребил термин «настаивает» не в смысле желания моего указать, что от английского правительства шла самая инициатива в этом вопросе. Инициатива принадлежала нам, т. е. Временному правительству. Термин же «настаивает» был употреблен в «дипломатической речи». Имели ли место по этому вопросу какие-либо беседы с Бьюкененом моего заместителя Терещенко, я не знаю, так как в это время я уже ушел от власти».

Керенский показал: «Временное правительство решило попытаться выяснить у английского правительства возможность отъезда царской семьи в Англию. Министр иностранных дел (вначале, возможно, Милюков) стал вести об этом переговоры с английским послом Бьюкененом. В результате Бьюкененом был передан следующий ответ правительства Англии Терещенко, бывшему тогда министром иностранных дел, сообщившему его мне и князю Львову: «Правительство Англии, пока не окончена война, не считает возможным оказать гостеприимство бывшему царю». Ответ этот обсуждался Временным правительством в совершенно секретном заседании, без журнала заседания»[1].

---

[1] 7 февраля 1920 года, когда погиб адмирал Колчак, я был в Харбине. Положение было тяжелое, не было денежных средств. Я обратился в феврале с письмом к послу Великобритании в Пекине Г. Лямсону и просил его дать мне возможность вывезти в Европу акты следствия и вещественные доказательства. Я указывал, что в числе вещественных доказательств имеются останки царской семьи. 23 февраля ко мне прибыл секретарь. После г. Кейф и сообщил мне, что посол запросил свое правительство в Лондоне. Лямсон, видимо, не сомневался в утвердительном ответе. Мой вагон был взят в состав поезда Кейфа и охранялся. 19 марта английский консул в Харбине г. Сляи передал мне ответ английского правительства. Он был лаконичен: «Не может». Вместе с генералом Дитерихсом мы обратились к французкому генералу Ханену. Он ответил нам, что он не станет никого запрашивать, так как помощь в таком деле считает долгом чести. Благодаря генералу Жанену, удалось спасти акты следствия и вещественные доказательства. Не могу обойти молчанием имен двух русских людей. Купец в Харбине И. Т. Щелоков добыл у кр-на Ф. М. Власова слиток золота, давший при реализации 3000 иен. На эти деньги мне удалось выехать в Европу и спасти следствие.

С 25 июля 1917 года наш бывший посланник в Португалии П. С. Боткин в течение почти года неустанно просил ответственных политических деятелей Франции спасти жизнь царской семьи, высказывая опасения, оказавшиеся, к сожалению, пророческими. В своем последнем письме 2 июля 1918 года он писал г. Пишону, министру иностранных дел: «С большим сожалением я должен констатировать, что все мои усилия были тщетны, все мои шаги остались без результатов и в качестве ответов на мои письма я обладаю только расписками курьеров, удостоверяющими, что мои письма дошли по назначению».

Что могли ответить союзники?

Каждому, кто знает условия их общественно-политической жизни, известно, что значит для их правительства сила «общественного мнения». Как они могли спасать царя, когда сама русская власть, которую они так горячо приветствовали, отдала царя под суд и на весь свет объявила, что он изменник, ибо подготовлял для спасения своих личных и династических интересов сепаратное соглашение с врагом, т. е. их союзническую катастрофу.

Управляющий делами Временного правительства покойный Набоков признает в своих воспоминаниях, что актом о лишении свободы царя «был завязан узел», разрубленный в Екатеринбурге[1].

Вероятно, его завязывали не все члены правительства. Некоторые, видимо, ничего об этом не знали.

Из воспоминаний Набокова мы узнаем, что этот вопрос был решен в служебном кабинете князя Львова. Характерную подробность передает Набоков: когда он пришел туда, акт не имел еще подписей, но аппарат для его выполнения был уже готов. Это были члены Государственной Думы Бубликов, Калинин, Грибунин, Вершинин, арестовавшие царя в ставке.

Как выяснил это князь Львов?

Посылая членов Думы арестовать царя, он предварительно послал в ставку генералу Алексееву телеграмму.

Флигель-адьютант Мордвинов ныне передает ее содержание: «Временное правительство постановило предоставить бывшему императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск»[2].

Телеграмму читал генерал Лукомский. Он показал:

---

[1] Архив русской революции. Т. 1.
[2] Русская летопись. Кн. 5.

«20 марта была получена от Временного правительства телеграмма на имя Алексеева, в коей сообщалось, что Временным правительством командируются особые лица для «сопровождения» Государя в Царское. Я утверждаю, что эту телеграмму я видел сам. Мне помнится, что она была от главы правительства князя Львова, причем я самым категорическим образом утверждаю, что в телеграмме не только не сообщалось о факте уже состоявшегося распоряжения со стороны Временного правительства об аресте Государя и государыни, но не было об этом ни единого слова. Смысл же ее был тот, что лица, командированные правительством, будут сопровождать его величество как главу государства, отказавшегося от власти; что это — проявление внимания к государю. Мне известно, что прибывшие по поручению правительства лица сказали об аресте государя Алексееву только тогда, когда государь уже находился в поезде, чтобы ехать в Царское. Они передали об этом Алексееву, и тот, по их просьбе, передал об этом государю».

Отрекшись от престола, царь обратился с письмом к князю Львову, вверяя ему как главе новой власти свою судьбу и судьбу своей семьи.

Без всякой охраны сел он в поезд, покидая Могилев, надеясь на благородство власти.

Что он нашел в ней?

Остается еще вопрос, каково было взаимоотношение на почве екатеринбургской трагедии двух сил: большевистской и немецкой? Кровь царя и его семьи разъединяла или объединяла их?

Я сознаю всю серьезность этого вопроса. В пределах доступной мне возможности я старался найти истину. Не сомневаюсь, что в будущем она найдет свое полное разрешение. Мой долг — указать достигнутые мною результаты.

В составе московской миссии графа Мирбаха был доктор Рицлер. Он там играл большую роль и после убийства Мирбаха был его заместителем.

14 июня 1921 года я был принят в Берлине Рицлером. Он ознакомил меня с содержанием немецких официальных документов. В сентябре месяце того же года я получил их копии.

Вот содержание четырех документов:

1. Миссия в Москве Министерству Иностранных Дел, 19 июля 1918 г. «Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к царице... как германской принцессе. Распространять представ-

ление и на цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый план цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германской контрреволюции еще более усилилось вследствие откровенных сообщений генерала Краснова».

2. Миссия в Москве Министерству Иностранных Дел, 20 июля 1918 года. «Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел царя и что императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути. Воровский ответил, что царь расстрелян лишь потому, что в противном случае им овладели бы чехословаки. Радек высказал личное мнение, что если мы проявим особый интерес к дамам царской семьи германской крови, то, может быть, было бы возможно предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить царицу и наследника последнего (как неотделимого от матери) как компенсацию в вопросе с гуманитарным обоснованием. Рицлер»[1].

3. Министерство Иностранных Дел поверенному в делах в Москве. 20 июля 1918 года.

«С представлением в пользу царской семьи согласен. Буше».

4. Миссия в Москве Министерству Иностранных Дел, 23 июля 1918 года.

«Сделал соответствующее представление в пользу царицы и принцесс германской крови с указанием на влияние цареубийства на общественное мнение. Чичерин молча выслушал мои представления. Рицлер».

В общем ходе мировых событий смерть царя как прямое последствие лишения его свободы была неизбежной, и в июле месяце 1918 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее.

---

[1] После убийства Мирбаха немцы требовали ввода батальона своих войск в Москву. Большевики, конечно, отказали. Немцы пошли на уступки и готовы были компенсировать свое требование согласием большевиков оградить жизнь немецких принцесс и наследника цесаревича как неотделимого от матери.

Свердлов, без сомнения, знал намерения немцев. 18 июля, говоря о «казни» царя, он особо выделил имена императрицы и наследника, подчеркивая, что именно они живы. Этим он пресекал в корне требования немцев о вводе батальона, ликвидируя в корне вопрос.

По этой же причине большевики умолчали о судьбе великой княгини Елизаветы Федоровны, зная прекрасно, что немцы не поверят их сообщению о похищении ее «белогвардейцами».

Голощекину в Екатеринбурге не было никакой надобности выделять имена императрицы и наследника. Он говорил потому об «эвакуации» вообще всей семьи, кроме «казненного» царя.

Анатолий Змиевский

ЗВЕЗДНЫЕ МОЛЕБНЫ

ИЗ ЦИКЛА «ЛАГЕРНАЯ РУСЬ»

□ □ □

Вывели, раздетую, под пули,
отобрав детей.
«Родину не любишь?» — ухмыльнулись...
Что ответить ей?

И, не замерзая на морозе,
— стыдно ли свинцу? —
потекли березовые слезы
по ее лицу.

Подтолкнул конвой штыком, босую,
в снег, к стене зари...
Может быть, потом ее
— такую —
вспомнят снегири.

Как терпела боль она земную,
закусив уста,
как, творя молитву отходную,
таяла звезда...
Бросилась, обозванная сучкой,
— торжествуй же, гнусь! —
обнаженной грудью на колючку
лагерная Русь.

* * *

Перекликаются Алтай с Рязанью
с прародиной тернового венца;
и к самоистязанью и к признанью
ведет тропа от русского крыльца,
воспетого в пронзительно осенних
стихах, где только родина одна...
Простил людей заранее Есенин,
столкнувших после в яму Шукшина.

На солнцепеках, корчась, гибнет глина,
грызут сады кислотные дожди,
прикладывает красная калина
снег к Русью кровоточащей груди.
Ведет тропа к высокому страданью
от низенького русского крыльца...
Блуждает тень тернового венца
по скорбным складкам мертвого лица,
освободившегося от рыданья.

* * *

Рябиновый туман. И наше с вами детство...
Потом — особняком, от сплетен в стороне —
взволнованных сердец опасное соседство:
немножко страшно вам, совсем неловко мне...

Я вспоминаю вас... И, сам себе завистник,
поверх всего, что есть, закрыв глаза, гляжу
из памяти окна на то пространство жизни,
которому давно я не принадлежу.

Там неуклюжий жук навек в полете замер,
застыл в окне отец, ослушницу браня,
я там — так далеко от касс, казарм и камер! —
и ныне подле вас, а вы подле меня.

Я вспоминаю вас... Я отношу к курьезам
сквозь засуху зрачков кольнувший щеки дождь,
но — Боже, как смешно — хочу, чтоб вызвал слезы
настигнувший и вас воспоминаний нож.

Рябиновых лампад огонь засыпан перцем,
язык совсем забыл все нежные слова...
Бреду я наугад усталым погорельцем
куда-то от себя, откуда-то не к вам...

* * *

Перемешались лики и личины,
переплелись в сумятице веков
чистосердечность криков петушиных
с коварством сатанинских хохотков.

Успешно обезбоженное небо
не представляет ценности для глаз,
желудку повинующихся слепо, —
и бесы тут как тут и в самый раз.

Над храмом, над пропившимся бараком
их аспидные шепоты шуршат:
«Нет Бога, все позволено!» Однако
с безбожьем не смиряется душа.

Душа спешит на звездные молебны,
лишь красным звоном выплывет закат
из заповедных заводей и вербным
дымком окурится дорожка в старый сад,

где хорошо грустится в одиночку,
с нектаром спутав горечь на устах, —
еще в плену телесной оболочки,
уже средь ангелов на небесах.

* * *

Добавлю к веселой поляне
немного печальной реки,
к березам в рассветном тумане —
закатной ольховой тоски.

Сгорая, пытался осколок
прощально успеть прозвенеть...

Но все же ошибся астролог,
звезду поспешивший отпеть.

Мы живы. И значит — воскреснем.
И к храму дорогу найдем.
И вспомним забытые песни,
и гордость и славу вернем.

Так пустим же чашу по кругу
и молвим навстречу судьбе:
рубаха последняя — другу,
последняя пуля — себе.

* * *

В смирении — не в рабстве человек.
Ему, скорей, сродни в дыму заката
под Рождество удавшийся побег
из возведенных рабством казематов.

Смирение — нездешний свет в очах,
к звезде любви навек приговоренность
и подчиненность солнечным лучам,
душе и Богу твердая покорность.

Боярышник у церкви, за углом
прожитой жизни вставшие березы,
примите неуклюжий мой поклон
и не сочтите выдумкою слезы.

Моя терпеньем светлая страна,
моя утрата и моя опора,
цветут черемухи у твоего окна,
цветут черемухи и под твоим забором.

* * *

Время летит. С чела без обмана
смоет осень печали печать.
И тогда я совсем перестану
по тебе в этой жизни скучать.

А тебе пусть воздастся по вере.
Тот, кто верой твоей освящен,
пред тобою заветные двери
пусть откроет твоим же ключом.

Грабежом долгожданным ограбит,
прикоснется нежнее травы
и покорные пряди погладит
непокорной твоей головы.

И такою ты станешь, что даже
захотят все заборы расцвесть,
и вполголоса кто-нибудь скажет,
что на свете Бог все-таки есть.

Ким Балков

МИЛОСЕРДИЕ

РОМАН

10

Всего сутки дал генерал своему войску на отдых, но и это было принято людьми как благо, с надеждою думали, что через сутки станут готовы к дальнейшему походу и не будет им так томительно и грустно, как нынче, а, в сущности, все безразлично, даже то, что ожидает впереди. Самое страшное, что среди людей, которые шли за войском, да и в самом войске, участились случаи тифа, вдруг да и упадет человек на большой снежной дороге и сделается ему жарко и душно, позовет в забытьи маменьку иль возлюбленную, а когда близкие сердцу люди не подойдут, станет долго и зло ругаться. Этих, ослабевших, еще не бросали посреди снежного пространства, еще находились силы помочь, пока смерть не прибрала их. Но чувствовали живые, что с каждым днем все больше слабеют и уж не могут открыто и дерзко смотреть в лицо смерти, а словно бы начинают бояться духа ее и опускают глаза, стараются выглядеть незаметнее, авось да и пройдет мимо, холодная. Но, случалось, что и не проходила, остановится возле человека, насмехается, поддразнивает: дескать, вот я сейчас!.. И человек, испугавшись, теряет себя, озирается, ничтожный и жалкий, словно бы ища в лице соседа сочувствие, только ничего не сыщет и тогда вовсе тронется умом и вдруг засмеется, закричит:

---

* Продолжение. Начало см. «Сибирь», 1991, № 2.

— Ах ты, подлая! Все-то крутисся, крутисся коло меня! Дык на тебе! На!..

Выбежит из строя, шальной, снимет с плеча винтовку, бросит наземь и начнет топтать очумело иль забрасывать снегом. Солдаты поглядят на него, повздыхают тихонько, жалеючи, но никто не приблизится к сошедшему с ума. Тот дождется, когда пройдет войско, и припустит в сторону от дороги и будет бежать до тех пор, пока заряд партизанской картечи, смешанный с ржавыми гвоздями и солью, не настигнет несчастного, и он не упадет лицом в снег, а потом не перевернется на спину и, уж придя в то прежнее свое сознание, не посмотрит тускнеющими, но еще горячими от нестерпимой боли глазами на небо и не скажет негромко:

— Господи, и де же ты? Господи!..

Так все и было, а впереди ждало худшее, но люди еще не знали этого, хотя и догадывались, старались думать про другое, приятное сердцу.

Солдаты помогли поручику Милютину и Анюте, и теперь они сидели возле тлеющего камина в заброшенном доме и чувствовали себя совсем неплохо. Правда, Милютину немного совестно оттого, что ему хорошо нынче, а вот товарищу его капитану Терновому, кажется, не очень-то хорошо, хотя он тоже не один и, по всему заметно, к той женщине неравнодушен. Поручик увидел Тернового часа два назад, был тот грустен и не захотел говорить, пошел куда-то с женщиной... Он долго смотрел вслед капитану, а на сердце накапливалось беспокойство, понадобилось совершить над собой насилие, чтобы забыть о неприятном. Все же забыть до конца не умел и нет-нет да и возвращался мыслью к Терновому и желал бы знать, что с ним?..

Комната, в которой находились Милютин и Анюта, совсем небольшая. Они сидели прижавшись друг к другу, слушали тишину, что казалась непривычною. В лицах у них виднелось удивительное, нетерпеливое, словно бы ждали, может, неожиданного шума иль грохота, что скоро донесется до слуха и ослабит напряжение, в котором нынче пребывали. Но нет, ничего не происходило, угли в камине скоро погасли, а они все сидели, не смея пошевелиться и думая об одном и желая одного, но боясь, что это узнается другой стороною, и тогда между ними наступит холод, и его ничем не растопишь. Так думали, не умея понять, что это их желание есть естественное состояние и не надо его стыдиться, как не надо стыдиться собственной человеческой сути, которая одна и способна управлять жизнью. Все же про-

чие правительства ничтожно малы в сравнении с подобною, богом данною властью. Они так и не поняли этого и не скоро еще поймут, все ж, привычно стыдясь и робея, хотя такое с ними случается не впервые, и делаясь все более неловкими, пошли навстречу желаниям друг друга, и скоро уж ничего не существовало для них в большом неласковом мире, кроме нежности, которая переполняла и которою хотели бы поделиться друг с другом, всяк про себя думая, что в любимом человеке нежности поменьше.

Изредка спрашивали друг у друга: «А ты помнишь?..» И странно, оба находили, что сказать, хотя познакомились недавно, возникло такое чувство, что знают друг друга едва ли не с малых лет. Но если и не так, то наверняка есть еще что-то, единящее их, про что нынче не помнят, а вспомнят, когда придет время, свободное от унижения и смерти, от всего, что принесла братоубийственная война. Да, между ними жило что-то, неразличимое глазом, однако ж легко ощущаемое. Стоило подумать про то время, когда рядом не было любимого человека, как начинало мерещиться, что и времени того также не было, а было другое... И вот это, другое, надо думать, нынче и стоит меж ними доброе и ласковое и уж не даст в обиду, не отдалит от любимого человека, не позволит содеяться ничему злому и жестокому.

Они нынче не говорили друг другу: «Я люблю тебя... Я не могу без тебя...», хотя и тянуло сказать так. Что-то мешало, может, страх, а то и откровенное нежелание разменивать чувства на слова, их обозначающие, они нынче не допустили бы до себя ничего, что могло помешать. Они уже не отделяли друг друга, а составляли одно целое, и это целое казалось крепким и прочным, способным пройти суровыми дорогами войны и не потеряться, не оборотиться игрушкою в чужих руках. Так им хотелось, так это и пребудет до последнего их часа.

Утром в комнату дома, где находились Милютин и Анюта, зашел человек с длинным желтым лицом, поглядел вокруг усталыми грустными глазами, сказал:

— Во имя Господа нашего...

Вошедший словно бы не понимал, где он нынче и едва ли видел поручика и его возлюбленную, которые, прижавшись друг к другу, сидели в углу комнаты, стараясь не пошевелиться. Может, и в самом деле человек не заметил их и скоро уйдет? Но нет, тот увидел и теперь, подсаживаясь к Милютину и Анюте, вяло, однако ж с тихой верою в свои слова, которая присуща много понявшим в

жизни, но так и не отыскавшим себе места в ней, и по этой причине, по неспособности или невозможности отыскать свое место, бредущим по земле, впрочем, уже и позабыв все, а держа в уже благостное и сильное, возвышающее уставшую душу, желание помочь людям, нынче едва ли не дьявольской, непонятной силою стронутым с привычного круга тревог и забот и потерявшим то божеское, что жило в душе каждого, а теперь истаяло, сказал:

— Душа болит, глядючи на все, что вблизи меня иль вдали... Опустошенье страшное, да не токо на земле, потом нашим и кровушкою политою, а и в сердцах опустошенье, глядят на тя аки волки, норовят истоптать, изничтожить... Да че ж это тако, Господи? Иль оставил нас, грешных, милостью?.. Ответствуй!.. — Он возвысил голос. Анюте и поручику стало страшно. Долго еще они пребывали в тягостном состоянии. Но вот лицо у этого человека словно бы разгладилось, помягчело, сказал с едва приметной улыбкой:

— И вдруг посреди вселенского опустошенья воссияет яркий цветочек, бог весть пошто брошенный на оскверненную землю. А может, оттого и брошенный, чтоб возрадовать нас, грешных? Иль не так?... — посмотрел на Милютина, потом на Анюту, точно ждал ответа.

— О чем ты?.. — спросил поручик.

— Да все об вас, милые, об вас... Об том, значицо, что меж вас живет и нынче не падет под ударом лютости. Вот токо боюсь, надолго ль хватит доброго и нежного, что есть меж вас, не заскудеет ли, столкнувшись с ишо пущею лютостью?...

И сказал бы Милютин: не заскудеет, — но засовестился и поглядел с тревогой в лицо человеку, про которого с невольной робостью думал, что тот много чего знает и догадывается, что ждет их впереди, и это знание не радует. Привык с малых лет уважать в людях понимание не только ближнего, а и того, что не видимо взору. Милютин и к незнакомцу чувствовал схожее с почтением. Впрочем, это началось совсем недавно. Помнится, шел тогда по степи и вдруг солдатик, болезный, худющий, покачнулся, а потом упал. Все, кто шел рядом с ним, чуть расступились, но не замедлили шаг, привыкши к тому, что кто-то не выдерживал, Милютин тоже прошел бы мимо, только увидел подле лежащего незнакомца, прислушался... Странно, не было в словах ничего, что принялось бы за таинственное и сильное несвычностью со всем, что зрилось в прежние лета,

обычные вроде бы слова-то, спрашивал незнакомец у солдатика:

— Иль вовсе из силов выбился и уж не сдвинесся с места?

Отвечал тот грустно:

— Не сдвинусь... И силов нету и желанья...

Словно бы обрадовался:

— Вот и предстанешь перед Господом нашим... Но готов ли ответствовать пред им за деянья свои?.. Иль оставляешь че несодеянным? А ладно ли?.. Не спросится ли на суде божьем и за это?..

Заволновался солдатик:

— Так ты думаешь... того?..

Солдатик, стеная, поднялся с земли и, опираясь на чужое плечо, медленно сдвинулся с места.

— Вот и дивно. Потерпи маленько. Бог терпел и нам велел. Все на ентом и держится, на терпенье-то... На Руси ить как?.. От муки к муке через кажен шаг идем, идем, а все ж в душе свет, и думается: потерплю маленько, а там, глядишь, поменяется. Ить так?...

И не понять, верит ли в перемену, нет ли?.. Скорее, нет. Однако это ничего не значит: вон солдатик-то уж сам, за плечо держась, идет, знать, нашел в себе силы, о которых, может, и вовсе не слыхал прежде...

Милютин испытал в тот день ни с чем не сравнимое волнение. Волнение шло от чувства, что появилось благодаря незнакомцу, и все светило, светило, будто огонечек посреди ночи, в которой оказался чужой недоброй волею. Он так и думал, что чужой, а еще думал, что так и будет теперь идти в потемках до последнего своего часа. И вдруг это чувство... Он и прежде питал к людям нежность, а еще жалость, но чаще то и другое вместе. Это смущало, хотя и не всегда, тем не менее случались минуты, когда казалось, что соединение их есть что-то наивное и смешное. Это чувство было не похоже на все, что происходило с ним раньше, дивное, неожиданно почудилось не таким уж слабым и можно было положиться на него в нелегкую минуту. Милютин, догадавшись об этом, почувствовал еще большее почтение к странному человеку, в котором ощутил понимание и этого чувства, и чего-то неближнего.

Про что же желало бы сказать поручику то чувство?.. Да, наверное, про то, что он не один на земле и дорога, которою идут нынче отвергнутые, есть дорога мук и страданий, не кем-то еще, а людьми проложенная, потому согревающая их и в смерти. Был тот огонечек противу одиночест-

ва яростен и звал к теплу и к вере. Но это не обычные тепло и вера, а другое, возвышенное, что не бродит посреди людей, скудное, слабое, а поднявшись высоко, там и сияет, и внушает надежду на благополучный исход. Впрочем, Милютин не смог бы сказать, о каком исходе мнится ему, но не волновался, точно это была затверделая истина в последнем колене.

— От муки к муке через кажен шаг идем,— негромко, когда незнакомец ушел, услышав на улице шум и крики, сказал Милютин и посмотрел на Анюту и не разглядел в глазах у нее понимания. Слегка грустные были глаза, а поручику хотелось, чтобы в них заметалось смущение, которое, знал, нынче приметно в его лице. Тем не менее Милютин ничем не выразил своего желания, вздохнул и опять повторил:

— От муки к муке через кажен шаг идем...

И тотчас ему представилась дорога, но не та, которою нынче идут все они, сдвинутые с места. Милютину представилась древняя, через дикую пустыню, обжигающая голые пятки тех, кто ступил на нее в недобрый для себя час, ведущая в никуда дорога. Шли по дороге не то люди, не то полубоги, их не умели сломить ни дикий зной, ни чужое страдание, которое отчетливо было в лицах, а про свое никто не думал, во всяком случае, не хотел бы думать. И, когда это удавалось, они делались словно бы сильнее, шаг их отпечатывался четче на раскаленном песке и не сразу его засыпало ветром. Эти не то люди, не то полубоги шли уже много лет, нигде не задерживаясь и не зная предела, к которому тянулись, где нашли бы успокоение растревоженной душе, все же надеялись, что вон там, за дальней пустыней, отыщут то, что остановит их движение. Но нет, и в этой пустыне не умели ничего отыскать и шли дальше. На какое-то время надежда покидала их, тогда им было горько и страшно, воздевали руки к небу и молили господа о спасении. Но небо жарко алело, словно бы загоревшись со всех сторон, и нельзя было долго глядеть на него и тянуть к нему руки, их тотчас обжигало... Они шли и падали, подымались и снова падали, и все шли, шли... Уходили черные минуты, и накатывала надежда на скорое окончание пути, надежда грела, светилась и не скоро еще угасала.

Не знали, что дорога ведет в никуда, она бесконечна... Если бы знали, может, и появилось бы отчаяние, у которого тоже не отыскалось бы края. Это незнание скоро перешло в деловитую озабоченность, и теперь только она

жила в лицах тех, кто шел, и мало-помалу начала примирять их с дорогой, с ее мучительной бесконечностью, с горячим воздухом пустыни.

— От муки к муке... Пожалуй, что так... так...— тихо сказал Милютин, чувствуя во всем теле слабость, а в голове кружение, точно только что сошел с нескончаемой дороги.

— Васенька, о чем ты?..— с легкой тревогой спросила Анюта, показалось, что Милютин выглядит неважно: уж не заболел ли?..

— Да нет... Кажется, нет...

То ли сказал, то ли почудилось, что сказал, случилось неладное, он уже был не в состоянии управлять собою, душно и жарко, хотелось скинуть гимнастерку, но и пошевелиться нынче непросто, руки стали слабые, слабые... Спустя минуту-другую во всем теле поменялось и уж не было жарко, наоборот, начало знобить. И он, страшно напрягшись, поднялся с пола, сделал шаг-другой в сторону противоположной стены, где на гвозде висела шинель, но закачался, едва удержался на ногах. Перед мысленным взором опять встала нескончаемая дорога: он уже был среди тех не то людей, не то полубогов, стронутых с места за грехи тяжкие, про которые и сами не ведали, иначе сказали бы о них, и Милютин понял бы. Он нынче не прежний, другой, и этот, другой старался не отстать и упорно шел нескончаемой дорогой, хотя тянуло лечь на теплую, да нет, на обжигающую землю хоть немного согреться, но понимал, что нельзя, он должен дойти до конца. Все же Милютин дотянулся до шинели и упал. А когда очнулся, увидел, что лежит на полу в той же комнате, а рядом Анюта и капитан Терновой, который с участием смотрел на него.

— Что-то со мною... не пойму...— виновато сказал Милютин и попытался хотя бы приподняться. Но Анюта тотчас же пресекла эту попытку и, плача, заговорила с Терновым, кажется, о чем-то, что касалось их всех, а пуще того положения, в котором он очутился. Милютин хотел бы понять, отчего лицо у Тернового печальное, почти страдальческое, но не смог. В голове опять началось кружение, которое все убыстрялось, и вот уже поручик ничего не видел и не слышал, зато замаячила перед глазами нескончаемая, средь горячей пустыни, дорога и все, кто шел по дороге, не то люди, не то полубоги, низвергнутые на землю за такое, про что нам, смертным, не надо знать. Милютин вместе со всеми шел по дороге и попервости было в тягость идти в жару, но потом полегчало, не так палило солнце, и голые

пятки уже не страшились раскаленного песка... Милютин посмотрел по сторонам, но не с любопытством, которое было бы естественно нынче, а с тайным беспокойством, точно бы ища кого-то и не умея найти и мучаясь от неумения. Он и впрямь кого-то искал, но, странно, не мог вспомнить, кого именно, и это было мучительно... Опять началось кружение в голове, про которое успел позабыть, словно бы происходило давным-давно, в другой жизни. И сквозь кружение, когда все перед глазами расплывалось, тускнело, вдруг промелькнуло что-то памятное, дорогое, всем существом потянулся к этому промельку.

«Что случилось со мной? Что?..» Он ли спрашивал или кто-то еще и про что-то, не имеющее к нему отношения, не сказать было сразу. Все смешалось в голове, сделалось болезненно остро и смутно, как если бы многое знал про себя, только не знал, отчего это случилось с ним, и с ним ли, а может, с кем-то еще, про кого и слыхом не слыхивал.

В какой-то момент вспомнил, кого искал, и крикнул:

— Анюта!..

Посмотрел по сторонам, стараясь отыскать ее среди тех, кто брел нескончаемой дорогой, почти уверовав, что она в шаге-другом от него, только не удается увидеть, и тут вдруг что-то надавило на глаза и стало больно смотреть...

— Анюта! Анюта!..— кричал, но никто не слышал. Те, кто шел нескончаемой дорогой, и не помышляли про него, им не было дела до чужих забот и тревог, им, вознесшимся в своем страдании над другими, они казались маленькими и зыбкими и не стоящими внимания. То и обидно, что не хотели знать про его боль.

— Анюта!...— прошептал Милютин, и та, склонившаяся над ним, услышала, сказала тихо:

— Что, миленький? Тебе плохо, да?..

Она не понимала, что с ним, и мучалась. Терновой помог отнести поручика в угол комнаты и положить на пол, закрыл шинелью, а потом сказал, что надо разыскать врача, и ушел... Он вернулся нескоро, за это время Милютину не стало лучше, все так же бредил.

Врач осмотрел поручика и сказал, вздохнув, что у того тиф, а чем помочь, не знает: нету лекарства, а делать снадобья не обучен, впрочем, можно обратиться к солдатским женам, кое-что умеют и, надо думать, не откажут...

Услышав, Анюта смутилась, заплакала. Терновому стоило немало труда успокоить ее:

— Я что-нибудь придумаю...

Он исчез надолго, Анюта, отчаявшись, решила, что уж не вернется, но он вернулся, и не один, с солдатами:

— Войско выступает. Пойдем и мы... Я достал лошадь, поедете в телеге.— Улыбнулся грустно и виновато.— Сумеешь управиться с лошадью, не испугаешься?..

— Не испугаюсь,— сказала Анюта и опустила голову.

1

Корнет Бельский был обижен тем, что переведен под начало к капитану Терновому, с которым не желал бы иметь ничего общего, понимая о его отношении к себе. Это отношение не назовешь добрым и участливым, скорее, суровым и несправедливым, не однажды слышал, как капитан говорил про него: «Злой мальчик...» И это сердило, мог бы и отомстить, сделав что-то во вред Терновому, но не умел переступить через робость, которая появлялась, стоило подумать о капитане. Странно, что так происходило. Бельский не считал себя человеком слабым, не умеющим постоять за то, что полагал единственно верным, а в это, единственное, он включал и собственное мироощущение, которое грело душу и помогало не скисать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Мироощущение говорило Бельскому, что он на многое способен, уже теперь мог бы многое совершить, только все не вытащит счастливой карты, но так не должно продолжаться долго, когда-то поломается невезение, что преследует, и он, теперешний корнет, не имеющий даже лошади и давно забывший все, чему учили, он дерзок и смел, и та исключительность, которая пометила его при рождении, засияет ярко и будет видна издали. Слепой да не узрит ее! Да, Бельский не считал себя человеком слабым, и для него самого непонятна робость, проявляемая им по отношению к Терновому. Черт те что! Стоит лишь заговорить капитану, как тотчас хочется поддержать разговор и так, чтоб понравиться Терновому. Да что там!.. Он словно бы делался совершенно другим при встрече с капитаном, вдруг появлялась угодливость и все, что сопутствует ей и что потом так угнетало. Возникало ощущение, что противно собственной воле он превращается во что-то безвольное, слабое и тусклое. А началось это отношение к Терновому месяца три назад... В крестьянскую избу, где расположились на ночлег офицеры, а среди них Терновой и он, Бельский, зашел Алмазов и, пугающе блестя глазами, сказал:

— Господа офицеры, коль скоро желаете развлечься, приглашаю...

Офицеры не поняли подполковника, все же пошли за ним и вскоре оказались в березовой роще, сразу же за околицей, остановились, с недоумением поглядывая на Алмазова, но скоро недоумение исчезло и появились на одних лицах растерянность и смущение, а на других холодное, и в малости не потревоженное, равнодушие. В саженях десяти от них к голым березкам были привязаны люди и, видать, столь крепко, что и рукой не пошевелишь... Впрочем, у этих людей уже, наверное, не было желания что-либо поменять в своем теперешнем положении, темные, со вспухшими избитыми лицами, с маленькими, едва проглядывающими щелочками заместо глаз, они, кажется, испытали столь много, что им все опостылело окончательно и, если бы теперь вдруг развязали их и велели жить дальше, не обрадовались бы и приняли это как еще одну муку, через которую надо пройти.

— Господа, если желаете поупражняться в стрельбе из пистолета... Я не стану возражать...

Желающие отыскались, заспорили, заключая пари, и на какое-то время словно бы поменялись решительно, позабыв про то, что представляли из себя прежде. А пуще всех шумел и спорил он, корнет Бельский, выторговывая право стрелять первому. Но это право было отобрано, и он стрелял едва ли не последним и все-таки стрелял в отличие от офицеров, среди которых был и Терновой, которые не хотели участвовать в жестокой, на крови, потехе.

Бельский метил в живот тем, кто привязан к березкам и кто уже давно не подавал признаков жизни, однако ж казалось, они лишь делают вид, что убиты, а на самом деле живы, и это доставляло корнету тайное, ни с чем не сравнимое удовольствие. Ах, как же приятно — чувствовать себя властным над чьей-то, пускай зряшной и уже никому ненадобной жизнью! Он только теперь понял это, и в нем что-то сдвинулось, словно бы зажглось ярким, нестерпимо ярким светом. Он как бы сделался сам не свой, хотел, чтобы те, в кого стрелял и кто уже давно не подавал признаков жизни, были замечены другими, живыми, чтоб посмотреть им в глаза и увидеть страх, он не утерпел и спросил у подполковника чуть вздрагивающим от нетерпения голосом:

— А нету ли у вас других?.. Что за нужда стрелять в мертвых?

Алмазов виновато развел руками:

— Сожалею, господа... Сожалею...

Бельский расстрелял всю обойму, а потом, разгорячась, неловко и суетливо, точно это не было для него привычным делом, стал заталкивать пистолет в кобуру и тут увидел капитана Тернового, приметил в его холодно посверкивающих глазах упрямое и злое, явно обращенное противу него, Бельского, и заволновался. Он всегда волновался, когда приходилось иметь дело с Терновым, кажется, побаивался его, хотя тот и не давал причины для этого, был ровен и сдержан в чувствах. У Бельского было такое чувство, что капитан Терновой не ровня ему, а порядком выше. Правда, сколь не мучался, отыскать причину появления этого порядка не умел. Все ж догадывался, что дело тут не во внешних проявлениях чувств,которые понятны с первого взгляда, а в другом... может, в душевных подвижках, что приподымают Тернового над ним и приводят в смущение, а подчас и в откровенное раздражение.

Бельский приметил в глазах у Тернового явно обращенное противу него и хотел уйти, но был остановлен насмешливо жестким:

— А вы, корнет, злой мальчик. Не приведи бог вручить вам власть над людьми...

Бельский намеревался возмутиться или еще как-то выразить свое неудовольствие словами Тернового, но отчего-то не сделал этого, отошел в сторону, хмурясь, и еще не скоро стал похож на себя.

Так все и было. Подумать не мог, что окажется под началом у Тернового. Но жизнь распорядилась ему во зло, и он вынужден служить на батарее среди людей, которые не симпатичны ему по той причине, что симпатичны капитану. В штабе полка Бельскому сказали, что на батарее нужен офицер и он отныне станет находиться там... Но сам-то Бельский знал, что все не так просто и его назначение вызвано, скорее, желанием подполковника Алмазова иметь среди артиллеристов своего человека, который бы доносил обо всем, что происходит на батарее, чем желанием штаба иметь там толкового офицера. И это предположение скоро подтвердилось.

— Так я жду донесений, — при первой же встрече сказал Алмазов.

— Значит, я не ошибся и своим назначением обязан вам?..

Алмазов усмехнулся. Бельский уже давно находился во власти подполковника контрразведки, крутой и свое-

вольной, и не посчитаться с этой властью было не в его силах.

А на батарее солдаты приняли его спокойно и без удивления, хотя об артиллерийском деле он имел приблизительное представление. «А ничего, сказали, господин офицер, пообвыкнесся, не велика затея...» И он старался побыстрее привыкнуть к службе на батарее, его старание приметил Терновой и усмехнулся, но за сим не последовало ничего, что хоть немного сблизило бы этих людей. Напротив, борозда отчуждения, Бельский чувствовал, делалась с каждым днем все глубже. Это особенно стало видно после того, как Терновой нечаянно оказался свидетелем встречи Бельского с подполковником Алмазовым, и у него, по всей вероятности, возникла мысль, что корнет на батарее не случайно... Но Бельский не хотел бы и мысли допустить, что раскрыт... Это было бы противно ходу событий, которым подчинялся и которые единственно ответственны за то, что было с ним раньше и что происходит нынче. В свое время он не устоял перед Алмазовым и обещался быть полезным контрразведке. Это случилось, скорее, оттого, что не к кому было обратиться, оказалось, что он один, никого рядом с ним, кто бы сделался приятелем или, на худой конец, посочувствовал тому, что он, обладая воинскими способностями, все не выберется из малого офицерского чина, точно проклят, на него и внимания не обратят. Иль не обидно молодому человеку, не тягостно чувствовать себя никому не нужным?.. И спасибо подполковнику, что отыскал, выделил средь множества других. К тому же все, что Алмазов предложил, не противоречило собственному мироощущению, а являлось как бы продолжением его духовной сущности.

Бельский не хотел бы и мысли допустить, что раскрыт... Нет, он не стеснялся тайной службы в контрразведке, не видел в этом ничего худого, полагая, что и такая служба нужна, хотя чаще осуждаема офицерами. Странно, словно бы можно обойтись без нее, плохо только, что в таком случае утрачивал свое преимущество перед людьми, с которыми выпало служить. А что, было и преимущество?.. Еще бы!.. Надоело в батарее, никто не помешает пойти в контрразведку и поговорить с Алмазовым, а случится удача отвести душу, допрашивая отступников, тех, кто попадал в контрразведку, не делая разницы между людьми и полагая самих и деяния их одинаково преступными и подлежащими суровому наказанию. Было по душе допрашивать, наблюдая, с какой порою робостью отвечал отступ-

ник, с особой старательностью подбирая слова, как будто это что-то значило в его положении, словно бы до самого последнего часа не терял надежды выйти на свободу. Но Бельский-то знал, что надежда ни на чем не основана, не припомнит случая, чтобы попавший в руки к Алмазову потом оказывался в безопасном для него месте. «Э, нет, брат, шалишь!..» — бывало, говорил он и с усмешкой смотрел на отступника, который долго не верил молодому офицеру и упрямился, твердя, что еще не все потеряно... Бельский был наблюдателен и умел разглядеть, что происходило в душе отступника, и это увиденное по-особенному остро и жгуче волновало, заставляло сильнее биться сердце. И уж совершенно чувствовал себя поднявшимся высоко над другими, если отступник вдруг начинал в нем видеть не просто человека, причастного к делу, а человека, кто в состоянии не только наказать, но и помиловать. В такие минуты Бельский зажмуривал глаза и мысленно отыскивал подле себя не одного несчастного, а сотни, тысячи людей, все они зависели единственно от него, он был их небесный владыка и царь.

Пускай недолго, всего лишь минуты, он жил другой жизнью, не похожей на его собственную, сделавшуюся привычной и скучной в своем однообразии, но это были минуты торжества духа, про что один он и знал и никому не посмел бы сказать. И не только потому, что и сказать-то, собственно, некому, а и потому, главным образом, что тем самым нарушил бы свою тайную жизнь, которою мысленно гордился.

Порой Бельский старался смягчить выражение своего лица, про которое думал, что нынче суровое и жестокое, тогда улыбался, но улыбался лишь губами, а глаза оставались холодными и ничего не выражающими, словно бы отстраненными ото всего, словно бы им нету ни до чего дела. Но сам-то он не знал об этом и силился быть ближе, понятнее человеку, обреченному на смерть, и улыбался, говорил, с трудом подбирая слова:

— Может, вы и правы, еще не все потеряно... Но для этого необходимо... Да, да, конечно...

И он предлагал условия, которые диктовал Алмазов. Условия чаще казались отступнику невыполнимыми, тот делался вялым и никлым и уж ни на что другое не способным, как только к приятию смерти, что не заставляла ждать.

Бельскому приятно наблюдать душевную смуту в человеке, которому и жить-то всего ничего. Это тем более

приятно, что сам-то не умел поставить себя на место отступника, даже в голову не приходило такое, и по этой причине не смущался, наблюдая чужое страдание, был холоден и тогда, когда отступника подводили к стенке. Единственное, что не нравилось, так это то, что вот сейчас, сию минуту раздадутся выстрелы и убьют чужое страдание и ему не станет кого наблюдать и надо искать другого человека.

Спустя время Бельский сделался своим в контрразведке и хотел бы служить там, но этого не хотел Алмазов, говоря, что его место нынче возле солдат, о которых контрразведка должна знать все: чем дышат и что говорят и верят ли, что великий князь Михаил Александрович в войске и ждет знака от Всевышнего, чтобы принять Верховную власть над государством. Эти слова Бельскому не по душе. Казалось, Алмазов, понимая про него все, нарочно мучает, заставляя совершать то, что не по нутру, а не то, что в состоянии возвысить его... Но спорить с подполковником опасался: мало ли что взбредет тому в голову, может и запретить захаживать в застенок, а это было бы плохо, подобные посещения истязуемых нынче необходимы, как если бы являлся наркоманом, а ему сказали, что опия не подвезут... Опасался спорить с подполковником и потому часто менял место службы и теперь уже думал, что как раз это и есть причина того, что все еще ходит в малом офицерском звании, и мысленно не однажды говорил дерзкие слова подполковнику и радовался, когда отыскивал подобные слова в изобилии. Такое разделение собственной жизни на две половины, при котором одна протекала на виду у всех, а другая была узнаваема лишь им, сделалось едва ли не естественным, то есть не зависело от него и проходило совершенно свободно, без какого-либо нажима со стороны.

Все так и есть, как, впрочем, есть и то, что не оправдались надежды Алмазова, предполагавшего, что смутьяны, которые разносят дурные слухи, непременно скрываются среди батарейцев: ведь все они сплошь рабочие уральских заводов, снявшиеся с места вместе с семьями. Бельский выяснил, что смутьянов среди артиллеристов нет, он так и доложил и надеялся, что его переведут в другое место: находиться рядом с капитаном Терновым постоянно стало пыткой. Но Алмазов сказал с неудовольствием, чтобы служил там и дальше и присматривался к людям: не может того быть, что все на батарее борцы за белую идею.

Бельский не посмел ослушаться и теперь исправно изучал новое для себя дело, что не нравилось капитану Тер-

новому и, напротив, находило отклик в сердцах солдат, которые видели его исправность, а еще то, что стояло за нею: коль скоро молодой офицер так старателен, значит, их дело не совсем проиграно. Среди тех, кто так думал, был Дымов, он делал все, чтобы корнет не скучал с ними, почему-то считал, что молодой офицер попал на батарею не случайно, а провинившись и получив выговор от начальства. Порой Иван подходил к одиноко стоящему Бельскому и начинал говорить чаще про то, что в обозе у него супруга с двойняшатами, им нету еще и года и он шибко переживает за них и опасается, как бы не случилось худа.

Корнет слушал и пытался ободрить солдата. Дымову нравилось это, думал, что молодой офицер понимает его беспокойство и сочувствует, а коль так, значит, не чужой среди них...

— Я-то с Уралу, — говорил Дымов. — Но гляжу вокруг, и такое чувство, будто все тут: и лес в снегу, и небо над головою, — видано-перевидано. А может, и впрямь я хаживал тут, а токо теперича не помню? Может, я хаживал в другом каком обличье?.. Вот кое-кто сказывает, что так случается меж людей. И я думаю, так и есть, и еще про себя думаю, что знаю эту землю от краю до краю, и то знаю, чего вроде бы и не видывал. Вот подойду поближе к невиданному-то, и у меня родится чувство, что это уже было... было... Беда прямь! Другой раз гляжу на своих двойняшат и чудится, что и это не впервой — глядеть на родимых и дивиться...

Большой и сильный, Дымов говорил мягким, глуховатым голосом и весь казался добрым, участливым к чужой беде, Бельскому становилось не по себе, злился: «Черт знает что, откуда такие люди берутся?.. Они и подтачивают войско изнутри, делают слабым, не способным противостоять красным». Впрочем, дальше злости не шло, мог бы сказать о Дымове в контрразведке, но молчал, нет, не боялся, что Алмазов не поймет, тому плевать, есть ли против человека улики, нету ли, для него все были виноваты, коль скоро попадали в контрразведку, и по этой причине мало кто выходил оттуда живым. Бельский молчал потому, что видел: Дымов своими разговорами раздражал не только его, а еще и солдат, которым плевать на чужую беду, лишь бы самого обошла стороной. Вот один из них, наводчик, старовер, по его же словам, порастерял за годы войны надежду на старую веру, а к новой еще не притянулся сердцем, так и мается в безверье и зол в бою, упрям, мужичок сибирский, бог весть отчего в отличие от земляков и по сию

пору не покинувший войско, а скорее, оттого, что опасается: не простят красные, попомнят обиды... так вот наводчик, лихой человек, Антон Коромыслов восставал противу слов Дымова, говорил:

— Об чем ты, милай?.. Иль блажной, иль ишо че?.. На родимых он дивится? Да че на их дивиться-то? Нешто писана красота? Тля!.. И жисть тля, одно токо и есть, навроде как радость, котору всякий раз дожидаюсь с нетерпением: вот встречусь в бою с супротивником и выну из его нутро поганое и подивлюсь: срамотиша-то, елки!.. Лют я, братцы, верно, лют на расправу. А пошто, скажете?.. А потому, что нету во мне бога, и на сердце у другого кого тоже нету, порастеряли... А может, и ладно, что порастеряли? Вон Дымов-то с богом на сердце. А токо че ж за вояка Дымов-то?.. Небось возля пушки и крутился бы, а пошли куды со штыком наперевес, иль будет ему это в радость? Да не-е, испереживается, испохабится. То и не любо мне, ох, братцы, не любо, страсть!..

Он говорил так, словно бы Дымова не было рядом, не смотрел в его сторону, и это смущало Ивана, робел, пытался сказать что-то в свое оправдание. Но, как обычно, когда робел, не умел связать пары слов, мямлил, это вызывало оживление среди солдат и было приятно Бельскому.

Войско шло суровой снежной дорогой через Боготол и Ачинск по местам часто диким и совершенно пустынным. Впрочем, попадались в пути деревушки, изрядно обезлюдевшие: одни ушли при приближении войска, а другие давно покинули родимые места. И было в деревушках скучно и томительно, это удручающе действовало на войско, никого не оставляя в прежнем равнодушии: ни генерала, ни офицеров, ни солдат. Всяк чувствовал себя словно бы виноватым перед деревушкой. Впрочем, сказать про свою вину никто бы, наверное, не сумел: столь чудной в своей неугадливости была она. И лишь один человек, бредущий с войском, знал про нее. Был тот человек темен и угрюм, это знание ощущалось в нем особенно остро и зримо, когда глядел на людей, тогда жалеючи говорил, вздыхая и опуская глаза, точно бы совестясь:

— А че иделаешь-то? Видать, планида у всех така — нести краю разор и унижение. Ить не токо вы одне таки, а и в других местах то ж самое. Бывал и там, видал, сколь опустошено все, порушено. О, человек, ить богоподобен ты, и должно быть в тебе немерено добра и света, а ты все словно бы изничтожил, словно бы уж и ненадобно тебе ниче. Но скажи, как жить-то без добра и свету, без веры

на сердце?.. Ить сгибнешь жа иль породишь на бел свет муку мученическую в облике не то человечьем, не то зверьем. И будет этот, в облике-то неясно каким, страмно жесток и неправеден ко всему на земле сущему и зачнет чинить всему униженье и пытку. Без бога, без веры, один, как пустынник посреди мира и сгинет...

Человек говорил слова страшные, болью сердца вещего рекомые, однако ж людям не было страшно, словно бы делили с миром, послушав, вину его, и на душе становилось спокойнее, сказывали легко:

— Господи, грех-то, грех-то!..

11

3 января 1920 года войско, предводительствуемое генералом, заняло станцию Минино и начало готовиться к штурму Красноярска. Впрочем, подготовка не включала в себя неожиданного, генерал лишь дал людям возможность перевести дух и наметил основные направления атаки на город. Он понимал, что эти планы в любую минуту могут поломаться: с юга к Красноярску подходили одиннадцать полков красного атамана Шетинкина. Они, находясь в отличном состоянии духа, к тому же имея сильную артиллерию, были готовы тотчас же вступить в бой с белым войском, которое устало и едва ли было в силах противостоять численно превосходящему в четыре раза, если иметь в виду еще и гарнизон Красноярска, противнику. Да, генерал понимал это, но не терял присутствия духа и надежды на успешное завершение сражения за большой сибирский город, полагая, что в самую критическую минуту, как нередко случалось, выяснится, что красные понаделали ошибок и ему надо лишь умело использовать их. К тому же генерал считал, что Зиневич, который командует вторым сибирским корпусом и нынче находится в Красноярске, одумается и отпишет, что его измена белому движению лишь тактический ход и теперь он снова подымает знамя борьбы с большевизмом. Странная была уверенность, ни на чем не основанная, построенная на песке. Зиневич в свое время заявил, что он сын рабочего и почему-то еще и крестьянина и по этой причине вместе с корпусом перешел на сторону красных. И он теперь не думал ничего предпринимать, чтобы облегчить положение белого войска. Более того, предложил генералу сдаться, поскольку-де другого и не остается, только это горестное, однако ж единственно возможное дейст-

во. Он объяснил свою точку зрения, она выглядела убедительной, но генерал не принял ее, все же был спокоен даже и в те минуты, когда узнал, что партизаны заняли дороги к югу и к северу от Красноярска, а дивизия красных, неизменно его преследующая, уже прошла Ачинск. Он лишь негромко сказал:

— Значит, придется драться в окружении.

Велел позвать командиров, долго говорил с ними, и командиры согласились на штурм города, который и начался ровно через сутки после того, как белое войско заняло станцию Минино. Генерал знал, что штурм вряд ли увенчается успехом, однако ж был уверен, что штурм необходим войску хотя бы для того, чтобы дать возможность почувствовать себя боевой единицей, способной не только на умелое, зачастую в виду неприятеля отступление. Бой завязался тяжелый, в белых частях остро не хватало боеприпасов, а к орудиям почти не было снарядов. Все же генерал медлил и не выводил части с поля боя, хотя разведчики донесли, что полки Шетинкина через день-другой войдут в город. Медлил, точно бы понимая что-то такое, о чем никто пока не догадывался. Отдал приказ отступить лишь тогда, когда не только он, а едва ли не каждый второй в войске почувствовал, что красные, защищающие город, держатся на последнем усилии и нужно лишь слегка подтолкнуть — и они дрогнут и побегут. Он отдал приказ и ощутил острое раздражение против себя, терпеливо дождался, когда раздражение сделается непереносимым, тягостным, потом сел в седло и скоро оказался в середине войска, что отходило по разбитой дороге, пролегшей от станции Минино и село Есаульское. Здесь генерал предполагал увести войско на восточный берег Енисея. Генерал оказался в отступающих частях и стал говорить о веселом и горделивом, про что и сам едва ли задумывался, просто приходили на ум, в сущности, обыкновенные слова, окрашенные тою правдою, которая нынче была на его стороне. И эти слова, коль скоро отступление вызывалось не слабостью, а тактической гибкостью, подняли дух войска.

— Да бог с ним, с городом, — говорил генерал. — Мы еще возьмем другой город, не хуже этого, обещаю. Вот подойдем неослабленные к Иркутску, вот тогда и возьмем...

Солдаты верили генералу и скоро не помнили про раздражение, которое было упорно и дерзко в них, они улыбались, кривя потемневшие губы и стараясь хоть на время позабыть о горьком и жестоком, что висит над войском, если и не зримое всеми, то уж, во всяком случае, легко ощу-

щаемое теми, кто стремится понять происходящее и действует согласно своему пониманию. Но таких, к счастью, немного, а не то могло бы произойти непоправимое, войско сделалось бы не управляемым командирами, а лишь чувствами и ощущениями и распалось бы и было бы уничтожено. Но то и ладно, что и в этом войске, и в сотнях других, и прежде воевавших, и нынче, и, может, как и это, упорно пробивающих себе дорогу, такое понимание ничтожно мало, солдаты не глупы, нет, но не хотели бы ничего постигать в происходящем. В душе у них жило обычное, другого и не предполагающее желание следовать за командиром, признавая только его волю, даже если эта воля и казалась недостаточно умной и сильной.

Он привел войско на белые отвесные берега Енисея, посмотрел вниз, и у него возникла мысль, что обозы могут и не пройти, но тут же, нахмурившись, отогнал эту мысль, велел пехотным частям переходить на ту сторону, а сам решил дождаться, когда подойдут обозы. Ждать пришлось долго, генерал успел изрядно продрогнуть, сидя в седле, лошадь под ним была спокойна и не проявляла нетерпения, привыкнув подчиняться хозяину. Но он и виду не подал, что замерз, глядел на проходящее войско весело, изредка подымал руку и что-то кричал проходящим частям. Он и сам толком не знал, что кричал, скорее, что-то мало значащее, отпусти слова по ветру — и улетят без следа.

Подошли обозы, здесь были раненые, бабы с ребятишками, все испуганно смотрели вниз, на широкую, льдисто посверкивающую ленту реки, а потом, старательно пряча холодок на сердце, с надеждой взирали на генерала. Он почувствовал их отношение к себе и, отряхнув студеную оторопь, стал привычно строг и четок в приказах. И вот уж обозы, поддерживаемые солдатами, принадлежащими к арьергардным частям, покатились с берега, рвали упряжь, надвигались на лошадей, сминали их, беспомощных и слабых, летели с крутизны на черный льдистый наст и легко проламывали, а потом скрывались вместе с лошадьми, захлестнутые упряжью, в желтой, пенящейся воде. Солдат брала оторопь, но генерал точно бы не понимал про нее и все гнал, гнал их на речной лед.

А когда войско с обозами перешло на другой берег Енисея, подоспели красноармейские части. Генерал понял, сколь своевременно отдал приказ об отходе. Это убеждение усилилось, когда до него дошли слухи о пленении двух оренбургских полков. Казакам велели сложить оружие, а

отобрав все, что было у них ценного, и раздев донага, сказали:

— Теперь убирайтесь за Байкал, к Семенову, нагаечники нам не нужны!..

Войско, перейдя на другой берег Енисея, остановилось, не зная, какой дорогой двигаться дальше. Генерал вначале тоже не знал и долго раздумывал, глядя на карту, которую взял у адъютанта. Но раздумывал не только о том, что предполагал сделать, а еще и о том, в каком положении оказалось войско благодаря обстоятельствам, что давно отвернулись от него и были на руку красным. В сущности, уже который день войско находилось в окружении и если еще существовало, то лишь благодаря упорству и вере в командира, что еще не утрачена, а также благодаря тому, что солдаты опасались быть взятыми в плен: не однажды оказывались свидетелями того, сколь жестоко красные обращались с пленными. Впрочем, это относилось, скорее, к партизанам, не к регулярным частям, но и этого было достаточно, чтобы понять, чего можно ждать в случае пленения. Имелось еще одно обстоятельство, с точки зрения генерала, немаловажное, — в войсковом обозе у солдат и офицеров находились близкие: жены и матери, отцы и дети... Это прибавляло им мужества и стойкости и вызывало у генерала восхищение людьми, которыми командовал. Он ощущал себя частью войска, причем твердой и сильной, было приятно — сознавать себя единым со всеми и жить мыслями, обращенными к людям. Да, нынче им плохо, одному богу известно, чем закончится поход, все же он верил в благополучное завершение его и не роптал, не делал ничего, что сказало бы о неуверенности и смутило солдат.

Войско переправилось на другой берег, потом пошло на север, неожиданно не только для противника, который, конечно же, не предполагал такого маневра, думая, что задачей войска является отход на восток, а и для командиров. Но они, привыкнув доверять генералу, недолго недоумевали, решили, что иначе быть не может, генерал, отдавая приказ, очевидно, увидел такое, о чем они не знали и не могли знать в силу своего положения, которое предполагало подчиненность и энергичное исполнение чужих распоряжений, а не стратегическое мышление. И они охотно пошли за генералом, с прежним рвением исполняя боевую задачу, требовавшую от них умения и расчетливости, а еще зачастую безвозмездной отдачи душевных сил, которых осталось не так уж много и без которых невозможно что-либо сделать.

Войско пошло на север, это и впрямь едва ли не для всех мнящих себя понимающими в стратегии и тактике людьми было неожиданно, как и хотел генерал. Он мысленно представил комдива, что, по всей вероятности, накапливал силы для удара и уже определил, где нанести, и улыбнулся, заметив растерянность в лице у комдива, когда тот узнал о маневре белых частей, начисто перечеркнувших его предположение. Генерал не видел комдива, но, на протяжении длительного времени имея своим противником, создал для себя его образ и был бы чрезвычайно удивлен, когда б сказали, что этот образ не имеет ничего общего с реальным лицом. Скорее, генерал обиделся бы, так велика была убежденность, что все знает о человеке, который противостоит ему, может, и то, чего тот сам о себе не знает. Впрочем, никому не говорил о своей убежденности, считал принадлежащей ему одному и ничего не значащей в общем ходе военной кампании.

Генерал отдал приказ войску идти на север, во-первых, для того, чтобы сбить с толку красных, что и удалось и позволило оторваться от преследующей дивизии, а во-вторых, потому, что по берегу Енисея находилось немало богатых деревень, где генерал надеялся накормить войско и пополнить съестные припасы. И это было сделано, как рассчитывал генерал, хотя не обошлось без жестоких столкновений с партизанскими отрядами, которые возникали как грибы на пути следования войска и иные были достаточно сильными, чтобы на час-другой сдержать движение неприятеля. Все же генерал не опасался партизанских отрядов, но не желал бы терять время на борьбу с ними, однако ж и поменять что-либо было не в его власти, войско так шло по густо заснеженному берегу, а порой по льдистому речному насту, изредка замедляя движение, чтобы отогнать партизан, когда они особенно упрямо норовили встать на пути. А потом генерал приказал повернуть на реку Кану и идти по ее руслу, хотя река худо промерзла, лед часто ломался, и тогда река делалась бешеною и подмывала берега, недоступные людскому потоку. Проводники говорили генералу, что идти по реке опасно и надо бы придумать другое, но генерал и слушать не хотел, понимая, что если войску нынче трудно, то еще труднее будет красным с тяжелыми орудиями и снарядами к ним, с громоздким обозом, когда они, наконец-то, опамятуются и пойдут по его следу. Может, в этой трудности, в конце концов, и скрыто такое, что позволит войску успешно продолжить поход?.. И потому генерал становился суровым, если приходили к

нему и говорили о необходимости поменять маршрут движения: дескать, еще немного — и у людей не будет сил, что же, лечь на землю и ждать, когда придут партизаны и перебьют всех?..

— Я не хочу ничего менять, — отвечал генерал. — Я не считаю надобным что-либо менять.

Он отвечал только это и лишь в тех случаях, когда говорил с людьми, которые были симпатичны ему, хотя старался держаться со всеми ровно.

Лед на реке Кану и в самом деле был слабый, видать, морозы в этих местах нынче не шибкие, не сумели обезволить, сковать быструю речную волну, случалось, растаскивала лед, и тогда те, кто следовал впереди войска, оказывались в воде и долго барахтались в дымящемся крошеве, прежде чем выбирались на твердое, что, впрочем, удавалось не всем, многие не успевали справиться с волной, их утягивало под лед.

Генерал вначале ехал в середине войска, но не прошли по реке Кану и сорока верст, как очутился впереди. Ему говорили, что это опасно и надо бы поостеречься, но он лишь хмурился, не отвечал и продолжал упорно уже вместе с охотниками следовать в голове колонны.

Во время движения по горной реке, пробившей себе дорогу в глухой и суровой, где на сотни верст не встретишь худого жилища, и, казалось бы, вовсе не проходимой тайге, пришлось побросать тяжелые возки. Теперь не только солдаты и офицеры, а и бабы и дети шли пешком, помогая друг другу и моля бога не заболеть и не быть брошенным в жестоком и безлюдном краю.

Изредка генерал останавливался и пропускал войско, а потом беспорядочные толпы тех, кто потянулся за войском. Смотрел на растерянных и смущенных людей, многие из которых были так худы и оборваны, что уже не походили на людей и, кажется, сами едва ли верили, что все еще живы, и на сердце становилось больно, хотелось кричать, бить себя в грудь, приходить в отчаяние и не стремиться одолеть это отчаяние, то есть стать обыкновенным человеком, одним из тех тысяч, кто идет по льдистому скользкому насту, ни о чем не думая, а лишь о том, что нужно не упасть, плохо, если упадешь, никто не подымет, нынче никому нету до тебя дела, всяк за себя, вон и те, что, не одолев усталости, валятся на лед, да так и не умеют подняться и лежат на белом насте, обтекаемые толпой, тоже лишь за себя бывает, что, еще не успев помереть, видят таких же несчастных, но думают с упорством, что менее несчастны и

скоро подымутся, пойдут дальше, а вот те-то... те так и закоченеют на льду, а по весне сделаются пищею для речных рыб.

Генерал хотел бы стать обыкновенным человеком, во всяком случае, при виде людского страдания такое желание появлялось в нем, но жило недолго, оборачивалось в жгучее стремление облегчить тяготы, выпавшие на долю людей. Но, как это осуществить в данную минуту, не знал. Впрочем, надеялся, что в будущем непременно исполнит все, о чем помышлял. Это тем более необходимо сделать, что генерал видел в глазах у людей такое, что смущало, точно бы говорили все разом, что верят ему и пойдут за ним, чего бы ни стоило, но он сам не должен поддаваться слабости.

«Да, да, я не имею права! Не имею!..» — восклицал генерал и старался ободрить людей, сказать те слова, которые ничего не значили, были пусты и бесцветны, но казались единственно нужны нынче. И он стремился сказать эти слова в разных местах, тоже, как и все в войске, уверовав, что они необходимы. Впрочем, однажды засомневался, и причиною стала встреча с человеком в черном одеянии, с темными узкими глазами, которые глядели сурово и одновременно устало, точно бы про многое в душе у него умели понять, и понимание не обрадовало. А еще в этих глазах открылось такое, что наполнило ощущением близости к чему-то светлому и умному. Не сразу генерал сумел ответить, что же это, но спустя время ответил, сказал, что в человеке живет предчувствие вселенской беды. Но ведь такое же ощущение, он-то знает, наблюдаемо и в нем самом. Так что же получается? Значит, он и человек, с кем раньше встречался, но кого так и не умел понять, а может, не желал или не было времени подумать, другие заботы накатывали, пошибчее этой, казавшейся маленькою, схожи в своем предчувствии?.. Генерал поморщился, что-то не понравилось. Нет, не само сопоставление с человеком, про которого нельзя было сказать, кто он и откуда: не то бродячий монах, не то святой, сдвинутый с места предчувствием беды?.. В этом сопоставлении генерал не находил ничего обидного для себя, за долгие военные годы привыкнув ко всякого рода неожиданностям, а подчас и примиряясь с ними. Другое, по меньшей мере, странно... то, что человек не слабее его духом и смотрит так, словно бы в нем понимает и видит такое, что ему самому вряд ли доступно. «Что же это? — спрашивал генерал. — Отчего?..» Не хотелось, ох, как не хотелось, пускай и ненадолго, почувство-

вать себя зависимым от чужой воли, знать про зависимость и не уметь избавиться от нее.

Генерал мысленно вспоминал встречу с человеком в черном одеянии, про него адьютант сказал, что он уже давно идет вместе с войском, впрочем, генерал и сам знал, только надо было напрячься, чтобы вспомнить...И он вспоминал ту встречу, и она все больше смущала. Тогда тот человек, глядя на генерала так, словно бы стеснялся собственного понимания чужой сути, сказал:

— Слышь-ка, чего там-то, позади?.. Ить одне помершие от тифу да от ран. Ить много их, бедолажных, не сотни, не-е, тыщи... Ить это и есть твоя дорога по русской земле, генерал, где не пройдешь с войском, там и трупы... Что же у тебя за дорога-то?.. Ответствуй!

Он говорил еще, но генерал не слушал. Увидел распластанные ли на льду, скрюченные ли, точно бы в последнем усилии стремящиеся не отпустить остатнее тепло, однако ж понимающие, что вряд ли удастся, отчего в потускневших глазах и по сию пору можно заметить не только это усилие, а еще и отчаяние, тела людей, бывших живыми, а теперь сделавшиеся черными метинами на белом. Метин так много, что на время он растерялся и не знал, о чем говорить со странным человеком. Когда же показалось, что в состоянии говорить, того уже не было вблизи, но еще долго мелькала между черных метин маленькая и слабая человеческая фигурка, про которую генерал не желал бы думать, что в ней живет сильная, под стать собственной воля. Но и думать по-другому уже не мог.

Он вместе с охотниками ехал впереди войска. Лошадь осторожно, с опаскою ступала на лед. Генерал зорко глядел по сторонам. Тут можно было бы заметить намеренность, нарочитость, но это не так. Генерал все делал точно бы по подсказке извне, а не потому, что так хотел, он словно бы уже не принадлежал себе, а обстоятельствам, которые диктовали главным образом осторожность, и был осторожен и зорко глядел по сторонам, впрочем, умом понимая, что это не к чему и коль скоро выпадет помереть от злой партизанской пули, от нее и помрет.

Однажды лошадь остановилась, генерал рассердился и ударил ее хлыстом, лошадь, испуганно задрожав кожею, затанцевала на месте, тут же лед под нею затрещал, раздвинулся, и генерал оказался в ледяной воде. Его быстро вытащили. На берегу развели костер. Он обсушился и опять сел в седло, точно бы ничего не случилось. Но нет, его то бросало в жар, то знобило, а спустя немного начал

душить сухой, раздирающий грудь кашель. Генерал понял, что застудил легкие, но и тогда продолжал находиться впереди войска, думая лишь об одном, как бы солдаты не заметили, что он болен. «Я должен вывести людей, — говорил себе. — И я сделаю это. Непременно!..» Он не задумывался, надо ли выводить людей, хотят ли они, может, для всех было бы лучше посреди дремучей тайги разбить лагерь, а потом поставить избы и жить, не заботясь ни о чем другом, а только о собственном существовании?.. Иль мало людей живет так-то, отринутых отчей землей и богом?

Генерал ехал впереди войска уже и вовсе больной, адъютант заметил и хотел помочь, но генерал был резок с ним, попросил молчать, он потерпит, так надо... И, уже мало что видя перед собою, повторил:

— Я должен вывести людей, и я выведу...

Была длинная нескончаемая дорога и толпы, бредущие за человеком, в котором видели своего спасителя, хотя сам он не желал бы думать так, но желание было слабое и скоро исчезло, осталась убежденность, что он нужен, ему верят, идут за ним. С кем же это еще случалось, когда?.. Генерал силился вспомнить, но оказалось, что бессилен вспомнить, было обидно и горько, вдруг захолонуло на сердце, стало тоскливо, и тоска не одолелась привычно, все росла, крепла, пока не выяснилось, что она не только в нем, а и вокруг, во всем видимом пространстве, огромная, зеленая. Странно, такое чувство, что узнал ее цвет, в том цвету нынче не только деревья, а и небо, и река, по которой идет войско, и снежный наст, и все, все вокруг зеленое и неодолимое.

Генерал вздохнул, попытался приподнять руку, что бессильно лежала на луке седла, и отогнать, рассеять то огромное и зеленое, что нависло над миром. Возникло ощущение, что лишь он в состоянии сделать это. Но рука, несмотря на невероятное усилие, совершаемое им, лишь слегка пошевелилась и, совсем ослабев, сорвалась с луки седла, и сам генерал не удержался, его тоже начало клонить на бок, еще немного, и упал бы, но адъютант заметил, поддержал, так они какое-то время ехали рядом, потом адъютант взял под узцы генеральскую лошадь, велел охотникам продолжать движение, а сам отъехал к ивовым кустам...

12

Терновой услышал, что Анюты нету в обозе, случайно.

Во время движения колонны подошел Иван Дымов и сказал, что заболели двойняшки и он боится, уж не заразились ли тифом?.. Капитан сделал сердитое лицо и начал доказывать, что этого не может быть. Не знал, почему заговорил сердито, скорее, стало жаль Дымова, имевшего потерянный и усталый вид, но не только его, а и себя и многих тех, кто шел нынче одной с ним дорогой и кто постоянно терял надежду в утомительном и бесконечном пути.

— Ну, ладно, ладно! — сказал Терновой и слегка подтолкнул в спину солдата. — Все будет хорошо, я знаю.

Но он не знал, как не знал никто в войске, все же продолжал упорно идти вперед, точно бы там, за Байкалом, их ждало спасение, и не от вражеской пули, которую можно при желании избежать и которая при встрече со смертью едва ли не на каждом шагу уже не казалась страшной солдатам, прошедшим огонь и воду, а и людям, плетущимся в обозе и постоянно теряющим лошадей, ни на кого больше не рассчитывающим, лишь на себя, на свои силы то же...

Да, Терновой не знал, хорошо будет впереди, нет ли, но сказал, что хорошо, и удивился этому. Однако ж удивление оказалось коротким, на смену пришла уверенность, что поступил правильно, стремясь ободрить солдата. И сам был бы не против, когда б его тоже ободрили, произнеся слова мягкие и нежные, и тем развеяли тревогу, что неизменно жила в душе и причиною которой сделалась Софья Никаноровна, а точнее, все чуждое его чувству и противное разуму, что принесла она с собой и что теперь есть часть его жизни. Но в войске не нашлось человека, кто ободрил бы Тернового. И он продолжал жить едва ли не сумасшедшею, про которую, в сущности, ничего не понимал, жизнью, где все совершалось не согласно его воле, а согласно воле человека, уже давно не уважаемого им, но с кем он не смел говорить сурово и жестоко, хотя догадывался, что лишь это могло бы что-то поменять... Однако не хватало мужества, а может, спокойствия и нерассуждающей твердости.

— А Милютин и Анюта так и не появились, — медленно сказал Дымов и вздохнул. Собирался сказать еще что-то, но сдержался, помешало то, что открылось в сделавшихся большими и страшными глазах Тернового.

— Как... не появились? — спросил Терновой, и в душе у него натянулось, стало как пружина такое чувство, что сейчас отпустят ее с обеих сторон, и ударит она по сердцу,

освобожденная, и будет тогда больно-больно, и уж ничего не нужно во всем свете. Тем не менее пружина не ударила по сердцу и тогда, когда услышал, что Анюты с Милютиным нету в обозе уже второй день, отстала и теперь, поди, догоняет. Но попробуй-ка догнать, если лошадь, которую дал капитан, пала, а отыскать другую... скорее, смертушку сыщешь по деревням, где так люто ненавидят всех, кто идет в войске, точно лишь они виноваты в несчастьях, которые пришли на родную землю.

Терновой услышал, и тревога, что жила в нем, теперь увиделась чистенькою, опрятною, мало задевающею, с которой можно сосуществовать еще долго, не больно-то беспокоясь за свою судьбу. А потом она отступила, на душе осталось тягостное и гнетущее. Спрашивал у себя, отчего же не вспомнил ни разу о хорошем человеке, как думал о Милютине, не умеющем нанести никому зла и по ошибке оказавшегося среди тех, кто каждую минуту может быть убит и кто сам убивает, и не мог ответить. Не мог ответить и на вопрос, отчего не вспомнил об Анюте, хотя знал, что она одна с больным мужем и ей непросто управляться со свалившимся на нее несчастьем. «Да что же с нами происходит-то, господи? — мысленно спрашивал Терновой. — Иль мы уж не люди, а звери, себя лишь и помнящие? Иль мы в кутерьме совершенно потеряли душу, оскудели сердцем? Да неужто впрямь так и есть? Так кто же тогда я и тот мир, что во мне?.. Кто же они все, прочие миры, которые в людях?.. Иль нету этих миров, а есть другое, остывшее и уж не в состоянии никого согреть? Но ведь и тогда это миры, пускай маленькие и всяк за себя, а вместе — один большой мир, к примеру, мир войска, что отступает нынче по таежной реке, а есть еще большой мир, мир дивизии, что идет следом, враждебный нашему миру мир».

Неожиданно Терновой остановился и сказал вслух странно бессмысленные, хотя, в сущности, лишь с виду так, а на самом деле углубленные в себя, во все то, что совершалось в душе, слова, со смятением поглядев на Дымова и виновато усмехаясь:

— Эти миры враждебны друг другу, горе бродит меж них и ненависть. Но зачем, зачем?.. Иль не оставалось человеку ничего, как только помнить себя, а все прочее предать забвению? Так что же тогда мы, люди, есть на земле?..

Дымов растерянно посмотрел на Тернового и, кажется, не понял. Но тому этого и не надо, все, что сказал, сказал совершенно случайно, вначале даже не понимая, что говорит вслух, столь смущен был своими мыслями, лишь спу-

стя время догадался, что говорит вслух, сделалось неловко. Но неловкость скоро забылась, увидел корнета Бельского верхом на лошади, сказал, подойдя к нему:

— Дай-ка мне коня на час-другой.. Потерялись Анюта с Милютиным. Поищу...

Бельский мог бы отказать, но поступил по-другому, привычно почувствовав перед капитаном робость, точно бы тот знал про него все и при случае мог поделиться своим знанием, а корнету не хотелось, чтобы так сталось. Нет, он не стеснялся собственных мыслей и действий, а только не ощущал необходимости именно теперь сделать их достоянием всех, казалось, его время еще не подоспело... Поспешно спрыгнул с лошади и, передавая Терновому узду, сказал почти весело:

— С удовольствием, господин капитан. Рад услужить вам!..

Подошел здоровенный Дымов, следом за ним вечно спешащий куда-то и злой Коромыслов, еще кое-кто из батарейцев, все с обветренными лицами, они, глядя на капитана с лошадью, заметно оживились, повеселели. А Терновому, напротив, сделалось неспокойно, совестно... И было отчего... На всю батарею нынче одно орудие, да и то подбитое и без снарядов, и если еще не бросили и тащили за собой не одну версту, сменяя друг друга, то лишь потому, что не знали, чем займутся, когда и это орудие будет брошено. Генерал, случалось, замечал их усердие и был доволен, это видели батарейцы и старались вовсю.

— Я взял лошадь у корнета, да не его лошадь, чью-то еще, чтоб поискать заболевшего офицера с женою. А орудие... Мы и так управимся. К тому ж у нас все равно нечем кормить лошадь. Так что съезжу вот, потом придется ее отдать...

Он неумело, подпрыгивая на сильных кривоватых ногах и не глядя на солдат, залез в седло, развернул коня, сказал вяло: «Ну-у!..» И отъехал... Он видел тех, кто шел в обозе, и был неприятно поражен встречей с ними, они точно бы утеряли в себе что-то, делавшее их людьми, и теперь заступали дорогу, требуя отдать лошадь, которая им, как полагали, нужна больше, чем ему, и злились, что он отказывался, и, обрывая пальцы, искали на льдистом насте все, что попадалось под руку, и швыряли, ругаясь, вслед. Он был смущен и не хотел бы думать про эту встречу, но не думать не мог. Странно, как раз сейчас Терновому вспомнилось давнее, от матушки ли родимой слышанное или еще от кого-то близкого и дорогого сердцу. Он усмехнулся гру-

стно, подумав о близких и дорогих сердцу. Не вспоминал о них с того дня, как оказался на войне, ни про что другое, кроме нее, не мыслил, отсекши от себя напрочь, словно бы полагая не вправе мечтать о светлом и добром, что было у него в жизни, и оставляя это на то время, когда закончится война и на сердце станет не так горько. Он и теперь сумел бы справиться с собой и одолеть вспыхнувшее ярким лучом воспоминание, но не пожелал, сказал:

— А что, не имею права побыть наедине с собою?..

И сейчас же увидел матушку на отчем подворье, рядом с родимою бабку Параскеиху, годков-то соседушке за девяносто, а все жива-здоровенька и улыбается утру ль ясному, зорьке ль вечерней, во всем нарождающемся зрит диковинное, радостное, всякой божьей твари во благо... Спрашивала матушка у Параскеихи:

— Где ж Мишенька-то наш, жив ли иль сложил буйну головушку во бурьянах посреди чужих степей?..

Отвечала Параскеиха:

— Ой ли, матушка, жив родимый-то, ясный сокол. Вот солнышко обойдет землю еще разочек, и прилетит сокол... Ты верь, матушка! Верь!..

Терновой взрогнул, точно бы наяву увидел дорогих сердцу людей, но нет, далеко от отчего, низкого, с худой огорожею, на серой усыпке подле пруда, загнивающего дворянского дома, и уж не отыскать туда дороженьки, другой путь у него, муками людскими да кровью меченный. Упал на луку седла и заплакал горькими, не облегчающими душу слезами, а когда очнулся, снова подумал про то, давнее, слышанное им в малые лета свои.

Сказал человек, встретив господа бога:

— А скажи-ка, боже, богоподобен ли я?..

— Да, конечно, — отвечал господь бог. — Ить я сотворил тебя по образу своему.

— Отчего же тогда ты вечен, а я смертен?.. — не поверил человек. — Я хочу стать таким же, как и ты, вечным.

— Но я не могу исполнить твоего желания, — отвечал господь бог. — Все, что угодно, только не это.

— Но ведь ты господь бог, и ты всесилен! — в гневе воскликнул человек и ушел.

Он жил еще долго и все время думал о разговоре с господом богом, и обида на всевышнего не угасла. А потом подошло время помирать, и человек велел после смерти сжечь свое тело.

— Быть может, тогда я, обратившись в пламя, достигну пределов возможного и сделаюсь вечен?..

Он умер, и люди исполнили то, о чем он просил... И не стало сильного человека, а был слабый, никому не нужный дух, который не умел найти успокоения и с тоской вспоминал время, когда жил в теле, что было богоподобно. В конце концов, случилось то, что и должно было случиться: потеряв власть над собой, он начал искать свою плоть. Он и по сей день ищет ее и все не найдет.

Сказано: ищи бога в себе, да отыщешь свет его...

Терновой оглянулся, но никого не увидел, лишь черные метины на льдистом насте, стало неприятно, захотелось вернуться в свою часть, но он одолел неладное и поехал дальше. Небо в густых темных облаках низко зависало над головой и вызывало на сердце беспокойство, точно бы небо тоже непрочно и не сегодня, так завтра упадет на людей, и уж не найдешь среди них ни одного живого, и тогда будет голая, холодная земля на сотни, тысячи верст. Терновой ощущал на себе странное давящее что-то, большое и сильное, исходящее от вечернего, начавшего загустевать неба. Пытался избавиться от этого давления, то погоняя лошадь, то намеренно стараясь думать о далеком и призрачном, лишь бы забыть про тяжелое небо, зависшее над головой и вызывающее в нем чувство одинокости и покинутости посреди снежного неживого пространства. Но так и не мог избавиться от давления, ехал со все возрастающим ощущением тяжести в теле. Однажды остановился, увидев на льду посреди черных метин, на которые уже не глядел, едва ли не привыкнув к ним, так много их, сгинувших посреди ледяного пространства, несчастных, не обретших покоя и перед ликом вечности, худую, страшно изможденную, просвечивающую от худобы, уже потерявшую масть, бывшею прежде не то карею, не то гнедою, с покорно опущенною мордою, с привязанными к спине тороками, ни на что уже не обращающую внимания, тихую и покорную лошадь. Терновой подъехал поближе и, не слезая с седла, заглянул в черные, из тугой смерзшейся свиной кожи длинные, тяжело обвисшие торока и сейчас же побледнел, отшатнулся. Сидели в тех тороках, тесно прижавшись друг к другу, по два человека в каждом, малые дети, которые были уже неживые, с бледными, заострившимися лицами, тускло, все ж с каким-то нездешним вниманием в отталкивающе больших, льдисто застуженных глазах смотрели на низкое небо, точно бы хотели о чем-то понять. Но понять не могли, сделавшись принадлежащими не этому, другому миру.

Терновой понукнул лошадь, стремясь побыстрее отъе-

хать, но та заупрямилась и не торопилась отойти от товарки, словно бы испытывая к ней жалость и догадываясь, что стоит отойти, как эта, потерявшая свою масть лошадь, уже ничем не сдерживаемая, никаким интересом к жизни, равнодушная к собственной судьбе, упадет на землю и не подымется.

— Ну, что же ты, родимая?.. — с обидой в голосе проговорил Терновой. — Поехали, что ли?..

Но еще не скоро лошадь сдвинулась с места. Капитан понял, что удерживало ее подле обреченной товарки. Понимание не укладывалось в слова, было значительнее и объемнее любого из них. И он, догадываясь про это, не пытался найти какие-то слова, просто подчинялся тому пониманию, что обожгло вдруг, большое, и терпеливо дожидался, когда сделается бледнее и даст волю другим, ныне стесненным мыслям и чувствам. А когда так случилось, подумал про себя и удивился перемене, что совершалась в нем. Он, полагавший, что живет по собственным правилам, стараясь ничего не знать, лишь свои волнения и помыслы, находя их единственно нужными, нынче почувствовал, что это не так, во всяком случае, не совсем так, и в его душе произошло непривычное, такое, что заставило по-иному взглянуть на все, что окружало. Он ощутил перемену и не обрадовался, находя, что в теперешнем положении она вроде бы ни к чему, и понимая, что жить лишь своими бедами и малыми радостями легче, чем если бы к этим бедам и малым радостям было примешано еще что-то, чужое. Он не обрадовался, но и не пожелал ничего поменять, полагая, что все должно идти так, как и совершается без вмешательства со стороны, которое наверняка ничего не дало бы ни ему самому, ни тем обстоятельствам, что сделали возможной случившуюся в нем перемену.

Два дня и две ночи Терновой искал Анюту и Милютина, повидал немало людей, оказавшихся на краю гибели, кто молил о куске хлеба, чего он не мог дать. Но среди них так и не встретил тех,кого искал, подумал, что уж не отыщет, и вернулся в часть. Он вернулся в часть, словно бы к себе домой, и в первые часы после возвращения наслаждался тем, что совершалось на его глазах: тревожной армейской суетою, что сопровождает всякое отступление и которая прежде не нравилась, а нынче была едва ли не желанной, точно бы позабыл, что последует за нею и станет сопровождаться еще большей яростью при первом же даже случайном столкновении с противником. Но наслаждался недолго, заметил в худых, обросших лицах солдат с

батареи не то растерянность, не то откровенное нежелание говорить с ним. Пытался узнать, отчего поменялись по отношению к нему. И это было непривычно. Прежде едва ли думал об отношении солдат к себе, занятый собственными мыслями и чувствами, куда не сыскивалось доступа никому. Но нынче другое дело, нынче он не то, что прежде, и потому пытался узнать, что случилось. Солдаты долго молчали, а не утерпев, в конце концов, сказали про все то, что их волновало. Оказалось, Софья Никаноровна, про которую батарейцы думали, что любимая им женщина, и по этой причине относились к ней мягко и с участием, в теперешнюю пору, когда в войске начался голод, в одной из деревень встретила крестьянку, на руках у той была большая семья, и она не пожелала поделиться с нею куском хлеба, тогда Софья Никаноровна приметила, куда крестьянка лазала за хлебом, в какой потайной погреб, побежала в контрразведку и неладное сказала про крестьянку. Пришли оттуда, забрали бабу и, недолго думая, накинули петлю на шею и удавили, а на грудь повесили дощечку, что партизанка... Но какая же она партизанка — баба с малыми детишками, пожалеть бы ее, а Софья Никаноровна польстилась на дармовой хлебушек и погубила матерь, деток оставила в сиротстве. Скажи на милость, че это тако, господи? Че с людями деется, иль вовсе потеряли усердие к богу и не живут его милостью, за которою всяк человек, даже самый малый да слабый, виден?..

Батарейцы говорили про Софью Никаноровну со смущением, с душевной болью, а не то капитан не поверил бы и подумал, что набалтывают на близкую женщину. Но в этом случае он не мог так подумать. Все же втайне надеялся, что здесь что-то напутано и не Софья Никаноровна повинна в смерти крестьянки, а другой, не узнанный батарейцами человек. Однако ж после встречи с Бельским, который служил еще и в контрразведке, у капитана исчезли все сомнения относительно поступка Софьи Никаноровны, в результате чего загублена человеческая жизнь. Бельский сказал про поступок Софьи Никаноровны совершенно спокойно и с уважением, увидев в нем лишь проявление гражданского долга, сказал так, как если бы о чем-то, не могущем вызвать возражения. И, кажется, тотчас же забыл о том, что сказал, заговорил о другом... Но Терновой-то не забыл, отыскал Софью Никаноровну, долго смотрел в глаза, словно бы стараясь что-то разглядеть в них, но там ничего не было, во всяком случае, показалось, что ничего не было, даже легкого волнения, спокойные, неозабоченные,

холодноватые, следили за ним с недоумением.

— Ты... ты... — сказал Терновой и замолчал.

Софья Никаноровна едва дождалась, когда он придет в себя, а узнав, что так встревожило его, удивилась, словно бы на время позабыла, с кем имеет дело, а потом вспомнила и сказала с небрежной, словно бы к чему-то незначительному, не к смерти человека относящейся досадой в ровном и спокойном голосе:

— Что делать? Я тоже хочу жить...

Она могла бы добавить, что, предавая других, не мучается угрызениями совести, и не потому, что такая уж худая, а потому, что в своих странствиях по белу свету, точнее, по России-матушке, измученной каждодневною, горькою, бог весть за какие грехи свалившейся на ее голову войною, вынесла для себя суждение, что нынче только ненависть движет жизнью, лишь она и способна возвысить или уничтожить человека. Она поняла это и люто возненавидела тех, кто смотрел на жизнь по-другому, старался отыскать доброе и нежное, такое, чего, по мнению Софьи Никаноровны, не надо нигде искать, разве что в днях прошлых, которые бесконечно далеки от всего, что совершается нынче в России. Она и Тернового относила к тем людям, хотя и не могла ненавидеть. Обращалась с ним, как с малым дитятей, что еще не утратил изначальной привязанности к матери — отчей земле, но непременно отступится от нее, как только поймет, что та всего лишь падшая женщина. Она так думала. Но нынче, холодно и бесстрастно, а значит, привычно для себя, ко всему, исключая золото, которое хранила в сейфе у Алмазова, относящаяся без участия, наблюдая за Терновым, догадалась, что у нее ничего не получится, он не сделается компаньоном в предстоящих за границею, мыслимых ею отсюда дерзкими и смелыми предприятиях. Стало грустно. Правду сказать, Софья Никаноровна не рассчитывала на капитана, лишь в нем видела человека преданного и по складу характера неспособного и в будущем поменять что-либо в своем отношении к ней. Да, грустно, но ничего не поделаешь, нужно искать другого, кто стал бы компаньоном и защищал бы ее интересы. Она подумала сначала об Алмазове, потом о Бельском, оба были отвергнуты ею, догадывалась, что в любую минуту, когда им сделается выгодно, предадут. Софья Никаноровна разозлилась, но разозлилась не на них, на Тернового и наговорила ему бог весть что...

— Да, да!.. — кричала она, находясь во власти злой досады. — Я обманывала мужа, обманывала других муж-

чин и тебе тоже не хочу быть верною, ты скучен и противен, тебе дороже крестьянка, которую вздернул Алмазов. Ну, и черт с тобой! Живи с ее тенью, потому что ты и сам уже как тень, а я ухожу!..

— Ну, что, что ты смотришь на меня так?.. — помедлив, снова кричала она, нависнув над Терновым своим большим и нынче очень колеблемым телом.—Я грязная?.. Да, грязная! И мне нравится, нравится, что я в грязи и что вы все в войске, все, все... в грязи! И ты тоже... тоже!..

Она пошла от него точно пьяная, а он стоял и впрямь превратившийся в тень, слабую, дрожащую, и не в силах был сдвинуться с места, хотя хотелось догнать ее и посмотреть в лицо, которое, случались и такие минуты, было мягким и нежным. Что-то еще надо было понять в ней, что-то еще желал бы понять, оттого и стремление — догнать ее... Но продолжал стоять, не умея прийти в себя, и все смотрел в ту сторону, куда она пошла, хотя ее давно уже и след простыл...

13

Эти дни она не умела отличить один от другого, точно был один длинный тягостный день, изредка прерываемый недолгими сумерками, которые нельзя принять за ночь, а за другое, когда на тело, словно бы лишь дожидаясь сумерек, наваливалась усталость и уж нельзя было рукой пошевелить, за время похода сделавшейся нездоровою белою и тонкою у запястья. Анюта останавливала лошадь, которая рада оказывалась этому и тут же задремывала, опустив голову едва ль не до самого льда, а сама ложилась подле Милютина, разбросавшего по подушке на днище саней длинные густые волосы. Те падали на высокий, в тонких морщинах лоб, а то и вовсе открывали его, подхватившись с ветром, большой и, даже издали угадывалось, горячий. Милютин все так же бредил и никого не узнавал. Анюта укрывала его и себя ветхим старепьким покрывалом, что отыскал среди своих вещей и принес Иван Дымов, и сразу проваливалась в бездну и, долго ускоряясь, летела вниз. Сердце сжималось от страха, хотела бы прекратить полет, но не умела. Зато, когда полет заканчивался так же неожиданно, как и начался, чувствовала себя удивительно спокойной и видела рядом людей, сызмала приятных сердцу, тех, кого знала, проживая в родной деревне, и говорила с ними и была счастлива, что понимали ее и по-

доброму относились к молоденькому офицеру, в котором нынче не сразу признаешь Милютина, а только приглядевшись, они не злились, не говорили в сердцах, что изменила памяти отца, погибшего от рук белобандитов, полюбила человека, к которому должна бы относиться не иначе как к личному своему врагу. Никто не упрекал ее, и она счастливо улыбалась большим, упрямым и точно бы робеющим своей упрямости ртом и с легким смущением смотрела на Милютина. Он тоже был счастлив, понимая, что происходит у нее в душе и ощущая в этом сходное с его чувствами, радовался сходству, все больше уверяясь в любви, которая наверняка будет долгою и согревающею их обоих.

Анюта не хотела просыпаться, когда свет утра обрывал сумерки. Но понимала, что надо подыматься и делать то, что делала вчера, то есть, изловчалась изо всех сил, действуя всеми правдами и неправдами, достать клочок сена, накормить лошадь, потом принести ведро воды из проруби и напоить, после чего нужно и о себе, худой и слабой, с лицом, покрытым какими-то желтыми пятнами, про которое не сказала бы, когда б увидела, что это ее лицо, позаботиться, а пуще того, о муже. Он уже не приходил в сознание, все бредил и звал ее, не умолкая, точно бы она бросила его, беспомощно разметавшегося в бреду, с длинными желтыми руками, которые так же, как и все его тело, производили впечатление чего-то слабого и безвольного.

— Я здесь, миленький, здесь, — говорила Анюта тоже слабым и безвольным голосом, отламывала от куска смерзшегося ржаного хлеба и подносила ему ко рту. Терпеливо ждала, пока он поест, совершая над собою усилие, впрочем, едва ли зная про такое усилие, а лишь подчиняясь инстинкту, что все еще жил в нем, потом и сама пыталась проглотить корку, и не всегда удавалось. Но она понимала, что без еды быстро обессилеет, и тогда сделается некому следить за возлюбленным, и, случалось, тоже совершала над собою усилие.

Анюта оказалась терпеливою. Это было в диковинку не только для тех людей, кто пускай и слабо знал ее, а и для себя. Вначале находила время подивиться собственному усердию и энергии, но потом уже не было сил любоваться собой. К тому ж поняла, что это отвлекает от главного, чем должна заниматься и о чем более всего думать, от возлюбленного, который хоть и не узнает, все ж чувствует любое движение ее души. Стоит ей расстроиться иль поддаться отчаянию, как он тоже начинает беспокоиться, и тогда из уст его падают проклятья, одно страшнее другого, и

все они обращены к людям, что отвергли его любимую и не хотят помочь.

— Что же ты? Зачем же ты, миленький?..— в такие минуты, плача и стеная, говорила Анюта и силилась достучаться до его слабого сердца. Но он не слышал, жил в ином мире, этот мир был не похож на тот, что находился нынче по другую сторону. Подобная непохожесть не пугала Милютина. От того, теперь уже далекого мира он хранил самое дорогое — мысль о возлюбленной, ощущение ее близости, которое то усиливалось, то ослабевало, однако ж не проходя совершенно. Впрочем, выпадали минуты, когда Милютину было мало ощущения близости, призрачность ее неожиданно становилась ясною, тогда он непрерывно звал возлюбленную и все не мог успокоиться. Звал до тех пор, пока не исчезала призрачность, а потом мало-помалу делался все тише, приспосабливаясь к миру, что окружал нынче. Странный это был мир, Милютин еще не умершими в нем силами сознавал его едва ли не физическое прикосновение к себе, и это прикосновение было подобно волшебству, не доброму и не злому, а скорее, обыкновенному для того мира, в котором очутился волею судьбы. Прикосновение обжигало, заставляло сосредоточиваться на одной, только ему понятной мысли. А когда мысль исчезала, все в нем словно бы сдвигалось с места, делалось тревожно и зыбко. Но это не пугало, чудилось, что и в той зыбкости рождается образ возлюбленной. И точно... через какое-то время он находил ее, она смотрела на него с надеждою и звала к себе... И он протягивал руки, говорил: я иду, иду... Он и впрямь шел, нет, не по ледяному насту таежной реки, по степи, которая вся в цвету, ярком и манящем, а над головою солнце, тоже яркое, согревает его, слабеющего, не желает, чтоб вовсе лишился сил, и он понимает про желание дневного светила и благодарен ему... Он шел в надежде встретить возлюбленную, она недалеко, он знает, чувствует... Но чем дальше шел, тем отдаленнее казалась любимая, и это обидно и горько. Понимал, как бы светило ни помогало, как бы покорно и уступчиво ни расстилалась перед ним степь, у него не хватит сил дойти до нее. В конце концов, обессилев, останавливался, падал на теплую землю и плакал, шепча потерянно и жалко:

— Господи, господи!..

Он не помнил, долго ли лежал, вдруг поменялось в нем, нет, не оттого, что возлюбленная приблизилась, по-прежнему находилась в отдалении, и все же... все же не было уже так томительно и горько, как минуту-другую назад, появи-

лась едва ощущаемая надежда и светила, хотя и слабо, грела. Что же сказала надежда? Да то, что любимая не будет долго оставаться в опротивевшем ему отдалении и не надо мучаться, выискивая причину ее отдаленности. Скорее, она в нем, только он про это не понимает, что-то не постигается его душою. Не хочется так думать, но и думать по-другому тоже не может, в конце концов, смиряется с пришедшей в голову мыслью и силится поступать согласно тому, как решил про себя. Не сразу, но это удается, и постепенно на него нисходит мягкое и едва ощутимое, точно бы прикосновение к волосам шалого и, несмотря на свою шалость, слабого ветерка, какое-то тихое смирение, а может, не смирение, что-то другое. И впрямь, отчего бы ему смиряться, иль виновен перед людьми, вознесши над ними свою гордыню? Да неужели было такое?.. Нет, не было. Жил не возносясь, сам про то не зная, а теперь словно бы почувствовав, однако ж еще не умея понять, да и не стремясь к пониманию, но и не влача жалкое существование, когда точно бы все время чувствуешь себя виноватым перед людьми, хотя и не знаешь о своей вине. Но ведь кто-то же о ней знает и кому-то нужно, чтоб влачил жалкое существование, так думается несчастному, и часто зря думается. Сам, он сам, измельчив все, имеющее быть в душе, и сделав это, измельченное, скудным и слабым, не способным ничему противиться, стал по собственной воле не человек, а так себе, тварь божья, которую если еще и не гонят, то лишь из жалости. А кто может сказать, что будет завтра?..

Нет, не смирение коснулось души Милютина, успокоение от того, что понял: возлюбленная не будет ни в какую пору чужою, а всегда — желанною и близкою, к чему б ни устремлялась сердцем. Он понял и приподнялся на локтях, сел, начал смотреть и дивиться яркой широкой степи. А потом намеревался встать и пойти, но что-то помешало, точно бы не было сил. Он не хотел бы так думать, но смутно чувствовал, что так и есть, а когда окончательно понял, что действительно так, огорченно вздохнул, лег на землю и закрыл глаза. Тотчас все исчезло, а то, что волновало и мучало, отодвинулось, было такое ощущение, что он один во всем видимом пространстве и лежит не в степи, дивной своим разнотравьем, в чужой и холодной постели. Совестно, что оказался в чьей-то постели, но и поменять что-либо не в его власти. Он нынче один, это странно и удивительно, хочется, чтобы кто-то пришел и нарушил одиночество, но никого нету. Чувствовал, как слабел и как холо-

дели руки, знал про этот холод, неладное происходило и с ногами, тоже скоро стали холодными, потом помутнело в глазах, и вот уж ничего не было видно, одна серая и скучная, сквозь нее и огонечек не просверкнет, тьма.

Когда Анюта склонилась над Милютиным и позвала, словно бы он мог услышать и сесть в санях, поглядеть по сторонам и увидеть, что их лошадь, оборвав постромки, пала и теперь лежала на синем льду, глядя в небесную пустоту, тоже синюю, круглым, захолодавшим глазом, а рядом, с опаскою обходя их, обтекая, все шли и шли люди, сплошь незнакомые, не те, кто мог бы помочь и от кого в суматохе, во время одного из налетов партизан на обозы, отстали, поручик еще не умер, но, в сущности, уже и не жил, находясь на равно близком от жизни и смерти расстоянии, не принадлежа ни одной из них и уже понимая это.

Анюта была уверена, что он не услышит, и страшно удивилась, разволновалась, когда Милютин вдруг осмысленными глазами посмотрел на нее и сказал негромко, с видимым удовлетворением в слабом дрожащем голосе:

— Анюта, милая, это ты?.. Я так долго ждал... Неужели правда, что это ты?..

Анюта услышала мягкие и нежные слова и горячо заговорила о том, что никуда не уходила и была с ним, он следил за выражением ее лица, точно бы не только по голосу угадывая, про что она говорила. Впрочем, так и было. Увидев Анюту рядом с собою, понял, что это не может длиться долго, скоро она опять уйдет и уже навсегда... И, когда Анюта начала отдаляться, и он не мог помешать, и сам, уже словно бы не принадлежа себе, а очутившись в чужой власти, которая была сурова и жестока и, если еще не подчинила себе совершенно, то не потому, что испытывала к нему жалость, скорее, по другой причине, про которую не мог ничего сказать, заплакал. А когда Анюты не стало и вовсе видно, успокоился, сделалось все безразлично, закрыл глаза и уже ничего не желал знать, терпеливо дожидаясь, когда тот, в чьей нынче власти, соизволит приблизиться и взять его душу.

В лице у Милютина дрогнуло, тень слабая, едва приметная пробежала по впалым щекам и исчезла. Анюта удивилась этой тени, а еще тому, как безвольно, когда тень исчезла, стало лицо возлюбленного, и, вздохнув, сказала про свое удивление, помедлила, ожидая ответа, но ответа не последовало, лицо Милютина все холодело, холодело, это тоже показалось странно, воскликнула:

— Ну, что с тобой? Что?!

Понимала ли, что он умирает, что уже умер?.. Наверное, понимала, но отказывалась верить и все от него требовала чего-то, все требовала... Впрочем, почему же — чего-то?.. Жизни требовала, жизни и отчего-то надеялась, что не откажет и сделает над собою усилие и глаза у него будут не эти, ни об чем не говорящие, холодные, те, прежние, живые...

Но Анюта не дождалась этого, слезла с саней, сказала:

— Ты подожди, милый. Я что-нибудь придумаю...

И пошла к берегу, потом долго тащилась маленькая, вялая, ни об чем вроде бы уже не понимающая, чужая для тайги, с глазами — умирающими воробышками на тусклом лице, которая сделалась для нее мачехой, для серого неба, что так сурово и неподвижно и точно бы не хочет ни об чем знать, а уж про ее муки в особенности. Впрочем, сама-то она нынче едва ощущала в себе эти муки, вдруг стало все безразлично. Словно бы поменялась и уж она не она, а другая, холодная и ко всему безучастная, такая, какою никогда не была и не хотела быть. Но теперь это от нее не зависело, от нее уже ничто не зависело, лишь от людей, которых потеряла из виду. Те, кого знала и кто сочувствовал ее горю и жалел, ушли далеко вперед, те могли бы еще что-то сделать, чтобы она не была такою... безразличною, но их уже нету, нету, а другие, про кого ничего не знала, не пожелали подойти и помочь, обошли стороной, бросив на льду с любимым. Она подумала так и смутилась, поразила страшная мысль: что же это значит, иль люди не придут на помощь, и она так и останется на льду с родимым человеком и скоро тоже, как и он, будет мертвой?.. И вдруг спало с нее, с души безразличие, ветхим оказалось, не по ее человеческой сути. Анюта сорвалась с места и побежала, да нет, торопливо пошла обратно, хотя думала, что побежала.

— Мертвою, мертвою... — говорила себе. — Да что же это такое, господи?.. Отчего же мертвою, иль возможно такое?.. А родимый мой?.. Да он-то здесь при чем? Ему-то за что страдать, иль за мои дурные мысли, за то, что я едва не закоченела душой?.. Ну, нет, нет... Я не хочу, не хочу!..

Анюта спустилась к саням, упала на колени, прикоснулась мокрой рукою ко лбу Милютина, а потом провела этою же рукою по мужниному захолодавшему лицу и удивилась неподвижности во взгляде, которую и раньше заметила, но которая лишь теперь показалась странной и

чуждой всему его облику. Но сумела отогнать жестокую мысль, не желая поверить в случившееся, и скоро опять была на ногах и, обрывая тонкие, почти прозрачные пальцы рук, подымалась по крутому, заросшему колючим кустарником, густо заснеженному берегу. Она пошла в сторону леса, еще не зная, зачем и что там станет делать и о чем просить, если встретятся люди?.. Впрочем, почти не думала об этом, а лишь о возлюбленном и все недоумевала, вспоминая неподвижность в его взгляде. Очутившись в лесу, недолго медлила, приметила тропу, пошла по ней и спустя время оказалась на таежной поляне, которая была освобождена от снега и поблескивала тусклой неживой желтизною легших на землю трав. Анюта остановилась, неестественной показалась желтая поляна посреди глубокой сияющей белизны, заторопилась обратно. Но прошла немного, словно бы из-под земли появились бабы в черном, обступили, стали спрашивать, откуда и отчего забрела сюда, отвечала, ничего не утаивая, удивлялась, почему бабы хмурились и опускали глаза, пока одна из них не сказала зло:

— Барынька, чтоб ее!..

— Паскуда!..— крикнула другая.

Бабы засуетились, запричитали, заголосили, оплакивая близких и проклиная напасть, которая растеклась по земле и никого не помилует...

— И она, барынька-то, из тех, по чьей злобе маемся, побросавши деревни...

И уж к ее, Анютиному, лицу потянулись худые руки. Она затрепетала как осиновый лист на ветру, вдруг осознала себя слабой и беспомощной посреди огромной людской немилости. Но затрепетала не от страха, страха как раз не было, от ощущения собственной ничтожности в мире, сказала мысленно:

— Пускай растопчут. Пускай. Значит, судьба...

Но вспомнила о муже и подумала, что поступает нечестно, нужно жить, а не то он останется один и уж никто не сможет помочь. Выпрямила спину, посмотрела лица тех, ненавидящих ее, и закричала. Она и не помнит, что именно, но что-то яростное, едва ли не сумасшедшее. Люди в смятении отступили, долго смотрели на нее, яростную, в лицах у них поменялось, словно бы высветились и уж были не так черны, а скоро к ней подошла землисто-серая, по плечо маленькой Анюте, с короткой черной палкою в руке, с глазами большими, слезящимися и вся сморщенная старуха и, не опасаясь быть отвергну-

тою, взяла за руку и повела... И та, успокоившись, не ослушалась, покорно пошла со старухой, опустив голову и чувствуя, как слезы начали душить, делать в груди утесненно и больно. Она пошла со старухой в дальний темный конец поляны , очутилась в землянке, где на полу валялись грязные овечьи шкуры, а потолок зависал над головой и было боязно смотреть, казалось, там, наверху, земля шевелится и через минуту-другую рухнет. Но скоро Анюта поняла, что так лишь казалось: потолок оттого, видать, и мнился слабым, шевелящимся, что по нему все время скользили тонкие солнечные лучи, пробивающиеся в дверную щель. Но стоило ослабнуть этому свету, как потолок, подобно всему, что окружало Анюту, сделался словно бы стоящим от веку. От него веяло сумрачностью и надежностью, которая ощущалась и в самом воздухе, что наполнял землянку, тяжелом и неспешно ворочающимся. Странно, Анюта чувствовала и это, казалось, что воздуха в землянке все меньше, меньше, словно бы вытекает в дверную щель, так же неспешно ворочаясь. Нестерпимо тянуло под открытое небо, но рядом была старуха, она поставила на стол миску с картошкой, а помешкав, отыскала в темном углу студеное, твердое, завернутое в желтую тряпицу, маленькое и черное, изрядно обкусанное, сказала вяло, кладя и это на стол:

— Хлебушко. Сберегла маленько. Ешь, бедолажная...

Анюта вроде бы не сознавала в себе голод, а вот поглядела на еду и поняла, как голодна, накинулась на картошку в мундирах, холодную и жидкую. Но что из того?.. Она не едала ничего лучше. Не заметила, как съела все, что было на столе, и сейчас же почувствовала невероятную усталость. Не помнила, как доползла до кровати и провалилась в черную, бездонную яму, наполненную страшными, которые, впрочем, не пугали, а лишь отталкивали, видениями. Спала недолго, но почудилось, долго, соскочила с овечьих шкур, мокрая от тягостной тревоги, которая вдруг окатила ледяной волною.

— Я пойду, пойду...— прошептала, видя, что и старуха поднялась и смотрит на нее растерянно.

— Куды, милыя?.. Иль не глянется у нас?.. Иль стыло все, худо? Дык, опять же, бог даст, сладится — и будем жить, как люди. А че?..

— Муж у меня там, на реке,— все больше тревожась, сказала Анюта.— А я о нем позабыла. Господи, грех-то!.. Он же больной, слабый, рукой не пошевелит.

Она вышла из землянки вместе со старухой, увидела

у дверного проема санки с накинутою на них рогожинкой и попросила, старуха не отказала, скоро Анюта снова шла по лесу, но теперь и вовсе суровому, ночному, подрагивающему толстыми ветвями сосен. Она приблизилась к реке как раз в том месте, где часа три назад поднялась на берег, замедлила шаг, стараясь утишить сердце, которое билось больно и жестоко, обернулась, увидела санки и долго не могла понять, зачем они?.. И, кажется, так и не поняла, пока не спустилась с берега и не очутилась на том месте, где в розвальнях лежал Милютин. Анюта подбежала к нему и, точно бы не заметив, что он лежал в том же положении, глядя в ту же сторону, что и прежде, когда уходила, а может, и заметив, но приняв вид, словно бы это не так.

Упав на колени и прижимая холодную голову мужа к груди, начала говорить про то, что вынуждена была отлучиться, иначе не могла...

— Да, да, не могла...— говорила Анюта и со смущением смотрела на Милютина. Потом вдруг вскочила на ноги, подбежала к санкам, развязала узелок, притянутый к днищу мягкой проволокой, вытащила оттуда ломоток черного хлеба, завернутый в белую тряпицу.

— На,— сказала, подойдя к мужу и снова опустившись на колени.— Ешь... Хлебушко! Я достала...— И столько гордости было в ее голосе, что не могла не заметить, а заметив, смутилась еще больше, но одолела смущение.— Ну, конечно, я... А кто же?.. Ты ешь, ешь. Я ведь знаю, как ты изголодался.

Впрочем, Анюта понимала, что сам он есть не мог, уже давно не ел сам, а лишь когда кормила. Но что-то мешало и нынче поступить так же, и она глядела на него, уговаривала, чтобы поел. Он молчал и смотрел на нее холодными, в которых не таяли снежинки, поднятые ветром с белого льдистого наста, устремленными вдаль, может, за тусклый, ниспадающий на горизонт темными злыми тенями окоем, как бы задумавшимися про то, что нынче открылось, глубоко и сурово, глазами. Анюта не знала о причине этой суровости, которой прежде не наблюдала за ним, и была робка. Старалась поступать так, чтобы он окончательно не рассердился: говорила тихо и ласково, словно бы опасаясь, что не так поймет, и говорила лишь о том, что было бы ему приятно...

Неожиданно до слуха Анюты донеслись чьи-то голоса, поднялась со льда, долго, вся напрягшись, смотрела в ту сторону, откуда, по ее разумению, донеслись голоса. А по-

том в торопливо загустевающих сумерках разглядела людей, но не сдвинулась с места, подождала, когда приблизятся. Среди тех, кто оказался возле нее, были бабы и малые дети, а еще человек в черном, которого уже видела и говорила с ним. Он понравился неспешностью и желанием помочь, вот и нынче, хромая, подошел к ней, сказал тихо:

— Че, девонька, измаялась?..

Она отвечала, что измучилась, худо одной: с мужем нынче не очень-то поговоришь, болен и едва ли слышит ее.

Мужичонка в лаптях нагнулся над Милютиным, дотронулся ладонью до холодного лба и отдернул руку, спросил негромко, опустив глаза, голосом пуще того мягким и слабым:

— Так ты, девонька, думаешь, что и он?..

Анюта посмотрела на мужичка худотелого, в армяке и тотчас бы испугавшись того, что он скажет о таком, про что не хотела бы знать, заговорила поспешно, с удивительным для ее теперешнего душевного состояния злым и упрямым вызовом:

— Да, да, думаю... Он еще очнется, вот увидите. Я повезу его на санках. У меня и санки есть. Вон...

— Ах ты, господи!.. — медленно сказал мужичонка, помог Анюте перенести умершего на санки и, вздыхая и бормоча грустное и усталое, пошел вперед. Следом, недолго мешкая, потянулись все остальные, бабы и дети, Анюта, говорили бабы, вздыхая:

— Землица така бысть за Байкалом, человек божий сказывал, добра землица-то, и примет нас усех, матушка, сирых да слабых, убогих да калечных, и станем тамокость жить, ото всего издалече, и от зла, что нынче про меж людей царствует, то ж... Так и сказывал, тому и верим исто...

14

Ребятишки заболели у Дымова, двойняшки, исхудали, уж и голосочка не подают, сидят ли на руках у мамани иль за спиной у нее, в тороках, грустные, вялые. Подойдет к ним Иван, скажет ласково, глядя добрыми, участливыми глазами, про которые всяк в войске скажет, что такие у одного Дымова... блаженные будто бы, с великою нежностью к жизни:

— И чего вы, сыночки мои родимые, скучаете иль неладно че?..

Молчали, а раньше, если и не умели сказать, могли улыбнуться, рассмеяться даже...

Солдат с лица сошел, все не сообразит, как бы подсобить родимым. Однажды сыскал в войске фельдшера, думал, тот наладит сынов, но фельдшер поглядел только и отошел, вздыхая:

— На все воля божья...

Конечно, божья... Однако ж и сам человек должен понимать, что не зря живет на земле и умеет поспорить с напастью, а то и отвести беду от близких людей. С такой мыслью и Дымов жил, думал, что и дальше так будет, но выходит, недопонимал чего-то. Может, не умел распознать стержня жизни, на который накручиваются радости ли, напасти ли, а намотавшись, делают и вовсе невидимым? Поди, это и случилось с Иваном, средь разных дел не разглядел стержня, потому и пришла напасть?.. Слыхал от людей: коль нету в ком понимания жизни и другого чего тоже нету, стойкости, к примеру, вдруг да и поломает, запечалуется тогда, иссохнет, как надрубленное дерево, и уж все-то не мило на белом свете. Иль не это с ним приключилось нынче? Вон какая тоска в глазах плещется, сам-то про нее едва ли скажет, да люди-то не обманут, говорят, что давно плещется и солдат оттого не похож на себя, прежнего, ласкового ко всякой живности, а пуще чего к людям, что недоброе обрушилось на душу его светлую. Другой нынче, бывает, что и запамятует про ближнее и думает бог весть о чем... Чудное тогда душою его, напастью измученной, видится: дальняя дорога, похожая на ту, по которой нынче идет с войском, дивная на богатые таежные заброди, а еще на доброту встречных людей, чего нынче и в помине нету. Бредет он по этой дороге с женушкой да с малыми детками, смотрит вокруг и радуется, легко в пути, несупрямливо противу всего свету, как нынче, в согласии и с малой травинкой, что взросла сбочь дороги, тонкая. От этого согласия на душе словно бы светится, а скоро передается деткам и женушке, всему протчему люду. И вот уж и в них светится, он видит это, и чудится, будто не от мира сего свечение, вдруг да и промелькнет в нем потустороннее, чужое, сроду им не знаемое, однако ж нету на сердце робости, есть другое, умное и ясное, может, надежда на счастливый исход. Уходя с пепелища, где прежде стоял отчий дом, сожженный комиссарами, как и все остальные избы, за то, что жители досыта ели хлеб и не поверили в комиссарскую сказку про счастье, о том и думал, что сыщет и для себя уголок земли обетованной, где

будет не так горько и одиноко посреди людей и не так голодно... Но думал лишь вначале, а когда очутился посреди пролегшего на тысячи верст пути, позабыл, завороженный чудною дорогою, и теперь ни про что такое не помышлял, и про прежние напасти успел запамятовать, точно бы их не было, а было вот это спокойное, мерное движение, которое не рождает на сердце усталости и других томящих чувств, лишь радость от встречи с диковинным. Кажется, совсем недавно пришла радость, но с каждым шагом делалась не то чтобы сильнее и больше, а словно бы осмысленнее и ярче, зримее. И вот уж наступил момент, когда самому Ивану и близким людям почудилось, будто уж ничего и нет на сердце, кроме радости, и они спешили поделиться ею друг с другом, точно бы боясь, что станет непосильной для них, уйдет и уж не отыщешь нигде. Но скоро случилось непонятное, поломавшее теплым светом легшее на душу. Чем больше говорили про радость, тем меньше становилась, а казалось, должно быть наоборот, во всяком случае, так считали... И к тому времени, когда поняли, что на эту радость надо смотреть по-другому и относиться к ней тоже по-другому, она и вовсе уменьшилась, потом исчезла. И это было так странно, так странно, так неожиданно, люди долго не могли поверить, что ее уже нет, и все ждали возвращения, но она не вернулась, и нельзя сказать, куда подевалась... А скоро увидали в ясном небе солдата и, хоть одет был совсем по-иному и не смотрел в их сторону, поняли, что солдат русский, и что-то словно бы подтолкнуло пойти в ту же сторону, куда направился он. И вот уже шли, не разбирая пути, спотыкаясь и падая, часто забредая в желтые сугробы, которые издали нельзя принять за сугробы, а за выгоревшие на горячем солнце лужайки. Солдат шел быстро, они едва поспевали за ним и тянули к нему руки, просили, чтоб не спешил, но он не слышал и все шел, шел... Изредка на его пути вырастали горы облаков, он легко, точно бы не чувствуя усталости, подымался на них, потом спускался, на время исчезал из виду, и тогда люди, двигавшиеся по земле, теперь уже вяло и неуверенно, едва переставляя ноги и не думая про счастливый исход, словно бы позабыв про это, останавливались в смущении и ждали, когда появится, и опять двигались дальше, уже не зная, куда и зачем? и что им ждать и на что надеяться в далеком краю?.. Солдат исчезал и появлялся, они скоро привыкли к этому и уже не беспокоились, когда его подолгу не было видно, точно бы не сомневались, что не покинет, и, когда он исчез в очеред-

ной раз и уж больше не приходил, не могли поверить, что исчез навсегда, а когда так и не появился, растерялись, опустились на землю и сидели, не зная, куда пойти?..

Иван был в смятении, это смятение все увеличивалось, пока не завладело им совершенно, однако не было долгим, уступило место другим чувствам, тоже сильным и горьким, но все ж не столь острым и болезненным. И, может, оттого эти чувства были не так остры и болезненны, что Дымов скоро очнулся и уж не захотел уходить даже в мыслях в то сладостное и светлое, что сначала порадовало, а потом сделалось томительно, словно бы происходило в реальной жизни. Он горько усмехнулся, в теперешней жизни хватало мучений и горестей, так зачем же их увеличивать, норовя очутиться в ином мире, точно бы там будет по-другому. Да нет, не будет...

Ребятишки у Дымова с каждым днем все больше слабели, а потом замолчали, и уж не слыхать их было даже в затишье, которое наступало в обозе нечасто. Но Дарья, кажется, не замечала, одно и сказывала, что Петюнька и Гришуха подымутся, когда убредут за Байкал, сказывали добры люди, там земля райска, в высоком сиянье и благодати. Не подпускала к ребятишкам никого, даже отца родного, говоря, что не надо беспокоить сынов, пущай-ка подремлют маленько, отойдут, чай. Ить ангелы божьи, и греха за имя никакого. Да и пошто б забижать их господу нашему, владыке небесному?..

Дарья сделалась не в себе, рыжеволосая, яркая, исхудавшая так, что курмушка, прежде туго облегавшая тело, болталась, шла она меж людей, свято оберегая малых деток, нашептывая им ласковое и доброе про землю райскую, о которой слышала и сейчас же поверила, что всевышний не запамятует про них, грешных, отринутых, проклинаемых по всей русской земле, как будто велико повинны они. А повинны ли? — кто скажет, иль есть она, на божьих весах взвешенная, впереди потерявшей свой изначальный лик толпы бредущая и тягостная для каждого сердца вина людская?.. Да что же она такое, чтоб за нее принимать муки нездешние?..

Шла Дарья, ни про что другое не ведая, только про детишек, изредка останавливалась, чтоб покормить их и самой поесть, когда рядом Иван и принудит взять в руки ломоток черного хлеба. Случалось, подолгу смотрела Дарья на мужа, как бы не узнавая. В такие минуты Дымов пугался, спрашивал, что с нею?.. — и она отвечала не сразу.

— Чудное зрится, Иванушка, — говорила. — Будто уж

нету походу, который из всех из нас душу вынул, а есть другое... ласковое, будто уж мы за Байкалом, на земле благостной, и я там с Петюнькою и с Гришухою, а тебя нету, и никто не скажет, куды подевался?.. Я хочу заплакать, пойти искать, но, о господи, сама себя не пущаю. Вот нету желания тащиться лесами да степью, и все тут. И я стою в сомнении и не могу одолеть недоброе. Слышь, Иванушка, иль ты не люб мне больше, а?..

Странно, помолчать бы про это, мучающее, да не хочет, точно бы желая сравняться с ним: коль мне больно, так пущай и ему станет больно. А если бы он сказал, что и без того ему больно, не поверила бы, думая, что сама вся словно бы из муки мученической, и уж ничего нету в ней, кроме нечеловеческой муки. Но он не говорил, как тяжело ему, понимая, что Дарье еще тяжелее, и, придя в обоз, обычно долго шел рядом с нею и все больше молчал, вздыхал, не умея облегчить ее муку. А однажды взял на руки двойняшек, благо, Дарья не отстранилась, но только прикоснулся к детям и тотчас отдернул ладони, отступил в страхе. Дарья отстранила ребятишек, со злостью посмотрела на него:

— Ты чего, милый, от детишков нос воротишь? Чего?.. Иль не по сердцу, а?..

Дымов побледнел и опустив голову, едва сдерживая рвущиеся из груди рыдания, сказал, вяло ворочая языком:

— Дарьюшка, померли наши детки-то... померли... уж и тельца захолодали.

Иван был как в бреду, жестокая боль сдавила сердце и уж не мог глядеть на мир прежними, ко всему добрыми и участливыми глазами, в душе все сдвинулось, сжалось, как туго натянутая пружина, и не сказать, что станется с ним и со всеми теми, кто будет рядом, коль распрямится пружина...

Он вздрогнул, и на сердце пуще того сдавило, когда Дарья вдруг закричала, погнала от себя, яростная:

— Изыди, сатана! Изыди!.. И детков моих не трожь! И про всякое худое не сказывай! Ишь удумал! Сатана!

Дарья не поверила Ивану, что детки померли. Впрочем, и себе не поверила, когда почувствовала холод, который шел от них, возмущенно сказала, что дура она и ничего не понимает, стала кутать ребятишек, надеясь вернуть тепло в захолодавшие тельца. А потом она исчезла, вместе с нею исчезли и те, кто отчаялся сыскать теплый очаг и пропитание, а еще бабка с внучкой, которые шли в обозе, им из милости подсоблял Антон Коромыслов. Это проис-

шествие окончательно выбило из себя Дымова, он свернул на таежную тропу и углубился в чужой, ослепительно белый, как бы накрытый саваном, лес. Намеревался разыскать Дарью с мертвыми сыновьями, чтоб предать детей земле и постараться начать все сначала в этой, сделавшейся злою мачехою жизни, во всяком случае, так думал, но чем больше думал, тем меньше становилась уверенность, что в силах поменять что-то в своей жизни. Видать, такой дадена ему всевышним, такою и пребудет и поломать ее не в его власти. Изначально даденное не убывает, напротив, с каждым днем делается ярче выраженное, отчетливое, и уж не скажешь про даденное, откуда и зачем, лишь вздохнешь устало: значит, судьба... И вела его судьба тропою неторной, едва ли не звериной все глубже и глубже в таежные дебри, где, он знал, ничего не будет: ни грусти, ни радости, а уж тем более он не отыщет Дарьи и малых деток. Там, в таежной глубине, действительно ничего не будет, и, странно, знал это, однако, охотно подчинившись чему-то, не зависящему от него, может, вообще ни от кого не зависящему, а словно бы висящему в воздухе, все шел и шел...

Но странно не только это, другое, то, что Коромыслов, кого Терновой послал разыскать Дымова и привести к нему: «У меня такое чувство, что он в большой тревоге, не нужно оставлять его одного», — ощущал то же самое. Тем не менее не хотел бы подчиняться этому, висящему в воздухе, желал жить своими чувствами и своей головой и ко всему, что висело над ним, норовя если не поглотить, то уж лишить возможности быть самостоятельным, во всяком случае, относился с острой неприязнью, как к чему-то непонятному, недоброму.

Антон, маленький, рыжий, споро и зло ступая на ледяную землю короткими ногами и держась неестественно прямо, как только и привык держаться, будто аршин проглотил, шел той же тропою, что и Дымов, однако ж не зная про это и все ж не теряя надежды встретить его в лесу и привести к капитану. Но чем дальше углублялся в тайгу, тем меньше становилась уверенность. А когда очутился близ таежного ручья, и в зимнюю пору не зажатого льдом, гладкого и серебристого, как рыбка голомянка, пробивающаяся сквозь толщу байкальских вод и замаячившая на самой макушке волны, под теплым солнцем, и, заглядевшись на струящуюся воду, дивясь ее упрямости и силе, он и вовсе утерял уверенность и устало вздохнул, сказал, что дальше не пойдет... Поднял голову и посмотрел перед со-

бою и тут в версте-другой увидел черную шевелящуюся точку и, встрепенувшись и сомневаясь, без всякого интереса, точно бы по принуждению, подумал, что это может быть и Дымов, а может, и нет, все же надо теперь же догнать этого человека и выяснить, кто он?..

Но Антон сдвинулся с места не сразу, лишь когда одолел странное для него безразличие, вот тогда заспешил, шаг сделался пружинисто легок и упруг, то есть такой, каким и бывал, когда Коромыслов не поддавался усталости и шел не по чужой, казенной надобности, по своей, когда от этого зависело, быть ли ему в довольстве, нет ли... Скоро решил, что впереди непременно Дымов, и теперь уже шел и кричал: «Э-эй, Дымов!..» — хотя понимал, что тот едва ли слышит. Но кричал не для того, чтобы Иван услышал, а чтобы прогнать это, висящее в воздухе и норовящее оборвать в нем самостоятельность. Он лишь потому и кричал, что отказывался подчиниться неведомому и незнаемому, крик помогал хотя бы на время добиться своего и отогнать то упрямое, чем точно бы пропитался воздух.

Да, это был Дымов, Антон догнал его и пытался говорить с ним, но тот не отвечал ни на какие опросные слова, словно бы затвердев на одной мысли, про которую Коромыслов не понимал, но догадывался, что упряма, жестока и вряд ли теперь отпустит Ивана, еще долго будет жить в нем и мучать.

— Ну, ладно, ты об своем думай,— сказал Антон.— А я об своем, так и пойдем обратно. Иль че?..

Антон, обронив это: «Иль че?..» — был уверен, что Дымов не пойдет обратно, пока не сыщет близких. Но ведь и Антон, теперь-то знал наверняка, тоже не торопился возвращаться, надо бы и ему сыскать старуху с внучкою, которые так же, как и Дарья с детьми, иль сгинули, иль бредут нынче чужою тропою, голодные и никому не нужные во всем свете, разве что ему, Коромыслову. Случалось, приходил в обоз, отыскивал старуху с внучкою и старался одарить куском ли черного хлеба, словом ли добрым, утешливым. Он и сам не знал, отчего тянет к малознакомым людям, которые зачем-то пристали к войсковому обозу. Да, не знал этого, но спустя время приходить в обоз и говорить с черно согбенною, придавленною прожитыми летами к земле старухою и смотреть на молоденькую, светлоликую, всякий раз робеющую при нем девушку, почти девочку, ее внучку, сделалось необходимостью. Когда б этого не стало, его душа была бы пуще того залютевшей, для которой все

опостылело на земле. Бабка с внучкою отвращали душу от большей лютости и от неверия, впрочем, только от этого, уже поселившегося в нем, что разъедало, как ржавчина, хотя не думал так, старался не думать, тем не менее начал сознавать, что все, происходящее в нем и приведшее к тому, что на сердце нынче лишь огрубелость и сухость и неумение пожалеть кого бы то ни было, исключая старуху с внучкою, которые для него теплый и ясный свет, есть следствие того, что поломал прежнюю веру в бога ли, в людей ли, а может, в то и другое сразу. Сознавая свою надобность на войне и постоянно ощущая ее едва ли не как единственное свое достоинство и гордясь тем, что нашел хотя бы и это, другие, уж он-то знает, и вовсе ничего не имели, Коромыслов запамятовал про остальное, в частности, про то, что и он человек, а не только орудие войны, как его слепили обстоятельства и как сам себя нынче понимал. Ну, а коль скоро и он человек, то, следовательно, и ему надо о чем-то мыслить, стремиться к чему-то и, самое главное, верить... Но прежней веры не было, а другой не обрел, оттого и был подобен дьяволу, для которого все есть пустота. Сознавал, что худо без веры и впрямь не человек уж, дьявол, но не умел вернуться к старой вере, что-то имеющее быть в душе, упрямое и дерзкое, мешало, злился, и не на себя, на людей, чудилось, и в них нету веры, но напускают вид, что есть, лукавя перед богом, вдруг да и говорил об этом, пытался уличить во лжи и был рад, когда удавалось.

Ко всем Антон с недоверием, но не к Ивану, тот для него неприкасаем, относился к нему не то чтоб с уважением, нынче, пожалуй, никого не уважал, полагая всех повинными в том, что случилось с ним, отчего словно бы выжатый, весь пустой, до самого донышка, тем не менее выделял Дымова средь прочих и не хотел бы обидеть даже словом. Чувствовал, в Иване все не понарошке, все всерьез, и когда тот говорил о любви к ближнему, то и впрямь любил, даже на войне не потерял любви, и, если бы пало такое, лег бы за нее, обращенную к людям, костьми, не пожалел бы живота своего. Но, кажется, эта непохожесть в одно и то же время не только заставляла Антона выделять Дымова средь прочих, да и отвращала от него. И впрямь... Не мог подолгу находиться с ним рядом, уставал, норовил отойти. И нынче поступил бы так же, да мысль о старухе с внучкою, нестерпимо горькая, помешала, и виноватость накатила, редкая для него в теперешнюю пору, про нее и не вспомнил бы, да, видать, сама нашла и уж не отпуска-

ла... Думал Коромыслов о старухе с внучкою и постепенно все больше чувствовал себя виноватым перед ними, это тоже было в диковинку и злило. Вышли к таежной деревне, вдруг как-то сразу оборвался лес, и в легком, быстро загустевающем сумерке разглядели низкие, по здешней сибирской свычке, присадистые избы, остановились, потом отошли к деревьям, таясь и норовя быть меньше заметными. Заволновались, когда увидали меж деревьев черных лешаков в длинных шинелях, были среди них бабы и дети, едва ль не под каждой сосною да елью лежали побитые с худыми и черными лицами. Все было средь жестко приявших смерть холодно и тускло, только загустевшие ручейки крови посреди павших сияли ярко, со всех сторон видимо, хотелось подойти к тем ручейкам, нагнуться, потрогать рукою. Странное, едва ль не сумасшедшее желание, а попробуй-ка совладай с ним! Дымов, опустив голову и пытаясь не смотреть на Антона, у которого глаза были по-прежнему злые, колючие, так бы и уколол насмерть каждого, кто осмелился бы пойти против, приблизился к одному из ручейков, упал на колено, прикоснулся ладонью до сияющего красно и ярко и тут же отдернул руку, долго тер об полу шинели, слушая, как матерно ругался Коромыслов.

— А люди-то с нашего обозу, — успокоившись, сказал Антон. — Тифозные, гля. Ребятня-то по сю пору стронута с круга, и в глазах ничего нету, пустые глаза. Видать, встрели бедолажных самодельными пулями, чтоб тиф не пустить в деревню.

— Ты чего думаешь?.. — начал Иван и осекся, спрятав руку за спину, спустя немного торопливо забегал от одного убитого к другому, точно бы ища кого-то, а не найдя, опустился на землю и долго сидел так, затолкав руки в карманы шинели, тихонько покачиваясь и шепча под нос и поскуливая. Антон снова начал ругаться, но уже без прежней злости, как бы по привычке, от понимания того, что только с помощью ругани можно привести Дымова в себя.

— Ну, пошли?..

Опасался, что Иван не сдвинется с места, но нет, тот поднялся и медленно побрел следом за Антоном. Так и шли, один за другим, не предпринимая попыток поравняться. Но вот сделалось в лесу темно, Коромыслов замедлил шаг, дождался, когда Иван окажется возле него, сказал:

— Пойдем рядышком, не то заплутаем... — помедлив, добавил: — Мне старуху с внучкою страсть как надо сыскать, да чтоб живых, не мертвых, слышь?..

Замолчал, прикидывая, как бы потолковее сказать про то чувство вины, которое нынче мучает, но так и не сказал. А тут вдруг увидел впереди рыжий огонек близ белых деревьев, насторожился, скинул с плеча короткоствольный японский карабин. Но огонек был слаб и одинок. Через какое-то время Коромыслов и Дымов поняли, что это горел костер, отгороженный от них нешибким тыном, и уже не испытывали робости. С нетерпением, вдруг да там сидят те, кого ищут, заспешили к тому месту, где горел костер, а когда приблизившись, разглядели желтолицего, широкоскулого, с глазами — слезящимися щелками — старика эвенка, тот сидел за тынною, от ветру ли, от чего ли еще, огорожею и, не мигая, смотрел на то, как подымались слабые, колеблемые лепестки пламени.

Антон, помедлив, сказал негромко:

— Эй!..

Старик услышал, раздвинул огорожу, увидел солдат и скорее по привычке, а не от того, что это ему интересно, спросил на удивление тонким, почти бабьим голосом:

— Ты кто такая? Пошто?..

— Иль не видишь, солдат, — отвечал Коромыслов.

— А другой кто такая?..

— Тоже солдат...

— Однако, правда, солдат, — согласился старик и задвинул тынную огорожу.

Антон помедлил, обошел огорожу с правой стороны, разглядел оттиснутый кольями вход, должно быть, в шалаш из сосновой коры, которая прикрывала с трех сторон тынную огорожу, а четвертая лепилась к молодым, утесненно стоящим друг подле друга березкам, зашел в шалаш, не мешкая, сел на земляной пол, на который были наброшены зверьи шкуры, подобно эвенку, подобрал под себя ноги, протянул к огню измерзшие руки. Скоро с другой стороны старика оказался Дымов, навис над костром угрюмо и тяжело.

Коромыслов начал спрашивать у эвенка про людей, которые отстали от войска и теперь обретаются бог весть где: не встречал ли, а если встречал, то когда?.. Старик отвечал, трудно выговаривая русские слова и не сразу умея найти их. Антон и Дымов с напряженным вниманием слушали. Из слов старого эвенка выходило, что видал он бабье войско во главе с худым и страшным мужиком в черном, шло то войско ближними дорогами, держа путь к Байкалу-морю: дескать, за тем морем живут люди бедные, гонимые, примут нас, пожалеют...

— Так то ж наши... И мои там же, — волнуясь, сказал Дымов.— Чует сердце! Догнать бы... догнать!..

— Т-с!..

Шорох, скользящий, увертливый, услыхал Коромыслов, легкий скрип снега, вскочил на ноги, пригнувшись и держа карабин перед собою, осторожно и по-волчьи упруго вышел из шалаша. Вернулся не скоро:

— Так у тебя олешки есть?..

— Одна, однако, есть, — испуганно сказал старик. — Всякий другой нету. Не забирай олешка. Девка помер. Второй девка помер. Потому как олешка все сдох. Одна только не пропадал. Самому надо. Не забирай... Помирать буду.

— Мы вернем. Апосля, а нынче... Извиняй, старик. Нам нужно сыскать своих хоша б из-под земли. Слышь?..

Но старик не хотел слушать и все скулил, пока Антон, выйдя из шалаша, запрягал оленя. А потом солдаты сели в нарты, старик опустился на колени, тянул к ним руки и скулил, скулил... Антон вскипел, и, прежде чем Дымов успел что-либо предпринять, сорвал с плеча карабин и выстрелил в маленькое, сморщенное, в темноте и вовсе безглазое, желтое лицо. Он выстрелил, и лицо сделалось красное, отъезжая, Иван видел, как это красное длинно и шипяще пало на землю и, яркое, потекло куда-то...

(Продолжение следует)

Валерий Скрипко

□ □ □

Не верю ни поэту, ни пророку —
в довольстве гладкощеким удальцам,
как скрытому в красавице пороку,
где разновидность денег — блеск лица.

Душа как Бог мне шепчет тихо очень:
пребудет вечно нравственность бедна,
без дачи в Переделкино и Сочи,
неизданно — забытая, одна.

Есть в книгах броских — сытость
компромисса.
Легко вещать про гениальный дар,
а ты очнись, ты выйди за кулисы
и посмотри, как делят гонорар.

...Но есть в селе без кумовства и блата
учитель пенья, чуткий ко всему.
«Люблю, — он шепчет, — «Лунную сонату!»
Он точно любит — верю лишь ему.

И где-то песню выпустят на волю
украинцы — как облако любви.
...Бывает, весь в слезах иду по полю,
себе внушая медленно: живи!

□ □ □

Как колокол — копны в степи
безмолвными глыбами влиты.
Россия Есенина спит,
не дремлют космополиты.

И крутят судьбы колесо
они за дверями глухими.
Не выше голландских высот
все то, что возносится ими.

Кто воду российскую пьет
и хлебом питается нашим,
при слове большом — Патриот
вопит — чужероден и страшен.

...Как колокол — копны в степи.
Журавль застыл у колодца.
Россия Есенина спит,
Россия, я верю, проснется!

Игорь Перевалов

СУББОТНЕЕ УТРО

Город в сумерки одет.
Средь унынья небывалого
Хмур декабрьский рассвет,
Словно морда Подшивалова.

Где я был, не помню сам.
Прошлый день собакам выкинут...
Голова трещит по швам,
Будто джинсы на Ходыкиной.

И, греметь уже устав
Посреди предместья сонного,
За рекой идет состав,
Длинный, как роман Самсонова.

ПЬЕРО

Я доверю любовь мандолине
И спою, чтобы сердце рвалось.
Я в тоске и в мечтах о Мальвине
И в отрубе от синих волос.

В мелодраме бесстыдной и вздорной,
В бутафорском картонном саду
Я так пылко и так непритворно
На колени пред ней упаду.

Кто она? С кем пила? Я не знаю.
Я артист, и, не ведая зла,
Как художник, я мир украшаю,
Чтобы шлюха Мальвиной была.

Верю в краски, в румяна и в маску
И в свою голубую звезду.
Пусть, поверя в красивую сказку,
Плачет девочка в третьем ряду.

Посреди этой грязи и скверны
Плачет нежно, наивно грустя...
Все прекрасны, пока легковерны
И невинны, как это дитя.

Вам не надо красивых обманов —
Так не верьте красивым словам,
Не читайте бульварных романов,
Не смотрите плохих мелодрам.

РОМАНС

Мне уйти бы в тот век и прожить мои годы сначала.
Если стать бы мне зодчим всевышняя воля была,
Я построил бы храм на высокой скале над Байкалом,
Чтоб сквозь синюю дымку светили его купола,

Чтоб плескалось внизу молчаливое, строгое море —
Только ветер и волны, да чаек пронзительный крик,
И застигнутых бурей хранил бы седой чудотворец,
И о тех, кто не спасся, молился священник-старик.

Я бы юношей начал, закончил стареющим мужем,
Поутратил и силу, и зренье, и верность руки,
Сторожил бы свой храм, и в январскую лютую стужу
Так и умер бы здесь, собирая свои медяки.

К своему ремеслу я прикован душой, как невольник.
Облик твой озарит одинокие годы мои,
Чтобы белая церковь летящей в зенит колокольней
Пела небу о счастье, о светлой и чистой любви.

Анатолий Нестеров

ПЕСНЯ ПЕТУХА

Ку-ка-реку! — кричит петух с плетня.
Он воспевает тишину рассвета.
И замирает сердце у меня
От звонкой песни птичьего поэта.

Пусть в песне нет ни музыки, ни слов,
И пусть она поется в огороде,
Зато в ней есть горячая любовь
К моей родной, чарующей природе.

Понять не трудно оду петуха
И что ему от этой жизни нужно.
Конечно, не напишет он стиха,
Но согласитесь — творчество не чуждо!

МОЯ ПЕРВАЯ СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ

В рассказах для детей священника П. Н. Воздвиженского

Предисловие

— Священное Писание,— сказал святой Иоанн Златоуст,— это духовная пища, которая украшает ум и делает душу сильною, твердою, мудрою. Такою пищею Священное Писание является и для взрослых, и для детей.

Душа детская легко увлекается хорошими примерами; детское сердце чутко к великим подвигам. А где же найдется больше таких примеров, где встретится больше таких подвигов, как не в Священной истории? Поэтому первыми рассказами для детей, начинащих понимать, должны быть рассказы из Священного Писания, первою книгою в руках научившегося читать ребенка должна быть Священная История.

Но, давая в руки ребенку подобную книгу, необходимо заботиться, чтобы он мог ее понять всю, чтобы он в ней не встречал ничего непонятного,— словом, необходимо, чтобы она была приспособлена к его пониманию, к его возрасту.

Такую именно книгу хотим мы дать в руки русским детям. В ней живо и наглядно, но в то же время совершенно просто изложены все важнейшие события Ветхого и Нового Заветов, так, чтобы дети, начиная с самых маленьких, своим чистым, безгрешным сердцем могли сами уразуметь все рассказываемое, не нуждаясь в объяснениях и разъяснениях, будут ли они читать эту книгу сами или им будут читать ее мать, старшая сестра или грамотная няня. Наглядности в изложении отвечает и наглядность нарочно подобранных рисунков: дополняя рассказ и изображая описываемые события, эти рисунки еще больше уяснят и укрепят в детской душе все то, что будет ими прочитано.

Рассказанные детям просто, ясно и наглядно, в раннюю пору их жизни, когда каждое впечатление так глубоко и сильно внедряется в детское сердце и ум, события из Священного Писания оставят неизгладимый след в юных сердцах, и возбужденное ими в детской душе чистое чувство не останется бесплодным и в позднейшие годы — в годы сомнений, более глубоких размышлений или легкомыслия и заблуждений.

Сотворение мира

Над нами без границ раскинулось синее небо. На нем, как огненный шар, сияет солнце и дает нам тепло и свет.

Ночью на смену солнышку выплывает луна, а вокруг, как детки около мамы, много-много звездочек. Словно ясные глазки, мигают они в высоте и, как золотые фонарики, освещают небесный купол. На земле растут леса и сады, травки и красивые цветочки. Всюду по земле живут звери, и животные, и лошадки, и овечки, и волки, и зайчики, и много других. В воздухе порхают птички и насекомые.

Взгляните теперь на реки и моря. Какая масса воды! И вся-то она полна рыбками от самых маленьких до чудовищ огромного размера... Откуда же все это явилось? Было время, когда ничего этого не было. Не было ни дней, ни ночей, ни солнца, ни земли, ни всего, что есть на них. Жил тогда один Господь Бог, потому что Он вечен, то есть не имеет ни начала, ни конца своего бытия, но всегда был, есть и будет.

И вот Он-то, по своей доброте, в шесть дней из ничего сотворил все, чем мы любуемся. По одному Его слову явилась земля и солнце и все, все в мире. Все сотворил добрый и любящий Господь, и обо всем Он непрестанно заботится, как любящий Отец: всем дает пищу, здоровье и счастье.

Сотворив мир, Господь устроил на земле прекрасный сад и назвал его раем. Там росли тенистые деревья с вкусными плодами, пели красивые птички, звенели ручейки, и весь сад благоухал цветами, более душистыми, чем розы.

Когда Господь устроил все это, — Он увидел, что некому любоваться и наслаждаться красотою земли и рая. Тогда Он взял кусок земли и велел ему превратиться в человека. Так явился на свет первый мужчина. Он был очень красив, но он не мог ни ходить, ни думать, ни говорить,

был как безжизненная статуя. Господь оживил его, дал ему ум и доброе сердце.

Потом, чтобы у первого человека был друг, Господь сотворил первую женщину и назвал их Адам и Ева. У первых людей не было ни мамы, ни папы. Господь сотворил их взрослыми и Сам заменял им родителей. Он Сам ввел их в рай и сказал:

— Дети Мои, дарю вам этот сад, живите в нем и наслаждайтесь; кушайте плоды со всех деревьев и только с одного деревца не троньте плодов и не ешьте, а если не послушаетесь, то лишитесь рая и умрете.

Адам и Ева поселились в раю. Они не знали там ни холода, ни голода, ни горя. Вокруг них между зверями и животными царил мир и согласие, и они не обижали друг друга. Хищный волк пасся рядом с овечкой, и кровожадный тигр отдыхал по соседству с коровушкой. Все они ласкались к Адаму и Еве и повиновались им, а птички садились к ним на плечи и распевали песенки.

Всем живым существам Адам дал тогда особые названия. Так жили первые люди в раю. Жили они и радовались и благодарили своего доброго Создателя Бога.

Изгнание из рая

Все, что мы видим, называется мир видимый. Но есть и другой мир, которого мы не можем видеть, то есть мир невидимый. В нем живут Божьи ангелы.

Кто же это ангелы?

Это такие живые существа, как и люди, только невидимые и очень добрые и умные. Всех ангелов Господь сотворил добрыми и послушными. Но один из них сделался гордым, перестал слушаться Бога и других ангелов научил тому же. За это Господь изгнал их от Себя из рая, и они стали называться злыми ангелами, или диаволами.

С тех пор добрые ангелы отделились от злых. Злые ангелы везде сеют зло; они ссорят людей, заводят вражду и войну, стараются, чтобы люди жили между собою, как враги, и чтобы Господь перестал любить их. Добрые ангелы, напротив, учат нас всему доброму и хорошему.

У каждого есть свой добрый ангел-хранитель. Такие ангелы оберегают деток от всякой беды и в случае опасности закрывают их своими крыльями. Они помнят, как Господь удалил с неба дерзких и непослушных ангелов, а потому, если дети не слушают папу и маму, — добрые ан-

гелы грустят и плачут, так как дерзких и злых детей Господь не может взять на небо.

Когда Адам и Ева жили в раю, злые ангелы завидовали их счастию и захотели лишить их райской жизни. Для этого один диавол превратился в змея, взобрался на дерево и сказал Еве:

— Правда ли, что Бог запретил вам кушать плоды со всех деревьев?

— Нет, — отвечала Ева, — Господь запретил нам кушать плоды только с одного этого деревца и сказал, что если мы съедим, то умрем.

Тогда хитрый змей сказал:

— Не верьте Богу, вы не умрете, а напротив, если скушаете этих плодов, то сами сделаетесь, как Бог, и будете все знать.

Тут змей сорвал красивое золотистое яблочко с запрещенного дерева и подал Еве. Она покушала и передала Адаму. И вдруг после этого им стало ужасно стыдно, как и всем, кто дурно поступает.

Прежде, когда Господь приходил в рай, Адам и Ева бежали к Нему навстречу и беседовали с Ним, как дети с родителями. Но теперь, когда Господь позвал их, им стыдно было показаться к Нему, и они спрятались в кусты. И сказал им Господь:

— Итак, вы не послушались Меня, съели запрещенный плод; идите же прочь из рая, трудитесь и в поте лица добывайте пропитание. До сих пор вы не знали ни болезней, ни смерти, теперь же вы будете болеть и, наконец, умрете.

Тут явился ангел с огненным мечом и изгнал Адама и Еву из рая. Вот до чего доводит непослушание. Однако, наказав людей, Господь, по Своему милосердию, обещал прислать на землю Своего Сына Иисуса Христа, Который примет на Себя заслуженное людьми наказание, пострадает за людей и опять сделает их достойными жить в раю с Богом после смерти.

Каин и Авель

Тяжело было Адаму и Еве расставаться с раем, и еще тяжелее было им привыкать к труду и болезням. Звери теперь уже не слушались их и вредили, животные бежали от них, и земля не всегда приносила им плоды для пропитания. Они жили в бедном шалаше посреди поля.

Скоро у Адама и Евы родились дети, но и дети вместо

радости доставляли им иногда огорчения.

Было у них два сына, Каин и Авель. Старший, Каин, занимался хлебопашеством, а младший, Авель, пас стадо.

Однажды братья пожелали принести что-нибудь в жертву или в дар Богу. Они сложили два костра, и Каин посыпал на свой костер хлебных зерен, а Авель положил ягненка, и оба зажгли свои костры.

Авель приносил дар Богу от всей души, с любовью к Богу и с молитвою, а потому дым от его жертвы прямым столбом поднимался к небу. Каин же приносил свою жертву неохотно и небрежно и вовсе не молился Богу, и дым от его жертвы расстилался по земле. Из этого видно было, что жертва Авеля приятна Богу, а жертва Каина неприятна.

Каину стало ужасно досадно, но вместо того, чтобы усерднее молиться Богу и просить, чтобы Господь принял и от него жертву, Каин позавидовал брату и со злости убил его. Тогда Господь спросил его:

— Каин, где Авель, брат твой?

Это Бог спросил его для того, чтобы убийца сам раскаялся и просил прощения. Но Каин не раскаялся и дерзко отвечал:

— Не знаю, разве я сторож брата моего?

Господь сказал ему:

— Нет, ты убил своего брата, и теперь ты нигде не найдешь себе покоя!

Каин испугался и воскликнул:

— Велик мой грех! Теперь меня убьет первый встречный!

Но Бог сказал:

— Нет, я положу на тебя такой знак, что тебя не убьет никто, но ты будешь жить и тебя всегда будет мучить совесть!

С той поры Каин никогда не мог поднять лицо к небу. Угрюмый и задумчивый, мучимый стыдом, он нигде не находил себе покоя и скоро совсем ушел от родных в далекую землю.

Очень плакали и горевали Адам и Ева, когда узнали о смерти Авеля. Это было первое тяжелое их горе. Теперь они еще больше пожалели о рае. Если бы они слушались Бога, то и жили бы в раю, и там не случилось бы такого несчастья. Бог видел их слезы и дал им третьего сына, по имени Сифа. Это был добрый и кроткий мальчик, и Господь очень любил его. У Каина тоже родились дети, но и они, как отец, были злы, непочтительны и завистливы.

Случается, дети, что и вы невнимательно молитесь Богу, особенно перед сном. Но знайте, что невнимательную молитву Бог не слушает. Если же вы молитесь, то делайте это от всего сердца, с любовью к Богу; тогда Ангел-хранитель передаст ваши молитвы на небо к Богу, и Господь охотно исполнит ваши просьбы.

Потоп

На земле становилось все больше и больше людей. Были между ними и добрые, но злых было больше. Они не молились Богу, ссорились и завидовали друг другу.

В это время жил один праведный и добродетельный человек по имени Ной. Когда Господь разгневался на злых людей и захотел их наказать, Он пришел к Ною и сказал ему:

— Ной, сруби побольше деревьев, устрой корабль и помести в нем свое семейство и всех животных, зверей и птиц по несколько штук. Я пошлю на землю сильный дождь и потоплю всех злых людей.

Ной исполнил все, как ему велел Бог. Он построил весьма громадный корабль, в три высоких этажа, разделил его на множество клеток и посадил туда всяких зверей, животных и птиц.

Когда Ной строил свой корабль, люди смеялись над ним. Но скоро этот смех обратился в плач.

Когда корабль был готов, начался проливной дождь. Сорок дней и сорок ночей продолжался ливень. Люди и звери взбирались на деревья, на вершины гор и скал, матери поднимали своих малюток из воды; вся земля огласилась неслыханным криком и воплями. А дождь все лил и лил, как из ведра, и наконец все умолкло, все потонуло, и даже высочайшие горы покрылись водой.

Один Ной с семейством безопасно плавал в корабле по волнам этого всемирного океана. Спустя сорок дней дождь перестал. Тучи рассеялись, небо очистилось от туч, и проглянуло солнышко. Ной несколько раз выпускал голубя, и только в третий раз голубь принес ему зеленую веточку. Это было знаком, что деревья уже показались из воды. Скоро показалась и земля.

Ной вышел из корабля и горячо молился и благодарил Бога за спасение. Как жаль, что у Ноя не было таких маленьких деток, как вы. Как весело было бы им смотреть,

когда звери, животные и птицы устремились на волю из тесных клеток и громкими криками выражали свою радость при виде земли и зеленой травки. Вспомните, дети, как приятно после суровой зимы выйти поиграть при солнышке на зеленой лужайке, и вы поймете, что чувствовали и люди, и звери, и птички после потопа.

Скоро, однако, и после потопа люди стали грешить и прогневили Бога. Господь хотел, чтобы люди жили по всей земле, но люди не хотели этого. И вот они вздумали устроить большую башню, чтобы ее всем и далеко было видно и чтобы люди от нее не расходились. Тогда Господь сделал так, что все строители перестали понимать один другого.

Представьте себе, что русский, не знающий французского языка, и француз, не говорящий по-русски, взялись вместе строить дом. Не правда ли, у них не вышло бы толку. Так случилось и тогда.

Один просит, чтобы ему давали кирпичи, а ему несут дерево; другой требует воды, а ему подают глину. Остановилась работа. Люди заговорили на разных языках и поневоле разбрелись в разные стороны.

Таким образом и явились на земле разные народы.

Призвание Авраама

К бедному добродетельному человеку, по имени Авраам, пришел однажды Господь и сказал ему во сне:

— Возьми свою жену и свое имущество и иди в страну, которую Я покажу тебе и которую Я дарю твоим детям и внукам.

Все вы, дети, любите свою родину, Россию, и, я думаю, вам было бы ужасно грустно навсегда уехать в чужую землю к незнакомым людям. Так и Аврааму жаль было покидать и место и людей, к которым он привык.

Но Авраам очень любил Бога; он знал, что куда бы он ни пошел, ему везде будет хорошо, если ему будет помогать Господь. Поэтому он тотчас собрался и пошел, куда велел ему Бог. Вместе с ним отправился и его племянник Лот.

Скоро, однако, между ними вышло несогласие, и Авраам сказал Лоту:

— Мы с тобою родственники, если с чужими людьми нехорошо ссориться, то тем более нам. Выбирай себе любую сторону и иди туда жить, а я пойду в другую сторону,

Лот согласился и стал жить в прекрасной долине, где были города Содом и Гомор. Это было очень красивое место. Там были зеленые луга и протекали ручьи, но зато в городах жили очень злые люди. Они не хотели молиться Богу, обижали друг друга, и Господь решил уничтожить их города и их самих.

Однажды Господь в виде странника пришел к Аврааму и сообщил ему об этом. Но Авраам сказал ему:

— Господи, как же можно уничтожить два города, а может быть, в них есть душ пятьдесят праведных людей, любящих Тебя? Неужели ради них Ты не пощадишь и остальных?

Господь ответил:

— Если там найдется пятьдесят хороших людей, то Я пощажу города!

Авраам опять сказал:

— Но если там окажется только сорок пять праведных?

Господь обещал не губить города и ради сорока пяти. Авраам все уменьшал число и наконец сказал:

— Господи, прости, что я осмелюсь сказать; но если в Содоме и Гоморе найдется только десять праведных?

Господь отвечал ему:

— И ради десяти праведных не погублю городов.

Но даже и десяти добродетельных людей не оказалось в двух городах. Тогда ангелы Божии вывели из этих городов Лота с семейством и велели им скорее уходить и не оглядываться назад. Однако жена Лота не послушалась. Она оглянулась и вдруг за непослушание и любопытство тотчас превратилась в каменный столб. На города Содом и Гомор упал с неба огонь, и оба города сгорели вместе с людьми.

Господь очень любил доброго и благочестивого Авраама, часто являлся к нему и беседовал с ним. Однажды во время такой беседы Авраам сказал Богу:

— Господи, нет у меня детей, кому же я оставлю свое имущество и кто будет заботиться обо мне на старости?

Но Господь отвечал:

— Посмотри, сколько на небе звезд, столько же будет у тебя детей и внуков.

Потом Господь прибавил:

— Вот через год у тебя будет сын.

И, действительно, спустя год, у жены Авраама родился сын, и его назвали Исаак. Авраам благодарил Бога и устроил большой пир.

Исаак

Авраам и жена его очень любили своего сына Исаака. Они ласкали и целовали его и ужасно боялись, чтобы он не захворал и не умер. И вдруг, когда Исаак уже подрос, Господь сказал Аврааму:

— Возьми своего единственного сына, Исаака, пойди на гору, которую Я тебе покажу, и там принеси Мне его в жертву.

Авраам и жена его всегда слушались Бога, любили Его и всегда молились Ему. Теперь Господь пожелал, чтобы они отдали Ему сына Исаака. Авраам тотчас взял дров и Исаака и пошел на указанную Богом гору. Дорогою Исаак спросил отца:

— Отец, вот у нас есть дрова и огонь, а где ягненок для жертвы?

Авраам ответил:

— Милый сын, Господь укажет нам жертву!

Пришли на гору. Авраам сложил дрова, связал Исаака и уже поднял нож, чтобы принести его в жертву, как велел Бог. Однако Господь вовсе не хотел лишить Авраама любимого дитяти; это Он хотел только испытать, кого любит больше Авраам, сына ли своего Исаака, или он больше любит Господа Бога.

Теперь было видно, что Авраам любит Господа больше, чем сына. И вот в то время, когда Авраам уже поднял нож, явился ангел и громко сказал:

— Не тронь дитяти, Авраам; теперь Господь видит, что для Него ты не пожалел даже своего сына. За такую любовь и послушание Господь даст тебе много детей и внуков, даст много земли и богатств.

Тут Авраам увидел в кустарнике ягненка и принес его в жертву вместо Исаака. Когда Исаак вырос, Авраам позвал старшего слугу и сказал ему:

— Пойди в ту страну, где живут мои родственники, и выбери там невесту для моего сына!

Слуга взял подарки и на нескольких верблюдах отправился в путь. Долго ехал он. Наконец пришел на родину Авраама, остановился у колодца и начал усердно молиться. Он говорил так:

— Господи, сделай так, чтобы невеста моего господина Исаака сама вышла ко мне навстречу.

Только окончил он молитву, к колодцу подошла красивая девица, и он сказал ей:

— Прекрасная девица, позволь мне напиться воды из твоего сосуда!

Девица отвечала:

— Пей, добрый человек, а затем позволь мне напоить и твоих верблюдов.

Эту услужливую и добрую девушку звали Ревекка, и она была дальняя родственница Авраама. Скоро Ревекка позвала сюда своего брата, и вместе они пригласили путешественника в дом своих родителей.

Слуга Авраама рассказал им, зачем он приехал, и просил их отдать Ревекку в жены Исааку. Родители позвали дочь и спросили ее:

— Хочешь ли ты быть женою Исаака и согласна ли идти с этим человеком?

Ревекка отвечала:

— Согласна и пойду.

Тогда посланный слуга передал всем богатые подарки и с невестою пустился в обратный путь. Был прекрасный вечер. Исаак вышел прогуляться в поле. В это время он повстречал свою невесту, проводил ее к отцу, и скоро она стала его женою.

Дети Исаака

Исаак имел двух сыновей. Старший, Исав, никогда не сидел дома и все время проводил в лесу или в поле на охоте. Это было его любимое занятие. С охоты он часто приносил добычу, и это нравилось отцу. Младший же сын, Иаков, находился дома и занимался домашним хозяйством, и за это его больше любила мать.

Однажды Иаков сготовил себе вкусное кушанье из бобов, а Исав в это время очень голодный вернулся с охоты и ничего не принес. Он увидел кушанье брата и сказал ему:

— Дай мне, пожалуйста, покушать, я ужасно голоден.

Иаков отвечал:

— Я отдам тебе все мое кушанье, но с условием, чтобы с этого дня ты считался младшим братом.

Исав сказал:

— Для чего мне мое старшинство, когда я ужасно хочу есть, — и согласился на предложение брата.

Тогда Иаков отдал ему кушанье. Бог устроил так, что Исав был старшим, а Иаков младшим, но легкомысленный Исав не дорожил старшинством.

Однажды Исаак позвал Исава и сказал ему:

— Сын мой, пойди на охоту и принеси дичи — мне очень хочется вкусного мяса. Когда ты вернешься, то я передам тебе первое благословение, потому что я стар и могу скоро умереть!

Исав пошел на охоту, а жена Исаака, услышав этот разговор, позвала Иакова и сказала ему:

— Пойди и выбери хорошего, жирного козленка, я приготовлю твоему отцу кушанье, а ты понесешь ему, и он благословит тебя прежде, чем Исава.

Надо вам сказать, дети, что Исаак был очень стар и слеп и распознавал сыновей по голосу и по осязанию, именно: у Исава все тело было покрыто небольшими волосками, а у Иакова тело было совершенно гладкое.

Мать приготовила кушанье и велела Иакову нести его к отцу и просить благословения. Чтобы Исаак не узнал, что это Иаков, она велела ему одеть платье Исава, а шею и руки обернула мохнатой кожей козленка.

Иаков пришел к отцу и сказал:

— Я сын твой Исав, я принес тебе (кушать) дичи; покушай и благослови меня!

Исаак сказал:

— Подойди ко мне, сын мой, чтобы я мог обнять тебя!

Иаков приблизился. Исаак обнял его и сказал:

— Руки и шея Исава, а голос совсем как у Иакова.

Однако, он не узнал, что это Иаков, и благословил его.

После вернулся Исав с охоты. Он узнал, что Иаков получил первое благословение, очень огорчился и даже грозил убить Иакова. Тогда родители позвали Иакова и сказали ему:

— Брат твой гневается, уходи скорее жить к нашим родным!

Иаков отправился и прожил там много лет. Недаром он получил первое благословение от отца: Господь помогал ему всегда и во всем. Иаков приобрел много скота и овец, много одежд и золота и там же взял себе жену. Потом он возвратился опять на родину к отцу и примирился с братом.

История Иосифа

У Иакова было двенадцать сыновей. Всех их любил отец, но больше всего он любил Иосифа, за то, что он был кроток, послушен и всегда говорил правду. Однажды Иаков сшил для Иосифа красивое платье. Другие его сыновья, увидев это платье, рассердились, возненавидели Иоси-

фа и ждали только случая, чтобы сделать ему какую-нибудь неприятность. Такой случай скоро представился.

Один раз старшие сыновья Иакова погнали стада на пастбище далеко от родительского шатра, а Иосиф оставался дома. Отец и говорит ему:

— Милый сын, пойди проведай братьев, узнай, где они и здоровы ли они?

Как послушное дитя, Иосиф тотчас отправился в путь. Долго ходил он по полям, пока отыскал братьев. Но недобрые братья, увидев его издали, сказали меж собою:

— Вот идет наш Иосиф, давайте убьем его!

Один только старший восстал против этого злого намерения и сказал братьям:

— Зачем убивать нам Иосифа, бросим его лучше в глубокий безводный колодец!

Это он придумал для того, чтобы ночью прийти потихоньку от братьев и спасти Иосифа. Все согласились на это.

Когда Иосиф подошел, они схватили его, сорвали с него красивую одежду и бросили в темную яму. Едва успели они сделать это, как смотрят, проезжает мимо большой караван чужестранных купцов.

Тогда они решили иначе. Они сказали:

— Нехорошо нам оставить Иосифа в колодце, чтобы он умер там без пищи, ведь он брат наш; не лучше ли продать его этим купцам?

Старшего брата здесь не было, а прочие обрадовались этой злой выдумке.

Позвали купцов и говорят им:

— Купите у нас этого мальчика!

Те не отказались, заплатили деньги, а Иосифа увели с собою.

Горько плакал Иосиф и со слезами говорил:

— Милые братья, не отдавайте меня чужим людям, отпустите меня к моему дорогому отцу!

Но не послушали братья.

Когда Иосифа увели уже далеко, они разделили полученные деньги и забыли о брате.

В это время возвратился старший брат. Он узнал о злом, бессердечном поступке братьев, плакал и говорил им:

— Что же мы скажем теперь нашему бедному отцу?

Но остальные придумали следующее: они зарезали козленка, выпачкали его кровью одежды Иосифа, отнесли к отцу и сказали:

— Вот это мы нашли в пустынном поле!

Иаков узнал платье своего любимого сына. В страшной горести он разорвал на себе одежды и воскликнул:

— Нет больше моего милого Иосифа! Лютый зверь растерзал его! Нет моей радости! Буду плакать и скорбеть, пока не сойду в могилу!..

Сыновья видели слезы и скорбь престарелого отца, но не могли и не смели утешить его, так как сами причинили это горе. А Иосифа купцы отвезли в Египетскую землю и продали в рабство. Но добрый и кроткий Иосиф усердно молился Богу, и Господь сделал его великим и знатным человеком.

Бог дал Иосифу большой ум и способность объяснять сны, и однажды он объяснил сны двум придворным египетского царя. Поэтому, когда и сам царь увидел странный сон, — он велел позвать к себе Иосифа и сказал ему:

— Мне приснился сон, и вот никто не умеет объяснить, что этот сон означает. Мне снилось, что из реки Нила вышли семь коров красивых и жирных, а за ними вышли еще семь коров худых-прехудых, и эти коровы бросились на первых и съели их. Потом, — продолжал царь, — мне снилось еще, будто выросли семь колосьев, полных зернами, а на другом стебле выросли семь колосьев совершенно пустых, и эти пустые колосья съели первых. Я слышал, что Бог дал тебе способность объяснять сны, скажи же, что означают мои сны?

Иосиф помолился Богу и сказал царю:

— Семь тучных коров и семь полных колосьев означают, что в твоей земле будет семь лет обильного урожая. Хлеба будет столько, что люди не будут знать, куда и девать его. Семь коров тощих и семь колосьев пустых означают, что после урожая наступят семь лет голода. Не будет дождей, засохнут поля, и нигде не вырастет ни былинки. За эти семь лет люди съедят все запасы и могут умереть с голода. Поэтому выбери, государь, умного человека и прикажи ему сделать большой запас хлеба в урожайные годы.

Царь пришел в восторг от ума Иосифа и воскликнул:

— На тебе Дух Божий! и могу ли я найти человека умнее тебя?

Он надел на Иосифа дорогую одежду, дал ему свой перстень и золотую цепь на шею и сделал его своим первым министром.

Этот царь был очень добрый. Он любил всех своих подданных и не хотел, чтобы они страдали от голода. Нет несчастия и горя больше голода, когда ни людям, ни живот-

ным нечего кушать и они едят кору с деревьев и вредные травы и умирают в страшных мучениях. В такую тяжкую пору умные и добрые дети, получая от родителей деньги на игрушки и на лакомства, не покупают ни лакомств, ни игрушек, а отдают деньги на хлеб бедным.

Слова Иосифа исполнились. После урожайных годов настал голод.

В той земле, где жил Иаков, отец Иосифа, также не было хлеба, и братья Иосифа пришли в Египет за покупкою его. Продажею запасного хлеба заведывал Иосиф, и они обратились к нему, но не узнали когда-то проданного брата. Теперь Иосиф был такой знатный и важный.

Однако Иосиф узнал их, и, когда они явились за хлебом вторично, он заплакал от радости, начал обнимать и целовать братьев и говорил им:

— Дорогие братья, я брат ваш, я Иосиф, которого вы когда-то продали.

Царь тоже узнал, что к Иосифу приехали братья. Он велел им привезти сюда своего отца Иакова и, когда он приехал, подарил ему прекрасную землю для жительства.

Много лет Иаков не видел любимого сына, но теперь счастью его не было предела, и скоро он с семейством переехал совсем в Египет.

Моисей

Взгляните, какая хорошенькая корзиночка стоит в камыше на берегу реки! Посмотрите, какой милый крошка барахтается в ней! Что же это за ребенок и почему он здесь в корзинке? А вот послушайте. Вы знаете, как Иосиф и его братья поселились в Египте. От них произошло очень много людей и составился целый народ, который и назывался евреями.

Пока Иосиф был жив, пока помнили его заслуги, евреям жилось в Египте хорошо. Но потом египтяне начали притеснять их, сделали их своими рабами, били и изнуряли тяжкими работами. Когда же евреев стало еще больше, безжалостный египетский царь приказал убивать и бросать в реку еврейских малюток.

В это время у одной еврейки родился сын. Мать любила своего малютку и боялась, чтобы его не убили. Долго она скрывала его при себе; но когда дитя подросло и могло быть замечено, — она сплела корзинку, осмолила ее, чтобы не попадала вода, положила туда дитя и отнесла на

берег реки. В то же время она поставила старшую дочь Мариам за деревьями присмотреть, чтобы с ребенком не случилось ничего дурного.

Скоро к реке пришла купаться царская дочь, и ее сопровождали служанки, которые игрою и пением развлекали царевну. Она увидела корзинку и в ней малютку и стала ласкать его. Мальчик очень расплакался, так как он хотел уже кушать и испугался чужих женщин. Тогда царевна сказала:

— Это, верно, еврейское дитя, бедненькое, как мне жаль его!

Мариам слышала это, вышла из-за деревьев и спросила царевну:

— Добрая госпожа, не позвать ли вам женщину покормить малютку?

Царевна отвечала:

— Позови!

Мариам убежала и привела свою мать. Тогда принцесса сказала ей:

— Возьми это дитя и выкорми его, а когда подрастет, то принеси его ко мне во дворец и я дам тебе за это денег.

Теперь мать была спокойна за жизнь дитяти, так как сама царевна была его покровительницей. Она усердно молилась и благодарила Бога за спасение своего малютки.

Когда мальчик подрос, она отвела его во дворец, там дали ему имя Моисей. При дворе Моисея воспитали и научили разным наукам. Скоро, однако, он узнал, что он не египтянин, а еврей. Он видел, как египтяне притесняют и мучат его одноплеменников, евреев, и заболело у него сердце. Жаль ему было евреев, и он очень хотел им помочь.

Раз он увидел, что египтянин бьет еврея. Моисей защитил своего и убил египтянина. Но об этом узнали, и Моисею пришлось бежать из Египта. Он поселился у священника Мадиамского Иосифа и пас его овец. Однажды Моисей, находясь со своим стадом при горе Хоринфе, увидел здесь чудное явление. Смотрит: перед ним стоит куст, весь в огне. Куст этот горел, но не сгорал. Моисей хотел было ближе подойти к дивному кусту, чтобы лучше его рассмотреть, но вдруг слышит голос:

— Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Иакова, Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал плач бедных евреев и повелеваю тебе вывести их из Египта!

Моисей отправился к царю египетскому и сказал, что Господь велел ему отпустить еврейский народ. Но царь не

соглашался отпустить даровых работников, евреев. Тогда ангел, по повелению Божию, после многих других вразумлений и наказаний, наконец, умертвил всех старших детей египтян, царь испугался и велел евреям уходить из его страны.

Выход из Египта

Представьте, дети, что жители огромного города в один день вздумали выселиться в другое место за несколько тысяч верст со всем имуществом. Какой бы тут сделался шум, сколько бы тут было суматохи! То же самое было и тогда, когда евреи уходили из Египта. Тысячи тысяч семейств спешно собирались в далекий путь. Крик, говор, плач детей, ржание лошадей и рев верблюдов — все это слилось в один невообразимый гул.

Сотни лет прожили евреи в Египте, и им очень грустно было расставаться с насиженными местами. Но египтяне так их мучили, что хотя и со слезами, а надо было уходить. Составились длиннейшие обозы скрипучих телег, в которых везли имущество, женщин и детей, за ними гнали сотни тысяч голов разного скота; и евреи тронулись в путь.

Прошло несколько дней. Далеко уже ушли евреи. Вдруг египетский царь пожалел, что отпустил евреев, своих рабов. Он собрал свое войско и приказал догнать и возвратить их. Случилось так, что евреи подошли к морю, когда увидели позади себя колесницы египетских войск.

Взглянули евреи и ужаснулись: впереди море, а сзади вооруженное войско. Но милосердный Господь спас евреев от гибели. Он велел Моисею ударить палкой по морю, и вдруг воды расступились и стали стенами, а посередине сделалось сухо.

Евреи устремились по сухому дну, а за ними в погоню бросились солдаты. Уже евреи выходили на берег, когда египтяне были на середине. Тогда Моисей опять ударил палкой по воде, и она хлынула на свое место и потопила египтян.

Далее евреям пришлось идти по пустыне, где не было ни воды, ни травки, а один песок да камень, куда ни глянь. Часто приходилось им нуждаться и в пище, и в воде. Но Господь постоянно заботился о них.

Однажды, когда у евреев не было воды и они умирали от жажды, Господь велел Моисею ударить палкой о скалу, и из нее брызнул ключ свежей и вкусной воды. Когда у них

не хватило хлеба, Господь им послал небесный хлеб. С неба посыпались белые крупинки вроде снега, но только вкусные и питательные, евреи собрали их в корзины и ели.

Даже мясо евреи получали от Бога, и раз Господь послал на них такое множество перепелок, что евреи брали их руками и ели до тех пор, пока от жадности стали заболевать. Господь кормил и поил их и сохранял от несчастий.

Много милостей оказывал Господь евреям; но они не были признательны. Однажды, когда Моисей пошел от них на гору Синайскую помолиться, эти неблагодарные люди сделали из золота идола и начали кланяться ему вместо Бога.

Моисей в это время нес с горы две каменные доски, на которых были написаны заповеди, или повеления Божии. Увидев, что делают евреи, он с горя уронил доски, и они разбились.

Земля обетованная. Сампсон

За непослушание и неблагодарность Бог наказал евреев: сорок лет блуждали они в пустыне и никак не могли прийти в землю, обещанную Богом. Наконец, Господь сжалился над ними и приблизил их к этой земле.

В это время вождь их, Моисей, умер, и его заменил Иисус Навин. Он избрал двенадцать мужчин и послал их вперед осмотреть страну, узнать, какие там живут люди и какие растут плоды.

Посланные все разведали и принесли евреям огромную ветвь винограда, чтобы все видели, какая это богатая страна. Они сказали:

— Земля, которую дает нам Бог, обильна, но в ней живут воинственные люди; все города их обнесены крепкими стенами, и нам трудно их завоевать.

Евреи испугались и уже хотели идти обратно в Египет. Но Господь сказал им:

— Злые и неблагодарные люди, сколько раз спас Я вас от голода, жажды и от врагов! Что же вы вместо того, чтобы и теперь молиться и просить у Меня помощи, поднимаете ропот?

Вот вступили, наконец, евреи в землю обетованную, и им нужно было взять здесь город Иерихон. Господь повелел тогда еврейским священникам носить свои святыни вокруг городских стен и громко трубить в медные трубы,

Священники обошли семь раз, и вдруг стены упали сами собой; жители в испуге разбежались, а евреи поселились на их месте.

Чтобы их устроить, защищать от соседних народов и судить, Господь назначал им умных и сильных начальников, которые назывались судьями. Самый замечательный судья был Сампсон. Он был замечательно сильный человек. Однажды он убил льва, а в другой раз, когда на него напали враги, Сампсон схватил ослиную кость и ею убил до тысячи филистимлян. Он всегда защищал евреев и не давал их никому в обиду. Бог во всем помогал Сампсону. Но однажды он сделал большой промах.

Ему очень понравилась девица из враждебного народа, и он хотел взять ее себе в жены. Однажды он пошел к ней в гости; там застала его ночь, и он лег спать. Тогда злая девица позвала своих родных филистимлян; они связали сонного Сампсона, выкололи ему глаза, остригли волосы, в которых заключалась его сила, и посадили в тюрьму. Так евреи лишились своего защитника. Теперь филистимляне уже не боялись Сампсона и даже насмехались над ним.

Раз они устроили пиршество и привели туда скованного Сампсона. Бедный Сампсон! Тяжело было ему слушать насмешки от тех, которые недавно трепетали при одном его имени.

Дом, где был устроен пир, поддерживали огромные толстые колонны. Сампсон ощупью нашел эти колонны и, чувствуя, что силы в нем еще есть, стряхнул их так сильно, что весь дом обрушился и задавил всех пировавших в нем филистимлян. Там под развалинами погиб и сам Сампсон.

Давид и Голиаф

Однажды на еврейское царство напали враги. Из войска их выступил один воин по имени Голиаф. Он был необычайно высок ростом и силен. Он был весь закован в железную броню и имел длинное копье и громадный меч. Громко насмехаясь над еврейскими солдатами, Голиаф говорил им:

— Пусть-ка из вашего войска выйдет кто-нибудь и сразится со мной: если он убьет меня, то наши воины будут вашими рабами, а если я убью его, то вы все будете нашими рабами.

Но никто из евреев не смел сразиться с таким великаном. Они молились и просили у Бога помощи. Но Голиаф

не молился Богу; он думал так:

— Зачем мне молиться Богу, когда я такой сильный и у меня такой острый меч: мне Бог не нужен.

В это время в еврейский лагерь пришел юноша Давид, который развлекал царя Саула игрою на арфе. Его братья служили в войске, и он принес им хлеба и сыру. Братья рассказали ему про Голиафа. Давид сказал:

— Я очень маленький и слабый, но Бог поможет мне. Сколько раз медведи и львы уносили из моего стада овец, и я почти всегда отнимал у них добычу и убивал их. Надеюсь, что Господь поможет мне победить и этого великана. Пойду-ка я к нему.

С этими словами Давид взял пастушеский посох и пять гладких небольших камней и пошел к Голиафу. Великан, увидев, что к нему идет почти мальчик, сказал ему:

— Ты что идешь на меня, как на собаку, с палкой и с камнями? Вот подойди только, я отдам твое тело на съедение зверям.

Но Давид отвечал:

— Ты хвастаешься и гордишься, что ты такой сильный и имеешь такое длинное копье, и думаешь, что это поможет тебе. Но я надеюсь на Господа Бога, и Он поможет мне одолеть тебя.

Тут Давид пустил из лука камешек и сразу убил Голиафа. Потом он схватил его меч и им же отрубил голову хвастливому великану. Неприятельские полки бросились бежать, а евреи обрадовались и восклицали:

— Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч.

Вот видите, дети, маленький и слабый юноша, Давид, молился Богу и надеялся на Него. Поэтому Господь помог ему победить силача и великана. Так и мы, если не будем хвастаться и гордиться, а будем надеяться на Бога, Он не оставит нас без помощи.

Царь Саул позавидовал Давиду и хотел убить его. Тогда Давид ушел от него, но никогда не делал зла царю.

Раз Давид пробрался ночью в стан Саула и в царской палатке взял копье, но самого царя не тронул. Часовые спали и не видели, как Давид приходил в палатку и как ушел обратно. После Давид издали показал Саулу его копье, и только тогда Саул понял, что Давид не желает ему зла, так как мог бы убить его сонного, однако не сделал этого.

Давид и Авессалом

По смерти Саула все евреи просили Давида, чтобы он был их царем, Давид согласился. Он никогда не надеялся на свои силы и всегда молился Богу. За это Господь помогал ему одерживать победы над врагами.

Каждый раз Давид возвращался с поля битвы окруженный своими подданными. Все пели священные песни и играли на гуслях и арфах и восхваляли Господа за дарование победы. Давид был очень умный и сочинил целую книгу священных песней. Эту книгу, дети, вы, наверно, знаете; она называется псалтирь и часто читается в церкви. Однако и Давид сделал однажды большой грех.

В его войске служил один воин. Он был беден и имел жену. И вот Давид захотел отнять у него жену и сделать ее своею женою. Для этого он приказал начальнику поставить воина в такое место, чтобы неприятели убили его во время сражения. Так и случилось. Воина убили, и царь взял себе его жену.

Господь очень прогневался на Давида за это злое дело и послал к нему святого пророка Нафана. Пророк явился к царю и сказал ему:

— Царь, рассуди такое дело: жили да были богач и бедняк. У богача были большие стада овец, а у бедного была одна овечка. Но и ту овечку отнял у него богач.

Давид выслушал и, сильно рассердившись, закричал:

— Смерть бессовестному богачу, который так поступает.

Тогда пророк Божий сказал:

— Царь, это ты сам себя присудил к смерти. У твоего воина была одна добрая и милая жена, а ты взял у него жену, а его погубил. Так говорит Господь, — продолжал Нафан. — Я сделал Давида царем и всегда помогал ему, зачем же он так дурно поступает? Теперь Я должен наказать его и пошлю бедствия на его семейство.

Горько плакал Давид и просил у Бога прощения. Но скоро у него умерли дети, а один сын, Авессалом, захотел отнять у него царство, чтобы самому сделаться царем. Он собрал солдат и пошел воевать против отца.

Вы знаете, дети, что Господь велит любить и почитать родителей, а потому Он и наказал Авессалома. Авессалом имел красивые длинные волосы. Когда он воевал против отца, ему пришлось быстро ехать через лес. И вот он зацепился волосами за сук, лошадь убежала, а он остался ви-

сеть на дереве. Один солдат из войска Давида нашел Авессалома и заколол его копьем.

Так наказывает Господь злых и строптивых детей, которые обижают родителей. Но Давиду жаль было сына, он очень его любил и, когда ему сказали о смерти Авессалома, он ужасно плакал и говорил:

— Сын мой, бедный мой сын Авессалом! Я стар и думал умереть прежде тебя, но Бог судил иначе!

Теперь у Давида остался один сын Соломон. Когда Давид очень состарился, то Господь поставил Соломона царем над евреями.

Царь Соломон

Соломон начал свое царствование молитвой к Богу. И вот Господь явился к нему и сказал:

— Проси у меня чего хочешь, и я все тебе дам.

Но Соломон отвечал:

— Господи, Ты поставил меня царем, дай же мне светлый ум, чтобы я мог по правде судить людей и хорошо управлять ими.

Тогда Господь сказал:

— Так как ты скромен и не просишь у Меня ничего, кроме ума, то за твою скромность Я дам тебе и ум, и богатство, и славу; а если ты всегда будешь слушаться Меня, дам тебе и долгую жизнь.

Вскоре Соломону пришлось показать свою мудрость.

К нему пришли две женщины, и одна из них сказала:

— Добрый государь, рассуди, кто из нас прав, а кто виноват. У нас у обеих было по маленькому ребенку. Когда мы вместе спали, то моя подруга во сне нечаянно придавила свою крошку и мертвого подложила ко мне, а моего живого взяла к себе. Так пусть она отдаст мне мое дитя.

Но другая женщина говорила:

— Нет, государь, это она удушила свое дитя, а живое мое!

Соломон подумал и сказал:

— Воины, возьмите меч, разрубите живого ребенка пополам, и отдайте им по половинке...

Едва царь произнес эти слова, как первая женщина зарыдала и сказала:

— Нет, нет, ради Бога не умерщвляйте дитя, лучше отдайте ей, лишь бы оно осталось живое.

А другая женщина говорила:

— Рубите его, рубите: пусть не достанется ни мне, ни ей.

Тогда Соломон сказал:

— Отдайте живое дитя первой, которая больше жалеет и любит его. Она ему настоящая мать!

Все удивились мудрости царя.

По завещанию отца, Соломон построил в городе Иерусалиме великолепный храм. Сотни тысяч людей трудились над постройкой его; и нигде на свете не было такой красоты и богатства, как в этом храме: он весь сиял драгоценными камнями и красивыми материями; стены, потолки и колонны были обиты золотом; подсвечники и кадильницы были золотые.

Все цари дивились мудрости и богатству Соломона, а одна царица пришла из далекой земли Савской и подарила ему 355 пудов золота.

Недолго, однако, продолжалось так. Слушая, как все его хвалят, Соломон сделался гордым. Владея богатствами, он начал тратить их на пиршества; обленился и перестал молиться Богу. Тогда Бог сказал ему:

— Ты забыл Меня и больше не слушаешь Моих повелений. За это твои дети уже не будут царствовать над всем еврейским народом.

И правда, когда умер Соломон, только часть евреев признала царем его сына, а остальные избрали в цари другого человека. Таким образом, еврейское царство разделилось на два отдельных царства. Одно называлось израильским, а другое иудейским.

Плен иудеев. Пророк Даниил

Царь вавилонский Навуходоносор завоевал израильское царство. Он увел в плен множество израильтян, а самых знатных и красивых мальчиков взял в свой дворец.

Ежедневно этим мальчикам приносили очень вкусные кушанья и вино от царского стола. Но так как эти кушанья израильтянам запрещал есть закон, то некоторые дети не хотели их есть и питались одними растениями и плодами. Одним из таких детей был Даниил. За такое послушание закону Господь дал Даниилу большой ум.

Когда царь потребовал этих детей к себе и узнал, что они не едят ничего, кроме растений, то, видя их цветущее здоровье, он очень удивился. Когда же он испытал их по-

знания в науках, то, пораженный богатством их сведений, воскликнул:

— Теперь я вижу, что ваш Бог есть Бог над всеми богами и Царь над всеми царями.

Он наградил всех детей и особенно Даниила за его разумение всяких видений и снов.

После этого царя престол царский занял царь Дарий, который полюбил Даниила и сделал его своим ближайшим советником.

Другие придворные завидовали Даниилу и хотели его погубить. Они узнали, что Даниил ежедневно по три раза молится Богу, и уговорили царя написать указ, чтобы никто в течение тридцати дней не просил никого ни о чем, кроме царя. Если же кто нарушит приказание, такого ослушника бросить в ров, где содержались львы.

Однако Даниил продолжал молиться Богу и обо всем просить Его. Об этом доложили царю. Очень жалел царь о Данииле, но уже не мог нарушить данное слово, и потому Даниила бросили в ров львиный. Царь плакал и даже не спал в эту ночь. Чуть свет он пошел ко рву и воскликнул:

— Даниил, раб Божий, жив ли ты?

Даниил был жив и отвечал:

— Да здравствует царь! Господь мой послал ангелов, которые приносили мне пищу и закрыли пасти львов, и они не тронули меня.

Царь велел вынуть Даниила из рва и бросил туда его обвинителей, которых львы тотчас же растерзали.

Дарий прославил Бога Даниилова, а самого Даниила еще более полюбил.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Рождение и благовещение пресвятой девы Марии

В городе Иерусалиме жили муж и жена Иоаким и Анна. Они были дальние, хотя и бедные потомки царя Давида, но были люди очень добрые и благочестивые.

У них не было детей и они очень молились и просили, чтобы Господь послал им хотя одного ребенка, и обещали даже отдать этого ребенка на служение Богу при храме.

Господь услышал их молитву и исполнил усердную про-

сьбу добрых людей. У них родилась девочка, которую они назвали Марией. Скоро, однако, Иоаким и Анна умерли, и бедная малютка осталась круглой сиротой.

Грустно деткам жить на свете без папы и мамы. Обидеть их может всякий, а защитить некому. Потому-то добрый Господь всегда особенно заботится о таких детях. Сиротку Марию Он также не оставил без своей помощи и покровительства.

Родители при жизни поместили ее на воспитание при храме, а добрые люди помогали ей.

Все свое детство провела Мария в этом месте. Усердная и кроткая, она всегда молилась Богу и была очень трудолюбива. Она не имела дорогих платьев и всегда была очень скромно одета. Но зато она была очень аккуратна и трудолюбива. Все невольно любили кроткую девочку и удивлялись, что она такая скромная и умная.

Когда Мария выросла, то священники той церкви, где она воспитывалась, отдали ее одному дальнему родственнику, богобоязненному старцу Иосифу, который по ремеслу был плотник. Мария поселилась в его доме. Но и там она вела такую же скромную и уединенную жизнь, как и при храме.

Она не любила богато одеваться, не любила веселых и шумных гуляний. Любимыми ее занятиями была молитва, чтение священных книг и помощь бедным.

Господь увидел, что Мария и скромнее, и добрее всех девиц на свете; увидел, что она усерднее всех молится, а потому назначил ей быть матерью Господа Иисуса Христа.

И вот в одно время, когда Мария читала святую книгу, вся ее бедная комнатка озарилась каким-то необыкновенным светом, как будто в ней явилось само солнце. Мария вздрогнула и ужаснулась: перед ней на воздухе, с цветами в руках, стоял Божий ангел.

Он сказал ей:

— Радуйся, святая, добрая дева! Господь с тобою! Своею скромностию, своими усердными молитвами и любовью к Богу ты заслужила себе великую милость: на тебя сойдет Святый Дух, и у тебя родится сын, и ты должна назвать его Иисус. Он будет велик, потому что он Сын Божий, Спаситель мира.

Кроткая дева Мария не ожидала такого счастия и такой высокой чести. Она боялась поверить словам ангела и думала:

«Неужели я, такая бедная дева, достойна быть Матерью Бога Иисуса Христа?»

Но потом, подумав, она скромно отвечала ангелу:

— Я раба Господня, пусть будет со мною, как хочет Господь Бог.

Ангел Божий тогда отлетел от нея на небо.

С этой минуты юная дева Мария стала знать, что от нея родится Сын Божий Иисус Христос.

Рождество Христово

Однажды праведный Иосиф и святая Мария из города Назарета, где они жили, отправились в город Вифлеем. Там в это время, по случаю народной переписи, собралось очень много людей, и все дома и даже самые маленькие хижинки уже были заняты.

Что тут делать? Иосиф и Мария шли пешком и утомились, и хотели отдохнуть. Насилу могли они упросить одного доброго человека, чтобы дозволил им переночевать в пещере, куда в дурную погоду загоняли скот для ночлега.

В той стране, где это происходило, зимы не бывает, а потому скот и пастухи свободно проводят ночи в поле. Эта же ночь была особенно теплая и светлая, а потому вырытая в горе пещера, или по-нашему сарай, была свободна.

Хозяин позволил Иосифу и Марии переночевать в ней. И вот здесь-то в этой пещере на соломе и родился маленький Иисус Христос.

Посмотрите, дети, Иисус, Сын Божий, Который царствует над всем миром, у которого в руках все богатства, теперь выглядит беднее всех самых бедных детей. И в самом деле, у вас, например, есть и теплая комнатка, и красивая постелька, и мягкие одеяльца, а у бедного дитяти Иисуса ничего этого нет.

Он родился в скотном загоне, и Пречистая Его Матерь принуждена была положить Его в яслях на соломе. Не правда ли, дети, вам жаль маленького Иисуса?

Если жаль, если вы хотели бы поделиться с Ним и вашими одеяльцами, и всем, чего у вас много, то всегда помните, что сказал Иисус Христос, когда он вырос. А Он говорил так:

— Кто одевает и кормит бедных, тот одевает и кормит Меня.

Вот почему, если вы хотите сделать что-нибудь приятное Иисусу Христу, то лучше всего помогайте бедным.

Иисус, Сын Божий, лежал в яслях, а пастухи ночевали в поле. Вдруг, как молния, к ним слетел с неба лучезарный,

Ученые поклоняются младенцу Иисусу

сияющий ангел. Страшно испугались пастухи. Но добрый ангел сказал им:

— Не бойтесь, я принес вам радостную весть: идите в свою пещеру, там вы увидите маленькое дитя, которое и есть Иисус, Сын Божий, Спаситель мира.

Едва скрылася этот ангел, как слышат пастухи, с неба полились чудные звуки, словно там заиграли на прелестном большом органе... Это целые хоры ангелов сошли с небес, чтобы приветствовать Младенца Иисуса, Своего Царя и Создателя.

Все ангелы пели и радовались, что любящий Господь послал на землю Своего Сына, чтобы всех людей сделать добрыми и взять их потом в свое Небесное Царство.

Когда Ангелы улетели, пастухи отправились в пещеру и, увидев там Божественное Дитя, поклонились Ему до земли.

Над пещерой, где родился Иисус Христос, по повелению Божию, засияла необычайно красивая большая звезда. Ее видели многие люди, а один царь по имени Ирод созвал к себе ученых и послал их разузнать, что случилось. Эти ученые назывались волхвами. Они тоже пришли в пещеру,

поклонились Младенцу и принесли Ему в дар золото и дорогие ароматные вещества.

Детство Иисуса Христа

На восьмой день Святая Мария вместе с малюткой Иисусом отправилась в храм помолиться. В это время в церкви находился добродетельный и праведный старичок Симеон. Бог обещал этому доброму человеку, что он будет жить до тех пор, пока не увидит Иисуса Христа.

Как только Симеон увидел Младенца на руках Святой Марии, он сразу узнал, что это Дитя и есть Сын Божий Иисус. С радостью и со слезами Симеон взял на руки малютку, поднял очи к небу и сказал:

— Господи, теперь я спокойно могу умереть! Я дожил до такой радости, что удостоился своими очами видеть Иисуса Христа, Спасителя мира!

Вскоре после этого к праведному Иосифу явился ангел и сказал ему:

— Возьми младенца Иисуса и Матерь Его и скорее беги в Египет, потому что злой царь Ирод хочет убить Младенца.

Иосиф, не медля, собрался в путь, и с Младенцем и Святою Матерью Его удалился в Египет. Царь Ирод начал искать Иисуса по всему царству, но нигде не мог найти.

Он ужасно разозлился и приказал своим воинам убить всех маленьких мальчиков, думая, что в числе их они убьют и малютку Иисуса. Но скоро Господь покарал этого злодея, и он умер в страшных мучениях.

По смерти Ирода, Иосиф, по повелению Божию, опять возвратился с Младенцем и Его Матерью в город Назарет.

Дитя Иисус вырастал и учился под руководством Своей Святой Матери. Он был очень усерден и внимателен, так что Матерь Его, любуясь Его успехами, невольно целовала Его за каждым уроком.

Он никогда не выходил из повиновения любимой Матери и названого отца, Иосифа. Всегда послушный и добрый, Он часто даже помогал ему в домашних работах.

Ежегодно Иосиф и Мария ходили в Иерусалим во время праздника Пасхи. Когда Иисусу было уже двенадцать лет, они взяли Его с собою.

Прожили они там несколько дней, помолились в храме,

навестили родных и друзей и уже шли обратно. Вдруг смотрят, а Дитяти с ними нет.

Стали спрашивать знакомых, не видал ли кто Иисуса, но оказалось — нет. Тогда Иосиф и Мария поспешили обратно и принялись за поиски по городу.

И что же? Случайно заглянув в храм, они увидели там множество учителей и старых людей, а посреди их сидел Иисус.

Он, такой еще маленький, предлагал им трудные вопросы и давал быстрые и умные ответы, и все поражались Его умом и богатством знаний.

Обеспокоенная Мать сказала Ему:

— Сын мой, что Ты сделал с нами? Мы испугались и долго искали Тебя!

Но Иисус Христос отвечал:

— Зачем вы искали Меня? Разве вы не знаете, что Я должен учить людей и для этого послан Богом. Отцом Моим на землю!

После этого Иисус возвратился домой и, пока не сделался большим, никуда не отлучался без ведома Святой Матери.

Крещение и проповедь на горе

Когда Иисусу Христу было уже около тридцати лет, в еврейской земле явился пророк Иоанн и велел евреям готовиться ко встрече Спасителя.

Иоанн был святой человек. Он жил скромно и бедно, носил самую простую одежду из верблюжьей шерсти и питался растениями и медом диких пчел. Много людей собиралось к Иоанну послушать его наставления.

Он говорил людям:

— Оставьте свои дурные дела, раскайтесь! Кто имеет две одежды, пусть отдаст одну неимущему.

Тех, которые обещали оставить дурные привычки и дела, он крестил в реке Иордане в знак того, что они очистились от всего худого и обещают теперь жить, как велит Бог.

Иисус Христос также пришел к Иоанну креститься. Но Иоанн сказал Ему:

— Скорее мне надо от Тебя креститься, а Ты приходишь ко мне!

Но Иисус отвечал:

— Оставь, так надо, чтобы Я крестился от тебя, так велит закон.

Этим Он дал пример всем людям, чтобы все крестились и делались чистыми от грехов.

Когда Иоанн крестил Иисуса, в это время над ними засияло небо и оттуда послышался голос Бога:

— Это Сын Мой возлюбленный, на Котором все Мои милости.

После крещения Господь Иисус Христос начал повсюду учить людей, говорить о Боге, Отце Своем, и о Царстве Небесном. Его всегда окружали толпы народа.

Из числа слушателей Он выбрал себе двенадцать учеников, которые повсюду сопровождали Его и назывались апостолами.

Однажды Иисус Христос взошел на холмик, а слушатели Его расположились вокруг, и Он сказал им:

— Любите всех людей; делайте добро вашим врагам и молитесь за тех, кто вас обижает. Если вы хотите, чтобы все были с вами ласковы и добры, поступайте сами так же, чтобы вам быть истинными детьми Отца Небесного, Бога. Посмотрите, как Он добр и милосерд: Он приказывает солнцу светить и согревать и добрых и злых. Он посылает дождь на поля праведных и на поля грешных людей. Ни о ком не говорите дурно, тогда и о вас не будут говорить; всем и все извиняйте, и вам будут извинять, помогайте другим, и вам помогут. На хорошем, цветущем дереве не вырастут плохие плоды, так и хороший, добросердечный человек не сделает худого дела.

Так учил народ Господь Иисус Христос, и никто никогда на свете не говорил так, как Он. Слушая эти святые слова, люди плакали и забывали даже о пище.

По нескольку дней они толпами сопровождали Божественного Учителя, каялись Ему в грехах и обещали исправить свою дурную жизнь. При этом Иисус Христос бедным помогал, печальных утешал, больных исцелял.

Милые дети, если и вы хотите быть счастливыми, если хотите, чтобы вас все любили, — крепко-накрепко запоминайте наставления Господа Иисуса и всегда поступайте, как Он велел.

Чудесное насыщение

Все люди с любовью и со вниманием слушали наставления Иисуса Христа. Они дорожили каждым Его словом и

постоянно ходили за Ним толпами. У Иисуса Христа не было времени даже вкусить пищи и отдохнуть.

Раз Он пошел в одно пустынное и безлюдное место, где не было ни домов, ни людей, и хотел там отдохнуть. Но скоро и там Его нашли желавшие послушать Его учение. Иисус Христос не рассердился и ласково начал учить их, как надо жить и что делать, чтобы заслужить себе небесное царство. Долго продолжалась Его беседа. Слушатели и не заметили, как приблизился вечер.

Целый день никто из людей ничего не ел и достать пищи в этом пустынном месте было негде. Тогда апостолы сказали Ему:

— Господи, отпусти людей, они сегодня еще ничего не ели.

Иисус Христос ответил им:

— Накормите их вы!

Но ученики сказали:

— Чем же, Господи, мы можем накормить такое множество народа? Купить пищи негде, а здесь только и есть у одного мальчика пять маленьких хлебцев и две рыбки.

Тогда Иисус Христос сказал им:

— Принесите их сюда!

Когда хлебцы и рыбы принесли, Иисус велел народу усесться на зеленой травке рядами. Оказалось, что слушателей, одних мужчин, не считая женщин и детей, было около пяти тысяч.

Иисус Христос взял хлебцы, помолился Богу, разломил на куски и, подав ученикам, велел раздавать народу. И, сколько ученики ни раздавали, хлеба все не уменьшалось.

Из малого Господь Иисус Христос сделал много. Всем хватило хлеба, и все насытились. Тогда Господь сказал:

— Соберите остатки, чтобы ничего не пропадало.

И набрали остатков двенадцать ящиков. Так Иисус Христос во время своей земной жизни заботился о людях.

Так же, дети, заботится Он и теперь, чтобы любящие Его не страдали от голода. Ему больно и тяжело видеть голодных, и, если они голодают, Он посылает на помощь к ним других, у кого хлеба много.

Скорее птичка оставит своих птенцов, скорее отец и мать покинут свое дитя, чем милосердный Господь оставит людей без Своей помощи и попечения. Он добрый и любящий. Он дает росу цветку и травке; Он кормит птичку в поле, и тем более нас Он не оставит без пропитания. Но при этом и мы сами не должны быть беспечны и небрежны.

Иисус велит ученикам раздавать хлеб

Вот вы слышите, что Христос велел собрать остатки, чтобы ничего не пропадало, потому что каждая крошка хлеба есть дар Божий и ею надо дорожить.

Однако я видел детей, которые, играя за столом, швыряли друг в друга целыми кусками хлеба. Хорошо ли это? Может ли такое обращение с хлебом нравиться Иисусу Христу? Нет. Хорошие и умные дети не станут делать ничего подобного. Хорошие дети, если они сыты сами, собирают остатки со стола и дают тем, у кого кушать нечего.

За то у таких детей никогда и ни в чем не будет недостатка: Иисус Христос сделает так, что у них всегда и все будет в изобилии.

Благословение детей и Иисус Христос на море

В стране, где жил и учил Иисус Христос, были реки и большие озера. Многие жители занимались там рыбной ловлей.

Ученики Иисуса Христа также были большею частью

рыбаки, и Самому Иисусу Христу часто приходилось плавать по водам.

Однажды апостолы целую ночь ловили рыбу и ничего не поймали. Наутро Господь, желая вознаградить бедных рыбаков за труд, сказал им:

— Закиньте сети.

Но ученики отвечали:

— Учитель, мы трудились целую ночь и ничего не поймали, но, по слову Твоему, закинем сеть.

И вот рыбы поймалось столько, что ею наполнили две лодки доверха. Один из учеников Господа, удивленный этим чудом, сказал Ему:

— Господи, уйди от меня: я грешный человек и недостоин быть с Тобою.

Иисус Христос, успокаивая его, отвечал:

— Не бойся, иди за мною и помогай учить людей.

В другой раз Иисус Христос плыл в лодке с учениками. Он очень устал, лег на дно лодки и уснул. В это время поднялась сильная буря. Ветер изорвал парус, волны хлестали через борт лодки, и сделалось темно. Апостолы растерялись и не знали, что делать. В испуге они разбудили Иисуса Христа и сказали:

— Учитель, спаси нас, мы погибаем!

Иисус встал и сказал им:

— Чего вы испугались, маловеры?

Потом, обращаясь к буре и волнению, приказал им:

— Умолкни, перестань!

Ветер тотчас перестал дуть, и волны улеглись. Ученики удивлялись и говорили:

— Кто же Это, что Ему повинуются и море и ветер?

Был и другой, подобный этому, случай. Однажды Господь велел ученикам плыть в лодке на другую сторону большого озера, а сам пошел на уединенную гору помолиться. Ученики отправились. Ночью в пути их застала буря. В это время Господь пошел к ученикам по водам.

Если бы мы с вами, дети, вздумали ходить по водам, то сейчас бы утонули. Но Господь Иисус мог это сделать. Ученики, увидев человека, идущего по волнам, испугались и думали, что это призрак. Но Господь успокоил их, сказав:

— Это Я, не бойтесь!

Апостол Петр сказал Ему:

— Господи, позволь мне идти к тебе по водам.

Иисус Христос сказал:

— Иди.

Петр пошел, но, сделав несколько шагов, испугался и

начал тонуть. Тогда Господь подал ему руку и спас его.

Все ученики увидели это чудесное хождение по волнам и сказали Иисусу Христу:

— Во истину Ты — Сын Божий!

Когда однажды Иисус Христос переплыл на другую сторону реки Иордана, Его тотчас окружило множество людей. Особенно между ними было много женщин с детьми. Они хотели подвести их к Иисусу Христу, чтобы Он благословил их.

Ученики Христа увидели это и, зная, что Учитель утомлен, сказали им:

— Не ходите, дайте Учителю отдых!

Но Иисус Христос очень любил детей. Он услышал эти слова и сказал апостолам:

— Не мешайте деткам приходить ко Мне! Разве вы не знаете, что только ради них Мой Отец устроил Небесное Царство!

Тогда дети с радостным лепетом окружили Господа и целовали Его руки. Добрый спаситель кротко улыбался им, гладил рукою их головки и благословил их. Матери со слезами глядели на это и благодарили и молились доброму Иисусу Христу.

Блудный сын

Послушайте, дети, какую интересную историю рассказал Иисус Христос о добром отце и злом сыне.

Один богатый и добрый человек имел двух сыновей. Младший их них был очень ленив и непослушен. Много раз обижал он отца своими выходками и, наконец, однажды сказал ему:

— Отец, дай мне мою часть всего имущества; я сам хочу распоряжаться им!

Добрый отец выделил ему следуемую часть, а сын взял деньги и имущество и ушел в чужую сторону.

Там он подыскал себе глупых друзей и ежедневно устраивал с ними пиры и гулянья. Он покупал сладкие дорогие кушанья и вина и носил роскошные одежды.

Каждый день у него играла музыка, и он не хотел ничего работать, а только ел, пил и веселился.

Скоро, однако, он истратил все полученные от отца деньги, промотал все имущество и начал нуждаться. Кстати, в том краю, где он жил, случился неурожай и голод.

Отец обнимает блудного сына

Блудный сын не имел даже куска хлеба, и никто не хотел помочь ему.

Видя, что дело плохо, он вздумал приняться за труд. Но он не умел ничего делать, потому что, когда его сверстники учились, он только гулял и веселился. Тогда он пришел к одному человеку и сказал:

— Будь добр, возьми меня к себе в пастухи!

— Отчего же? — сказал добрый человек. — Иди пасти моих свиней, но только кормись как знаешь, а той пищи, что я даю свиньям, не смей трогать! После них можешь подбирать остатки!

Несчастный и тому был рад. Вот до чего доводит своеволие и гулянье! Опомнился бедный юноша!

Сидя в поле около свиней, голодный, оборванный и босой, он заплакал и сказал сам себе:

— Сколько у моего отца слуг, и все они сыты и одеты, а я умираю от голода. Пойду я к отцу и скажу ему: «Отец мой! Я согрешил перед Богом и перед тобою и не достоин называться твоим сыном. Прими меня хотя в число твоих слуг».

Скоро он так и сделал; собрался и пошел на родину.

Отец издали увидел своего непослушного сына и побежал к нему навстречу. Он обнимал и целовал его и плакал от радости.

Не такого приема ожидал сын, и ему стало стыдно. Он сказал отцу:

— Согрешил я перед Богом и перед тобою, дорогой отец, и не достоин, чтобы ты считал меня своим сыном. Возьми меня хотя в число твоих слуг.

Но отец воскликнул слугам:

— Принесите скорее мою лучшую одежду и оденьте моего милого сына; дайте ему на руку мое кольцо, зарежьте самого лучшего теленка, будем веселиться, потому что сын мой умер, а теперь воскрес, пропадал и нашелся.

Как горячо любил этот добрый отец своего негодного сына! Как он возрадовался, видя его чистосердечное раскаяние! Как охотно он простил его!

Так, милые дети, и нас всех любит наш Небесный Отец, Бог, с такой же любовью и Он прощает нас, если мы поступили дурно, а затем каемся и просим у Него прощения.

Исцеление десяти прокаженных. Закхей. Иисус Христос в доме Марии и Марфы

В селении близ Иерусалима Иисус Христос встретил десять мужчин, больных проказой. Они не осмелились подойти к Нему и, став на колени, издали молились Ему и просили:

— Иисусе, Наставниче, помилуй нас — сделай нас здоровыми!

Иисус Христос сказал им:

— Идите покажитесь священникам.

Они пошли и дорогою почувствовали себя совершенно здоровыми. Христос сделал им добро, избавил их от такой страшной болезни, которую не могут вылечить самые лучшие доктора.

И что же? Только один из десяти исцеленных возвратился к Иисусу Христу и, припав к Его ногам, от всей души благодарил за избавление и восхвалял Бога. Тогда Христос со скорбью сказал:

— Сделались здоровыми десять, а благодарить пришел только один, да и тот не еврей, а чужестранец; почему же

остальные не возвратились поблагодарить Бога и воздать Ему хвалу?

Если за мелкие услуги благовоспитанные люди благодарят, то как же эти исцеленные посмели не поблагодарить за такую великую милость Божию?

Иисус Христос направлялся к Иерусалиму. В это время некто Закхей очень желал увидеть Господа. Но, к сожалению, он был очень мал ростом и не мог из толпы увидеть Иисуса. Тогда он взобрался на дерево близ дороги, где должен был пройти Господь, надеясь взглянуть на Него хоть издали.

Проходя мимо дерева, Иисус Христос увидел Закхея и, зная, как он хотел видеть Его, сказал:

— Закхей, сойди скорее; сегодня я хочу побывать у тебя в доме!

Очень обрадовался Закхей. Он был великий грешник и не ожидал такой милости от Иисуса Христа. Теперь, видя, как ласково обратился к нему Христос, видя, что Он даже хочет зайти к нему в дом, Закхей искренно раскаялся в своих дурных поступках и в радости воскликнул:

— Господи, половину имущества своего раздам бедным и тех, кого я обидел, вознагражу вчетверо.

Так одно кроткое ласковое слово Спасителя сделало грешника и злого человека добрым.

Когда Иисус Христос зашел в дом Закхея, то некоторые из людей говорили между собою:

— Зачем это Господь зашел в дом такого грешника?

Но Иисус Христос, зная их мысли, сказал:

— Теперь в этот дом пришло спасение. Сын Божий для того и пришел на землю, чтобы грешных сделать праведными и злых добрыми.

После этого Христос зашел в дом одной женщины, по имени Марфа. У нее был брат Лазарь и сестра Мария.

Марфа тотчас принялась хлопотать об угощении, а богомольная Мария села у ног Иисуса Христа и слушала Его наставления.

Тогда Христос, видя, что Марфа так занялась приготовлением кушанья, что и не слышит Его речей, сказал ей:

— Марфа, Марфа, ты хлопочешь и заботишься о многом, а необходимо лишь одно. Ищите прежде Царства Божия, а остальное Господь даст вам.

Это значит, что прежде всего надо заботиться, чтобы душа была у нас чиста и сердце доброе. Чтобы мы прежде всего любили Господа Бога и поступали так, как Он велит. И если мы будем так поступать, — Сам Господь позабо-

тится об остальном. Он Сам даст нам пищу, и одежду, и здоровье.

Злой должник. Милосердный самарянин

Один из слушателей обратился однажды к Иисусу Христу с таким вопросом:

— Учитель, если меня кто-нибудь постоянно обижает, то сколько раз я должен прощать ему? Не правда ли довольно ему простить семь раз?

Но Христос отвечал:

— Нет, не семь раз, а семьдесят семь раз надо прощать! Вот послушайте,— продолжал Господь,— как надо прощать обиды друг другу:

«У одного царя было много должников, и он пожелал узнать, кто сколько ему должен. Посмотрели по записи, оказалось, один слуга должен ему очень много денег и давно уже не отдает долга.

Тогда царь приказал:

— Продайте все имущество этого должника, его жену и детей и взыщите с него долг.

Должник прибежал к царю, упал в ноги и так умолял его:

— Подожди еще немного, добрый государь, может, я соберусь с силами и отдам свой долг.

Видя его слезы, царь смиловался над ним и простил ему весь долг.

Что же сделал этот прощеный? Он тотчас отправился к одному товарищу, который должен ему всего несколько рублей и потребовал с него эти деньги.

Бедняк взмолился и просил обождать еще. Но никакие мольбы не могли смягчить его сердце. Он потащил его к судье и посадил в тюрьму.

Скоро об этом узнал царь и очень рассердился. Он велел позвать к себе этого злого немилосердного слугу и сказал ему:

— Негодный и злой человек! Ты задолжал мне много денег, и, однако, когда ты стал просить, я простил тебе весь долг. Почему же и ты не поступил так же с товарищем, который был должен тебе очень немного!

И вот разгневанный царь приказал посадить его в тюрьму и держать его до тех пор, пока не уплатит весь долг».

Окончив рассказ, Христос прибавил:

— Также и Отец Мой Небесный не простит вам ваши грехи, ваши дурные дела, если вы сами не хотите прощать тех, кто вас обидел.

Надо быть добрым и милосердным ко всем, тогда и Господь Бог также будет к нам добр и милосерд. Чтобы научить слушателей быть добрыми и милосердными ко всем, Иисус Христос рассказал им такую историю:

«Один путешественник шел через дремучий лес. По дороге на него напали разбойники. Они ограбили его, избили и оставили едва живым.

После по этой дороге проходил священник, но он не пожалел несчастного и не захотел ему помочь.

Немного погодя проходил церковный прислужник. Он тоже увидел лежащего и стонавшего путешественника, но, боясь разбойников, поспешил дальше и не подал ему помощи.

Наконец, показался третий путник, совершенно чужой человек из Самарии. Он увидел ограбленного и избитого человека и сжалился над несчастным, он перевязал его раны, посадил на своего осла и привез в ближайшую гостиницу. Там он дал денег хозяину гостиницы и сказал ему:

— Позаботься, пожалуйста, об этом бедняке, а когда я буду возвращаться, то еще дам денег на расходы».

Христос окончил рассказ, а все окружавшие Его стояли и плакали, слушая эту грустную историю. И в самом деле, несчастный, ограбленный, весь в крови человек лежит покинутый в темном лесу. Мимо него проходят свои, но спешат уйти прочь и не хотят помочь ему. Но вот совсем чужой человек с добрым сердцем пожалел его. Иисус Христос сказал слушателям:

— Поступайте и вы все так, как этот милосердный самарянин, тогда Господь Бог даст вам Царство Небесное.

Воскрешение Лазаря

Иисус Христос не только исцелял больных, но воскрешал и мертвых. «Как, — спросите вы, — разве можно мертвого сделать живым?» — «Да, — отвечу я, — можно». Правда, мы, люди, не в силах сделать этого, но Иисус Христос может, потому что, вы уже знаете, Он Сын Божий и так же всемогущ, как Его небесный Отец.

Многие мертвецы воскресали по одному слову Господа Иисуса Христа. Но вот послушайте, как Он воскресил одного добродетельного человека, по имени Лазарь. Вероят-

но, вы помните, что Иисус Христос бывал в доме этого человека, у которого были сестры Марфа и Мария.

Это было очень скромное семейство. И брат и сестры его верили, что Иисус есть Сын Божий, молились Ему и любили Его. Однажды Лазарь сильно заболел. Сестры послали уведомить об этом Господа.

Когда посланные сказали Иисусу Христу о болезни Лазаря, то Он отвечал: «Болезнь эта не к смерти, но к славе Божией» и пошел навестить Лазаря только спустя два дня; в это время Лазарь уже умер. По дороге Иисус Христос сказал ученикам:

— Лазарь, друг наш, уснул, и я иду разбудить его.

Когда труднобольной уснет крепким спокойным сном, то это считается хорошим знаком, и после такого сна больные часто выздоравливают. Поэтому ученики Господа, слыша от Него, что Лазарь уснул, сказали:

— Господи, если Лазарь уснул, то значит он будет здоров.

Тогда Христос сказал им просто:

— Лазарь умер. Но я радуюсь этому, потому что теперь вы скорее убедитесь и поверите, что Я Сын Божий. Пойдем к Лазарю.

Когда Христос приближался к дому Лазаря, то к Нему навстречу выбежала Марфа и с плачем сказала:

— Господи, если бы Ты был здесь, то не умер бы брат мой! Но я верю, что если Ты попросишь чего-либо у Бога, Отца Небесного, то Он исполнит Твою просьбу.

Христос Спаситель ответил ей:

— Воскреснет брат твой!

В это время в доме Лазаря собралось очень много людей. Все они сочувствовали горю бедных сестер Марфы и Марии, которые от рыданий не могли даже говорить.

Иисус Христос, любящий людей, смотря на них и Сам не мог удержаться и заплакал. Многие говорили при этом:

— Смотрите, как Он любит Лазаря! Но почему же Он исцелил стольких больных, а не пришел помочь Лазарю?

Иисус Христос спросил:

— Где положили покойника?

Ему отвечали:

— Господи, пойдем и посмотрим!

Иисус пришел к могиле и велел отвалить камень от входа. Потом Он поднял очи к небу, помолился и сказал:

— Отец, благодарю Тебя, что Ты услышал Меня! Я знаю, что Ты всегда слышишь Меня, но Я говорю это, чтобы все стоящие здесь верили, что Ты послал Меня!

Затем Господь громче прибавил:

— Лазарь, иди вон!

И вот совершилось то, чего никто доселе не видал: мертвый Лазарь стал живым, поднялся и вышел из гроба. Все пришли в ужас, не могли двинуться с места и подойти к Лазарю.

Тогда Христос сказал:

— Развяжите Лазаря, снимите с него погребальные одежды и пусть он идет!

Все присутствоваше видели это непостижимое чудо и поверили, что Иисус есть истинный Бог.

Вход в Иерусалим

За неделю до наступления Пасхи Иисус Христос направился к Иерусалиму. Так как Он очень утомился, то апостолы привели молодого и смирного осленка, положили на него свои одежды и помогли сесть на него Учителю, а сами шли вокруг.

Когда Он ехал, тысячи народа собрались посмотреть на Господа и помолились Ему. Все уже знали о Его чудесах; знали, как Он исцелял больных и воскрешал мертвых, и потому спешили воздать Ему честь.

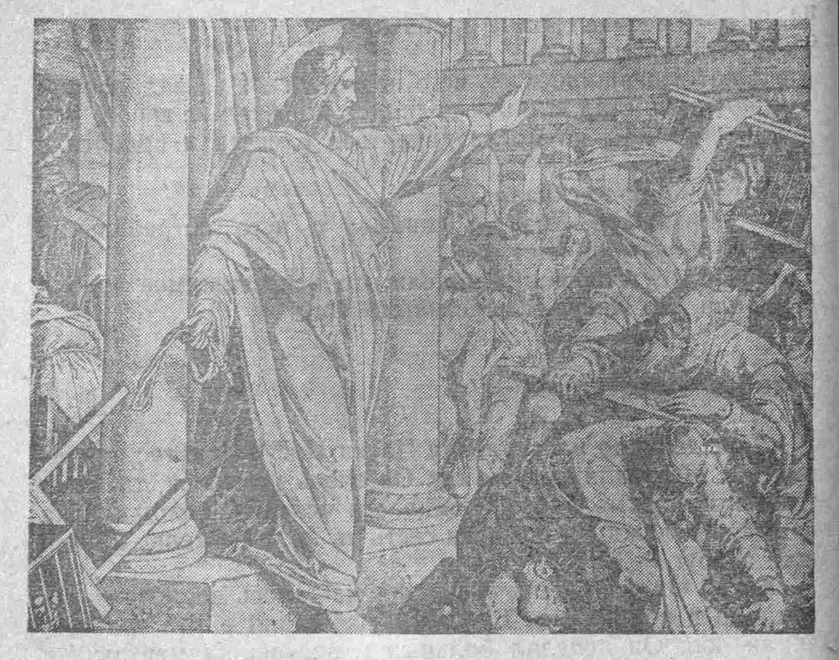
Его сопровождали не только взрослые, но и бесчисленное множество маленьких детей, которых Он так любил. Все они устилали одеждами и усыпали зелеными ветвями и свежими цветами путь перед Господом и громко восклицали:

«Осанна Сыну Давидову! Благословен Царь Израилев!»

Перед самым городом этому торжественному шествию надо было спуститься с горы. Внизу у подошвы ее раскинулся весь Иерусалим. Здесь Господь остановился, окинул взором шумный город и, заплакав, произнес:

— О, Иерусалим, Иерусалим! Если бы ты знал, что Я хотел собрать всех детей твоих к Себе, как птица собирает птенчиков под крылья, но ты не захотел этого; и вот настанет время: к тебе придут враги и разрушат твои стены; они убьют твоих детей и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал и не любил Господа, который посетил тебя!

При въезде в город, людей прибавилось еще больше. Те немногие, кто еще не знали Иисуса Христа, спрашивали: «Кто это?» — и им отвечали: «Это Иисус Христос из города Назарета!»

Иисус Христос выгоняет торговцев из храма

Все с восторгом встречали Господа. Только злые еврейские учителя, архиереи и начальники злобно смотрели на это торжество. Они завидовали Иисусу Христу, что все Его так любят и прославляют, и жестоко возненавидели Его.

Спустя день по входе в Иерусалим, Господь отправился в церковь. Но что увидел Он там? Вероятно, дети, вы бывали когда-нибудь на базаре и знаете, какой там царит крик и шум. Торговцы предлагают свои товары, покупатели торгуются, меняют деньги и звенят ими. Там и коровы, и лошади, и овцы, и птицы... Почти то же самое нашел Иисус Христос в еврейском храме и даже внутри его.

Увидев это безобразие, Христос разгневался. Он выгнал торговцев из храма, рассыпал деньги менял и сказал им:

— Ступайте отсюда прочь! Храм есть дом Божий, дом Отца Моего Небесного, а вы превратили его в какую-то лавку!

Здесь Он обратил внимание на то, что одна очень бедная женщина опустила на блюдо, куда собирали пожертвования для церкви, самую маленькую монетку, меньше

нашей копейки. Иисус Христос указал на нее ученикам и сказал им:

— Истинно говорю вам, что эта женщина положила больше всех, потому что все прочие положили туда только незначительную часть от своих богатств, а она отдала для Бога все, что имела на пропитание.

Пасха. Прощальная беседа

Перед самым праздником Пасхи ученики спросили Господа:

— Где приготовить для Тебя пасху?

Он отвечал:

— Идите в город, там вы встретите человека с кувшином воды и скажите ему: «Учитель спрашивает, где комната, в которой Он будет вкушать пасху с учениками?» Он покажет вам комнату, и вы в ней приготовите, что надо.

Ученики так и сделали. Когда Иисус Христос пришел туда, Он снял с Себя верхнее платье, взял воду и полотенце и омыл ноги всем ученикам. Потом Он сел к столу и спросил их:

— Знаете ли вы, зачем Я сделал это? Я дал вам пример, чтобы и вы так же были всегда услужливы друг к другу! Вы называете Меня Господом и Учителем, и вот, Я, если я, ваш Господь, омыл вам ноги, то тем более вы не должны никому отказывать в услугах.

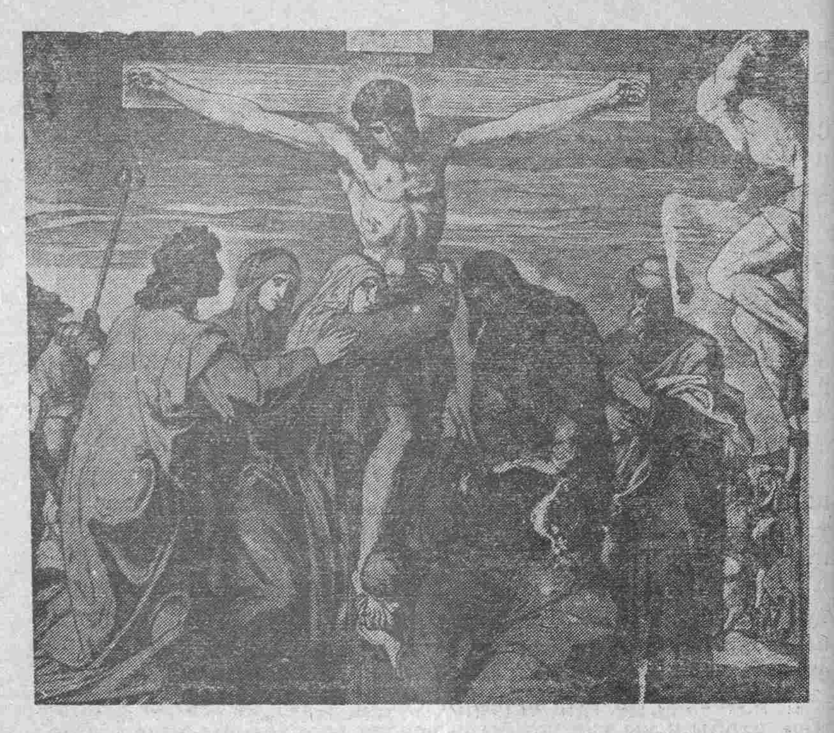
Потом Христос взял хлеб; разломил его на части и, подавая ученикам, сказал:

— Примите, ядите, это Мое тело, которое предается на мучения за грехи всех людей ради их спасения.

Потом Он взял чашу с вином и, подавая апостолам, сказал:

— Пейте из нее все, это Кровь Моя, которая проливается ради вашего спасения, — и наконец Христос добавил: — Всегда делайте это, чтобы вспоминать Меня.

Прошло почти две тысячи лет, как Спаситель произнес эти святые слова, но и теперь все люди вкушают в церкви святое Причастие, Тело и Кровь Господа в виде хлеба и вина и вспоминают, как любящий Спаситель отдал Свое тело на мучения и Свою Кровь на пролитие ради нашего спасения. Вы знаете, что часто люди поступают дурно, лгут, ссорятся, не молятся Богу, убивают друг друга. И вот, чтобы Бог Отец простил людей, чтобы Он взял их после

Распятие

смерти в Свое Небесное Царство, Иисус Христос понес заслуженное людьми наказание, страдал за них: был распят и умер на кресте.

Страшно подумать, что мы, зная, как любит нас Иисус Христос, зная, что Он Себя не пожалел, лишь бы спасти нас, все-таки иногда поступаем дурно, не так, как велел кроткий любящий нас Спаситель.

Когда все апостолы вкусили хлеба и выпили из чаши вина, Господь обратился к ним с такой речью:

— Дети мои! Недолго уже Мне быть с вами! Куда я иду, вы теперь не можете идти. Любите друг друга, как Я всем сердцем любил вас! Если вы будете любить Меня и всегда будете исполнять Мои повеления, то и Отец Мой Небесный будет любить вас! Я иду к Богу, Моему Отцу Небесному, и в Его Царстве приготовлю вам место!

По окончании беседы Господь с тремя учениками пошел в сад. Там Он оставил их и велел обождать, пока Он помолится.

Долго и горячо молился Иисус Христос. Уже ученики Его давно уснули, уже на востоке показалась полоска зари, а Христос усталый все еще продолжал свою святую молитву. Время страданий Его приближалось, и Он молился теперь и просил у Бога, Отца Своего, помощи для перенесения всех предстоявших Ему мучений.

Предание Иисуса Христа

Все любили Иисуса Христа, но не любили Его еврейские учителя, архиереи и начальники. На каждом шагу Он уличал их в лицемерии, корыстолюбии, зависти и гордости. Эти злые люди завидовали Ему и ненавидели Его. Они давно уже искали случая, чтобы схватить Иисуса Христа в таком месте, где бы никого не было.

И вот между учениками Христа нашелся предатель. Этого апостола звали Иуда. Он пошел к врагам своего Учителя и сказал:

— Что вы дадите мне, если я укажу случай, когда Христос будет Один и Его можно будет схватить.

Они предложили ему 30 сребренников (25 рублей). Иуда взял деньги и согласился предать Господа. Через несколько дней, когда Христос молился в саду, Иуда известил об этом еврейских начальников и сказал им:

— Идите за мною и берите Того, Кого я поцелую.

Начальники и архиереи послали за ним своих слуг и воинов, а сами шли за ними поодаль. Все эти злодеи вооружились палками, кольями и мечами.

Иуда привел их в сад, где молился Христос. Он приблизился к Нему и, целуя Его, сказал: «Здравствуй, Учитель!»

Но Господь знал уже, что делается в душе предателя; Он знал, что Иуда поцелуем указывает, кого именно надо схватить, а потому кротко отвечал:

— Друг Мой! Неужели поцелуем ты предаешь врагам на мучение Сына Божия?

В эту минуту Спасителя окружили солдаты и связали крепкими веревками.

Была ночь. Народа здесь не было, и никто не мог помешать им. Апостол Петр, видя это, хотел защитить Господа. Он схватил нож и поранил ухо одного воина. Но Иисус Христос тотчас исцелил ухо Своего врага и сказал Петру:

— Оставь твой меч, все, кто поднимет мечь на ближнего, и сам от меча погибнет. И неужели ты думаешь, что Я не мог бы умолить Своего Отца, чтобы Он послал Мне це-

лые тысячи ангелов для защиты?

Потом Он увидел архиереев и учителей и сказал им:

— Как на разбойника, вы пришли на Меня с палками и кольями!

Из сада воины повели Иисуса Христа к старшему архиерею, и тот начал спрашивать Его, чему Он учил народ.

Иисус Христос отвечал:

— Я учил открыто в церкви и на площадях, спроси у тех, кто слушал Мое учение!

Один из слуг ударил Господа по щеке и сказал:

— Разве можно так отвечать архиерею?

Но Господь сказал:

— Если Я сказал худо, скажи, что же именно худо, а если Я сказал хорошо, то за что же ты ударил Меня?

Все здесь старались обидеть терпеливого Господа, все старались найти какое-нибудь преступление за Ним, но ничего дурного не могли найти. Долго водили Его к разным судьям и архиереям, долго мучили Его.

Наконец, архиереи дали своим слугам и солдатам денег и велели им требовать смерти Иисуса Христа за то, что Он называл Себя Сыном Божиим. Эти несчастные целою толпою собрались перед домом главного судьи и, требуя смерти Иисуса Христа, неистово кричали:

— Распни Его! Распни Его!

И вот Сына Божия Иисуса Христа присудили к распятию и отдали в распоряжение грубых солдат.

Распятие и смерть Иисуса Христа

Долго бесчеловечные воины издевались над невинным Страдальцем. Наконец, они положили Ему на плечи громадный крест и велели нести на гору Голгофу. Истерзанный и окровавленный Спаситель понес по гористой дороге крест, на котором должны были Его распять.

Едва, едва шел Он, сгибаясь под тяжестью ноши. Воины не позволяли Ему отдохнуть и, чуть Он останавливался, снова начинали терзать Его кнутами и палками.

Толпы народа сопровождали Страдальца и громко плакали.

Но вот и Голгофа. Воины поставили крест и начали свое злодеяние. Они сорвали со Христа одежды и Его руки и ноги прибили ко кресту большими острыми гвоздями, для насмешки надели Ему на голову корону из колючего тер-

на, а сверху прибили дощечку с надписью: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский».

Вы знаете, дети, что Христос есть действительно Сын Божий и Царь всего мира. Но евреи не верили этому и смеялись.

Страшные боли переносил Спаситель, но ни одним словом Он не оскорбил мучителей. Напротив, Он молился за них и говорил:

— Боже, прости им, они не понимают, что делают.

Такие мучения претерпел Сын Божий, чтобы и нас научить кротости и терпению, чтобы и нас научить прощать обиды и любить всех людей. И если мы поступаем так, то Христос радуется на небе. Если же мы злы и поступаем дурно, то и на небе Он скорбит и страдает, потому что злых людей Он не может взять к себе в Небесное Царство.

Но нет, вы уже знаете, дорогие дети, как страдал Спаситель, вы не захотите, чтобы Он скорбел и на небе, а потому всегда будете добрыми, кроткими и любящими.

Вися на кресте, Спаситель слышал, как воины смеялись над Ним. Да чего лучше, даже один из разбойников, здесь же висевших на крестах, сказал Ему:

— Если Ты Сын Божий, сойди со креста и спаси Себя и нас!

Но другой разбойник ответил ему:

— Неужели ты не боишься Бога? Мы наказаны за наши злые дела, а Этот Праведник не сделал ничего худого.

Затем, обращаясь к Иисусу Христу, добавил:

— Помяни меня, Господи, когда приидешь в Свое Небесное Царство.

Спаситель видел, что этот разбойник искренно раскаялся в грехах и верует, что Он Сын Божий, а потому ответил ему:

— Истинно говорю тебе, сегодня же ты будешь со Мною в раю.

Во время распятия возле креста Христова неотлучно находилась Матерь Божия. Она рыдала при виде страданий возлюбленного Сына. Сердце ее разрывалось от скорби. Спаситель любил Свою Пречистую Матерь. Он не хотел оставлять ее одинокою на земле, а потому, указав глазами на ученика Иоанна, сказал ей:

— Пусть он будет твоим сыном, — и затем сказал Иоанну: — Это — Матерь твоя.

После этого, чувствуя приближение смерти, Спаситель произнес:

— Отец, в руки Твои отдаю душу Мою! — И тотчас умер.

К вечеру этого дня благочестивый человек, по имени Иосиф, снял тело Господа со креста, завернул Его в чистое полотно и похоронил в новой пещере в своем саду, в Гефсимании.

Воскресение Христово

Еврейские архиереи и начальники слышали, как Спаситель говорил, что Он воскреснет. Поэтому они приставили ко гробу Христа воинов-сторожей, а самую пещеру запечатали своей печатью. Так прошло двое суток и настали третьи.

Вдруг среди ночи яркий свет осиял пещеру; камни рассыпались, а вместо них к воскресшему Господу явились служить ангелы.

Настало утро. В это время несколько святых женщин направились ко гробу помазать тело Господа душистым маслом. Подходя к пещере, они толковали между собою: «Кто же нам отвалит камень от входа, ведь он очень велик и нам не сдвинуть его».

Но вдруг они взглянули и видят: камень отброшен и на нем сидит ангел в белоснежной одежде. Он сказал им:

— Не бойтесь, я знаю, что вы ищите Иисуса распятого. Его здесь нет. Он воскрес, как говорил об этом раньше, скажите об этом ученикам Его и идите в землю Галилейскую, там вы увидите воскресшего Господа.

Светлый вид Небесного вестника и его чудные речи так перепугали робких женщин, что они поспешно убежали назад, не разговаривая и никому не сообщая о том, что видели и слышали.

Спустя немного времени, одна из них, Мария Магдалина, снова возвратилась ко гробу Спасителя. Она вошла в пещеру и там увидела двух ангелов, которые спросили ее:

— Женщина, о чем ты плачешь? Кого ищешь?

Магдалина отвечала:

— Взяли Господа моего и не знаю, где положили Его. — С этими словами она вышла из пещеры.

Вдруг кто-то обратился к ней с тем же вопросом:

— О чем ты плачешь, женщина? Кого ищешь?

Вся в слезах Мария Магдалина не рассмотрела, кто

стоит перед нею и, думая, что это садовник, ответила:

— Господин, если ты взял Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

В ответ она слышит знакомый голос:

— Мария!

Магдалина взглянула и видит — перед нею Сам воскресший Христос.

— Учитель! — воскликнула она в восторге и бросилась к Нему.

Но Господь сказал ей:

— Не прикасайся ко Мне, иди же к Моим братьям, ученикам, и скажи им, что Я восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, к Богу Моему и Богу вашему.

Много раз являлся потом Господь ученикам и апостолам и только один из них Фома еще не видел Его и говорил:

— Нет, я не поверю, что Господь воскрес, пока не увижу Его своими очами и не осяжу Его раны своими руками. — И вот его желание исполнилось.

Однажды в восьмой день по воскресении Христовом все апостолы и Фома с ними собрались в одном доме. Двери были заперты, но вдруг Христос явился посреди них и сказал:

— Мир вам!

Потом Он обратился к Фоме и сказал ему:

— Подай сюда твою руку, вложи твои пальцы в Мои раны и верь Моему воскресению.

Пораженный Фома воочию убедился, что Христос воистину воскрес, и громко воскликнул:

— Господи мой и Бог мой!

Но Господь ответил:

— Теперь ты веришь, потому что сам видишь; но счастливы те, которые и не видели Меня, а всей душой поверили.

Тысячи людей видели Иисуса Христа, и никто уже не сомневался больше, что Он есть истинный Сын Божий и Спаситель мира.

Вознесение

Сорок дней прожил Господь Иисус Христос на земле после Своего воскресения из мертвых. Все это время Он продолжал давать наставления своим ученикам и говорил им:

— Идите по всей земле, крестите людей и учите веровать в Бога Отца, в Бога Сына и в Бога Духа Святаго.

В сороковый день Господь вышел с учениками на одну гору, простился с ними и благословил их. Потом, понемногу отдаляясь. Он начал подниматься к небу все выше и выше и, наконец, совсем скрылся за облаками. Он вознесся к Богу Отцу на небо.

Не подумайте, однако, что если Христос вознесся на небо, то Его нет больше у нас на земле. Нет, Он в одно и то же время может быть и на небе и на земле. Он... вездесущ... Он и здесь и везде присутствует невидимо. На высочайших горах, в дремучем лесу, в темном глубоком руднике под землею — везде Господь, где только есть любящие Его люди.

И в настоящую минуту Он с любовью смотрит и благословляет вас; Он радуется, что вы любите Его и охотно читаете рассказы о Его жизни на земле. Так Иисус Христос вознесся на небо.

Ученики и апостолы поклонились Господу и Учителю и долго-долго стояли на горе и, очарованные этим дивным зрелищем, продолжали смотреть на небо. Не правда ли, как было бы хорошо и нам улететь на небо? Да, и мы улетим туда. Мы были недостойны этого счастья, но любящий Спаситель сделал нас достойными. Только тот не будет на небе, кто сам этого не пожелает. Вы, дети, конечно, хотели бы жить на небе, а потому вам не мешает знать, какая там страна, кто там живет и как живет.

Там нет ни болезни, ни горя. Там никто и никогда не плакал. Там нет ни лжи, ни зависти, ни бедности, ни страха, потому что там нет злых людей, а одни только добрые, святые.

Они живут там вечно и потому всегда молоды и не узнают больше, что такое старость. Все живущие в Небесном царстве любят друг друга, как братья, и Сам Господь Бог и Единородный Сын Его, Господь Спаситель наш Иисус Христос, живут и говорят с ними, как когда-то с Адамом и Евой в раю.

Тысячи тысяч лучезарных ангелов и святых людей окружают там сияющий престол Божий. Представьте, что вы страшно устали, как вы приятно чувствуете себя потом во время отдыха; представьте, что много лет вы прожили в чужой стороне и вот возвратились в свой домик, к своим милым родителям, как вы были бы счастливы в эти минуты.

Так же приятно и радостно чувствуют себя всегда все

живущие на небе. Небесное Царство-это страна бесконечного счастия, это рай, который лучше рая, бывшего на земле, это наша милая, дорогая отчизна.

Придите же, дорогие дети, к любящему Спасителю; придите к Нему и научитесь любить Его всей душой и всем сердцем, и вы будете самыми приятными, самыми желанными гостями в Его Небесном Царстве.

Владимир Жемчужников

ГЛАВЫ БАЙКАЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

Фактор беспокойства

Дорога к центральной усадьбе заповедника, на «заимку научников», шла мимо старого кладбища, что приютилось в березняке, на взгорке, у окраины станционного поселка. Всякий раз, проходя вдоль печальной ограды, заросшей лесной малиной, я вздрагивал от одной и той же мысли, которая будто подкарауливала меня: здесь лежит бывший директор Байкальского государственного заповедника Александр Михайлович Субботин, в тридцать девять лет он погиб в дельте Селенги при невыясненных обстоятельствах.

Я с ним встречался в 78-м году, в свой первый приезд сюда, на станцию Танхой, с намерением написать сценарий к телевизионному фильму о заповеднике. И вот — как тут не отдать должное документальному кино? — человека уже нет, а он как живой выступает с экрана, горячо доказывая необходимость уберечь от губительного антропогенного давления как раз то самое место — дельту Селенги, уникальную птичью гавань. Вятский по месту рождения, биолог-охотовед по образованию, он был человек чеховской интеллигентной внешности, с довольно редким в Сибири типом чисторусского лица.

Сейчас, когда со дня смерти Субботина минуло уже три года, я снова приехал в Танхой, и надо мне среди прочих дел не забыть, непременно разузнать о подробностях селенгинского трагического случая.

Кстати вспомнить, с историей Байкальского заповедника связана и другая, более ранняя трагедия: в августе 1960 года на полевых работах, при переправе через горную реку Мишиха утонула Нина Афанасьевна Епова, ботаник. Она изучала растительность хребта Хамар-Дабан около двадцати лет, именно она неоднократно отмечала в своих статьях неповто-

римые черты южнобайкальской флоры. И, без преувеличения, ее научные труды послужили первым толчком к организации этого заповедника.

Две судьбы природоведов, оборвавшиеся одинаково трагически, подтверждают ту малоизвестную для многих урбанистов закономерность, что не только искусство, но и природа требует жертв от тех, кто ей служит...

Долгое время единственным заповедником на Байкале оставался знаменитый Баргузинский, основанный еще до революции. Наконец, в 1969 году на территории Бурятской АССР появился второй заповедник, названный Байкальским. Расположился он на южном побережье озера, в центральной части горного хребта Хамар-Дабан, двухтысячники которого высятся как бастионы первозданной природы. Под охрану были взяты 165 тысяч гектаров никогда не вырубавшихся лесов и некошенных альпийских лугов, густых зарослей кедрового стланика и высокогорных тундр.

Хамар-Дабан — самый мокрый угол по всему Прибайкалью, на северо-западном склоне хребта выпадает наибольшее количество осадков в Восточной Сибири. Летом тут случаются ливни почти тропической силы, чреватые наводнениями и селями, за зиму накапливается двухметровой толщины снежный покров, под которым местами не промерзает почва. Влажный, близкий к морскому климат способствовал развитию на редкость богатого и своеобразного растительного мира.

Жителям прибайкальских районов хорошо известны эти ягодные места, добытчики с горбовиками едут сюда за двести-триста верст. Диву дается человек, впервые попадающий в здешние леса. По долинам рек мощными колоннами высотой до тридцати пяти метров устремлены в небо душистые тополя, иные экземпляры достигают трех обхватов. Мерцают, словно в изморози, голубые ели — краса сибирской тайги. На горных покатях шумят плодоносными кронами огромных размеров кедры, среди которых встречаются патриархи в полтысячи лет и старше.

А под пологом леса стоят высокие чащи резного папоротника-страусопера, в которые удается заглянуть только приподнявшись на цыпочки. На полянах бушует мощное воинство злаков, яркое таежное разноцветье. И в деревьях, и в травах заметен некий, по определению ботаников, гигантизм джунглей, что и дает основание называть хамар-дабанские леса холодными тропиками.

Трудновато поверить, но ведь было такое: в далеком прошлом царил на Байкале субтропический климат, вместо суровой темнохвойной тайги росли по его берегам светлые широколиственные леса с дубом и грабом, — сие неоспоримо подтверждают данные спорово-пыльцевого анализа. Как свидетели тех древнейших времен сохранились, точно в оазисе, и душистый тополь, и голубая ель. Но еще удивительней, что пережили ледниковый период травянистые растения, такие, как ветреница алтайская, ясменник, гор-

ный кипрей, весенник сибирский, примула Палласа — всего 25 видов. Только особо благоприятные условия «холодных тропиков» Хамар-Дабана помогли уцелеть на земле этим хрупким реликтам. Можно представить, с каким трепетом женщины-ботаники вкладывают их тонкие стебельки в гербарные папки, как «трясутся» над двумя эндемиками, которые, кроме как на Хамар-Дабане, больше нигде на планете не найдены.

Богата флора заповедника, да не бедней и фауна. Всех обитателей тайги даже перечислить не просто: медведь, марал, или изюбрь, лось, северный олень, волк, кабан, косуля, кабарга, лиса, барсук, заяц, рысь, росомаха, выдра, соболь, белка, ласка, колонок, горностай, пищуха, бурундук...

На что уж высокие каменные гольцы кажутся неприютными, но и те не назовешь безжизненными пустошами. Конечно, пейзажи там дики и суровы: скалистые цирки высотой в сотни метров, мощные снежники, так и не успевающие растаять за лето, синие зеркала небольших озер ледникового происхождения. И стоит надо всем необычайная, величественная тишина — тишина высоты.

Хорошо сказал о высокогорье исходивший заповедник вдоль и поперек молодой биолог Александр Беч:

— В гольцах — как в храме! Стараешься там вести себя как можно тише. Жаль вот, не все люди могут видеть эту красоту.

Постоянным и наиболее характерным обитателем альпийского пояса считается северный олень — согжой. Как он тут оказался? Каким образом тундровый вид проник так далеко на юг, чуть ли не до монгольских степей? Оказывается, северный олень заселился в горах южного Прибайкалья еще в ледниковый период, скудные местные условия существования оказались для него вполне подходящими. Странноватое реликтовое животное, согжой представляет немалый интерес для науки, тем более что местная популяция никогда не была одомашнена.

Подоблачные склоны Хамар-Дабана обжиты и птицами. В зарослях кедрового стланика гнездятся белые или тундровые куропатки, которые не покидают гольцов даже в зимнее время. Птицы доверчивы. Этим же свойством отличаются красивые кулики хрустаны: когда сидят на гнездах, их можно рукой коснуться.

На высокогорных лугах, как и в тайге, легче легкого обнаружить следы пребывания бурых медведей — ямы-покопки. Звери обычно пасутся на открытых местах, поедая сочные травы. Зоологи находили покопки и там, где растет родиола, так называемый золотой корень. Похоже, хозяин тайги тоже поправляет свое здоровье популярными среди людей целебными корешками.

После создания Байкальского заповедника не прошло и десяти лет, как отчетливо проявился эффект охраняемой территории. Поголовье копытных выросло в полтора-два раза, значительно больше стало медведей, численность соболей увеличилась втрое, и они стали встречаться в хамар-

дабанской тайге повсеместно.

В моей записной книжке 78-го года сохранился рассказ старого егеря из лесной охраны о том, как ведет себя король мехов в условиях мирного сосуществования:

— Всю жизнь я охотился на соболя, но такого, как здесь, в заповеднике, никогда не видывал. Пойдешь из зимовья колоть дрова и видишь такую картину: сидит соболишка, не таясь, в десяти шагах и с интересом так наблюдает за тобой. А то, бывает, сразу два субчика прибегут, смотрят, смотрят да и расхулиганятся, разыграются, как детишки...

Соболь, само собой, находится под особым и постоянным наблюдением научных сотрудников. Около десяти лет изучает его биологию Валерий Николаевич Попов, нынешний директор Байкальского заповедника. На основе своих исследований ученый составляет прогнозы численности ценного зверька и рекомендации для промысла, предназначенные охотничьим хозяйствам Бурятии. В последние годы в трехкилометровой буферной зоне, примыкающей к неприкосновенной территории, велся отлов соболей для расселения в оскудевших таежных угодьях Иркутской и Тюменской областей.

Раньше у меня, как и у каждого, наверное, само слово заповедник связывалось с представлением о некоем святом, первозданно чистом уголке природы, где созданы условия наибольшего благоприятствования для всего живого, где установлен строгий, как в музее, порядок — «руками не трогать», где запрещено вообще всяческое вмешательство человека, именуемое на языке экологии фактором беспокойства. В мае 78-го вместе с двумя работниками лесной охраны я участвовал в сторожевом обходе по берегу речки Выдриной. Мы проходили по зоне покоя, где даже специалистам-биологам дозволяется вести только визуальные наблюдения. И вдруг — как гром среди ясного неба — тонкие ароматы оживающей весенней тайги смазал, перекрыл отвратительный промышленный запах.

Лесники мои бессильно психовали и по-мальчишески грозили кулаком на запад, в сторону Байкальского целлюлозно-бумажного комбината — это от него несло вонючие дымы, ни дна бы ему ни покрышки! От заповедной речки Выдриной до индустриального источника заразы было всего около пятидесяти километров.

Следует напомнить читателю две даты: в 1966 году, вопреки общественному протесту, ввели в строй БЦБК, а в 1969 году неподалеку от него, что называется, в пределах досягаемости открыли заповедник. Новое природоохранное учреждение призвано было служить, с одной стороны, защите Байкала, с другой же стороны... стать прикрытием вредоносного целлюлозного предприятия, эдаким экологическим громоотводом для усыпления бдительности заступников природы. Стратеги «грязной» индустриализации Сибири, видимо, преследовали классическую цель: чтоб и

волки были сыты, и овцы целы. А проще говоря, намеревались сбрасывать вредные отходы в озеро, делая вид, что охраняют его. И технократы своего добились — третий десяток лет комбинат дымит и дымит, нагоняя страх на окружающую живую тайгу.

Поневоле задумаешься: ежели, допустим, у кого-то была цель осквернить страну, плюнуть в душу народа, вряд ли можно было найти для этого более подходящий способ, чем сооружение заводов-отравителей на берегу Байкала.

Не всё, далеко не всё в наших деяниях найдут потомки безупречным. Что же касается работы в заповеднике, тут нет сомнений: она приносит безоговорочную пользу, ничего кроме пользы. Изучая и оберегая частицу природы, кусочек большой Земли, люди здесь не в общем плане, а конкретно работают ради будущего — без естественной, здоровой среды обитания у человечества не может состояться будущее. При всех тяготах сельского быта в сибирской глубинке, при низкой зарплате и хилом оборудовании они, верно, испытывают иногда особое чувство праведности своей жизни от сознания, что их труды и лишения предназначаются не для чего иного, как для вечности. Да простят они меня за патетику.

Ничуть не преувеличивая, именно подвижниками можно назвать научных сотрудников, отдавших заповедному делу годы жизни, — В. Н. Попова, В. С. Бойченко, Е. Г. Мартусову, К. Ф. Михалкина, Л. В. Субботину, семью Краснопевцевых. Штаты, разумеется, невелики — в научном отделе двенадцать человек да в лесной охране около тридцати. Работы на всех хватает: отлов соболей для расселения и кольцевание птиц, учет численности животных и определение урожайности кедра, фенологические наблюдения и оформление материалов для ежегодной «Летописи природы», пополнение музейной коллекции, писание научных статей, чтение лекций на экологические темы и прочее, прочее.

...В кабинет ботаников заглянула молодая, чем-то озабоченная женщина. Мне представили ее — энтомолог Нина Белова. Очень приятно: миловидная, фигуристая, одетая по-походному в отлично пригнанную брезентовую одежку. Как выяснилось, она собралась в тайгу километра за три, ей там понадобилось на пробной площадке провести какую-то работу по учету насекомых. Вот только боялась идти в лес одна. Кроме шуток! Знаете ли, слишком много медведей развелось в заповеднике, нынче уж сколько раз пугали ягодников, теперь вот малина поспела — звери и вовсе начали активничать, к самой окраине поселка выходят. И возникла у Нины проблема: никак не может найти попутчика, нет мужчин, все где-то «в бегах», на полевых работах.

Милая специалистка по жучкам-паучкам с надеждой обратилась ко мне — не пойду ли я провожатым?

Обескураживающее предложение могло бы и польстить мужскому самолюбию, да не те уже мои годы, не та прыть, ведь от медведя мне ни за что не убежать.

Забормотал я что-то там в свое оправдание, дескать, тронут вашим доверием, но, понимаете, у меня на сегодня другие планы и, честно говоря, не медвежатник я, с медведями сроду дела не имел, из оружия у меня лишь перочинный ножичек. В общем, извините, уважаемая, не смогу составить вам компанию в лес. Ну что тут поделаешь: медведей бояться — в лес не ходить.

Шутки шутками, а в тот день Нина Белова так и не рискнула идти в тайгу одна.

Я же тем временем побывал в гостях у истинного «медвежатника», точнее сказать — у начинающего специалиста по хищникам.

Александр Беч приехал на Байкал с Алтая, ему тридцать лет, в заповеднике работает седьмой год, был лесником на южном склоне Хамар-Дабана, а недавно, закончив заочно Иркутский сельскохозяйственный институт и получив диплом охотоведа, стал младшим научным сотрудником. В качестве темы для изучения выделили ему хищников. Как подобает настоящему мужчине, более других зверей интересуется медведями.

Чтобы получше разузнать, в каких условиях проходит у хозяина тайги период спячки, Беч взялся обследовать берлоги. Как-никак в зимнем убежище зверь проводит пять-шесть месяцев в году, считай, полжизни. Что представляет из себя берлога? Это, как правило, укрытие на один сезон, в виде ямы, вырытой у поваленного дерева, у корневища-выворотня. Изредка в скалистых местах встречаются и стационарные медвежьи дома — под каменными плитами, такими может пользоваться не одно поколение косолапых. Входное отверстие, так называемое чело, обычно не широкое, диаметром примерно в пятьдесят сантиметров. Жилая камера высотой и шириной около метра, длиной метра полтора-два (одна берлога попалась длиной в комнату — аж на четыре метра).

С помощью местных охотников Беч отыскал, обмерял и описал двенадцать берлог — разумеется, в летнее время. Каким же способом он это проделывал? Да единственно возможным — влезая вовнутрь с фонариком, благо, он человек поджарый, каким и положено быть таежнику-ходоку.

Молодой биолог наметил себе такой план: когда в его реестре наберется сотня берлог, тогда можно будет садиться за научную статью. А еще он запланировал будущим летом отправиться на альпийские луга с фоторужьем, понаблюдать за своими подопечными во время гона. Представляет интерес? Еще бы!..

Директор Попов, рассказывая мне о работе научного отдела, упомянул и «медвежатника» Александра Беча. При этом прозвучала странная фраза: «Он у

нас немец». Я почему-то принял такую рекомендацию за метафору — «немец», стало быть, большой аккуратист, очень педантичный сотрудник.

Позднее я все-таки обратился за уточнением к самому Александру, и, надо же, оказалось он настоящий чистокровный немец, и мать, и отец у него — из тех самых, давным-давно обрусевших.

— Я на Байкале один такой,— пошутил Беч. — Меня тоже надо в Красную книгу заносить!

Вот так вот — многие немцы сегодня стремятся на запад, в Германию, а этого потянуло в Восточную Сибирь, к заповедным местам Байкала. Прелести современной цивилизации его не смутили, не заманили. Выросший на Алтае, среди неиспорченной еще природы, он не случайно выбрал себе совсем не городскую профессию. Что и говорить, вконец обрусел человек, раз уж стал специализироваться по медведю!

Зная, что Александр несколько лет работал лесником на южной стороне Хамар-Дабана, я поинтересовался, как там решается проблема Темника. Суть ее, как мне помнилось еще по первому приезду в Танхой, состояла вот в чем. В долине реки Темник, по которой проходит южная граница заповедника, складывалась сложная экологическая ситуация: копытные, такие, как марал, косуля, лось, летом откармливались в заповедных владениях, а на зиму, спасаясь от глубокоснежья, покидали охраняемые угодья и в результате — становились добычей охотников. Эти постоянные сезонные миграции диких животных, к сожалению, не были учтены, когда устанавливались границы заповедника. И с первых же лет работы научный отдел стал добиваться расширения территории, присоединения угодий по правому берегу Темника, чтоб целиком взять под охрану издревле сложившийся природный комплекс. Так что же, решена эта задача?

Как рассказал Беч, положение там стало еще хуже, поголовью копытных грозит беда. Проблему теперь решают своим топорным способом лесорубы: какие еще миграции? что за благородный олень? какая такая экосистема? Топором ее! Даешь план по древесине! Да, в верховьях Темника, не считаясь с тем, что река относится к водосборному бассейну Байкала, что леса наполовину состоят из кедра, нынче вовсю хозяйничает леспромхоз. Ведутся рубки главного пользования в местах концентрации копытных и гнездования редких видов птиц — скопы, горного дупеля, беркута. Были богатые охотничьи угодья (Беч тоже когда-то хаживал туда на промысел), а сейчас хоть плачь — одни вырубки, пейзаж, как после боя...

Между тем в 1986 году Байкальский заповедник как бы повысили в ранге, присвоив ему статус биосферного. И это должно бы означать не только смену вывески, но расширение сферы его благотворного влияния на окружающие районы. Главное —

помогать поддерживать в регионе экологическое равновесие, способствовать своими рекомендациями рациональному освоению природных богатств. Пока что не все удается, если судить хотя бы по делам, которые творятся на Темнике вопреки разумным предложениям зоологов. Да у нас, к несчастью, и в масштабах страны не очень-то прислушиваются к ученым. Прав председатель Госкомприроды СССР профессор Н. Н. Воронцов: «Для решения проблем охраны природы нужна прежде всего наука. Груз многолетнего обскурантизма продолжает давить на нас, отражаясь на непродуманности организации природоохранного дела».

Как всякий заповедник Советского Союза, Байкальский тоже выполняет двойную миссию: и охраняет, и изучает природу. Одно из главных направлений в работе — составление ежегодной «Летописи природы». Материал для нее собирают и обрабатывают все сотрудники научного отдела. Используются также результаты наблюдений работников лесной охраны, студентов-практикантов, данные гидрометстанций, отчеты сторонних научно-исследовательских организаций, работающих на территории заповедника.

В «Летописи» фиксируются даже малоприметные события. Возьмем, для примера, книгу за 1988 год и полюбопытствуем, как протекала в «холодных тропиках» весна. Кстати, ученые делят особо любимое сибиряками время года на четыре периода: предвесенье, первовесенье, пестрая весна и зеленая весна. Что означает «пестрая весна»? А это когда на земле еще сохраняется пятнами снежный покров и начинают вскрываться водоемы.

Итак, проследим шаги байкальской весны:

«Первая весенняя трель большой синицы — 3 марта.

Появление притаев на солнцепеках — 6 марта.

Начало бутонизации вербы — 7 марта.

Прилет белой трясогузки — 6 апреля.

Первый дождь — 10 апреля.

Первые вылеты бабочек — 17 апреля.

Пробужденье муравьев — 24 апреля.

Зацветанье мать-и-мачехи — 26 апреля.

Начало тяги вальдшнепа — 5 мая.

Прилет деревенской ласточки — 12 мая.

Последний снегопад — 14 мая.

Байкал полностью очистился ото льда — 16 мая.

Первое кукованье кукушки — 26 мая».

В этой же «Летописи»-88 можно узнать, что на весеннем пролете было окольцовано 1715 птиц (заповедник поддерживает постоянную связь с центральным Бюро кольцевания Академии наук), что продолжительность лета составила 65 дней, что лесник Буцкий ни много ни мало, девять раз в течение года встречался с медведями, что в верховьях речки Аносовки был отмечен сход

снежной лавины...

Заповедники называют лабораториями в природе, предназначенными для стационарных круглогодичных комплексных исследований. Здесь научные работники имеют счастливую возможность жить в природе и постоянно, изо дня в день наблюдать за нею.

И все бы ничего, все бы ладно, да только который уж год примечают люди: сохнет, хиреет заповедная тайга, попавшая в зону влияния аэровыбросов целлюлозного комбината. Впрочем, об этом факторе беспокойства будет впереди отдельный разговор.

Теперь же время рассказать о Субботине, о деле его жизни и трагическом финале.

Немало людей, измотанных перегрузками урбанизации, спасающихся от стрессов, «бегущих от грозы», стремилось попасть на Байкал, который представлялся им символом экологической веры, Меккой природопоклонников. В числе таких — заочно очарованных — был и уроженец Кировской области Александр Михайлович Субботин. И, приехав в Байкальский заповедник, он радовался счастливой возможности жить и работать на природе.

Постоянной темой его научных исследований стали копытные. Их разношерстное семейство расселено по всем угодьям заповедника — от сурового подгольцовья, где обитает северный олень, до теплых «убуров», степных участков на южном склоне Хамар-Дабана, которые предпочитает косуля.

Для Субботина наибольший интерес представлял северный олень, реликт ледникового периода, самый малочисленный вид копытных в заповедных владениях, который в других прибайкальских местах более нигде не встречается. Летом животные держатся на высокогорье, зимой спускаются к темнохвойной тайге. Как рассказывали местные старожилы, раньше, бывало, сохжой выходил даже к берегу Байкала.

По наблюдениям зоологов, врагом северного оленя является росомаха, хотя по малочисленности она не представляет для стада большой опасности. Изредка отмечались случаи нападения на копытных медведей. Но не хищники виноваты и не браконьеры, что начавшееся десять лет назад сокращение поголовья продолжается до сей поры. Прежде олени паслись стадами по двадцать-тридцать голов, а в прошлом году, как зафиксировала «Летопись природы», были обнаружены на альпийских лугах лишь следы одиночек. Лишь следы одиночек...

Что же происходит с видом? Субботин выдвигал такую гипотезу: местная популяция уже долгое время развивается в изолированных условиях, и — как результат близкородственного скрещивания — не исключается процесс вырождения. «Численность стада может достичь настолько низких пределов, — писал он в одной из статей, — что восстановление без прямого вмешательства человека будет невозможно». Имелась в виду реакклиматизация, т. е. подселение

животных из других районов Сибири, освежение крови.

Да не возникла ли уже сегодня такая необходимость, если, на самом деле, остались на Хамар-Дабане только олени-одиночки?

Предположение Субботина о вырождении вида, к сожалению, осталось непроверенным. А в связи с ухудшением экологической обстановки на побережье возникла в научном отделе другая версия: возможно, олени, как и заповедные пихтачи, страдают от воздушной агрессии целлюлозного комбината, заражаясь от насыщенных токсическими веществами лишайников, которые в зимний период составляют основу питания этих животных. Подобное уже случалось в Канаде, да и не только там.

Рано или поздно науке, конечно, станут известны причины резкого сокращения оленьего стада. Но важнее того — сохранить древних обитателей хамар-дабанского высокогорья.

Мечтал Субботин основательно заняться изучением уникальной «южной» популяции северного оленя, да было не суждено — жизнь прервалась слишком рано. Думается, лучшим продолжением дела его послужили бы энергичные меры по спасению оленей от вымирания. Без них в гольцах станет пусто, безжизненно.

Была у Субботина и другая серьезная забота, о которой десять лет назад писал я в своем сценарии для документального фильма:

«Вместе с директором заповедника Субботиным мы поплывем на катере рыбоохраны по дельте Селенги, необычному участку южного побережья Байкала. Поплывем в первых числах сентября, когда откроется сезон утиной охоты и на многочисленных протоках будет стоять нестихающая канонада дробовиков. Под этот жутковатый «шумовой эффект» мы и возьмем интервью у Субботина. А рассказать он может вот о чем:

— Дельта Селенги, ширина которой достигает шестидесяти километров, — единственное на Байкале место массового гнездования птиц. Полвека назад тут гнездились лебеди, гуси, журавли. Сейчас эти виды стали редкими даже на пролете. Численность водоплавающих за последние годы резко сократилась. А причины таковы. На островах в самый гнездовый период пасутся тысячи коров и табуны лошадей, которые вытаптывают площади, пригодные для гнездования, уничтожают растительность. Вторая беда — чрезмерный пресс охоты, угодья перегружены в два-три раза, охотники стоят друг от дружки в полусотне метров. Дельта Селенги давно нуждается в охранной грамоте. Прежде всего следует оградить проволочной изгородью косы и острова от домашнего скота. Сейчас здесь работает небольшой заказник. Существует настоятельная необходимость на его базе создать филиал Байкальского заповедника...».

Я позволил себе самоцитирование по той простой причине,

что за минувшее десятилетие решительно ничего не изменилось, дельта Селенги так и не стала заповедной, надежно охраняемой зоной. И нынешние руководители заповедника говорили мне в точности то же самое, что и Субботин. Ну разве кое-что дополнили. Вот, например: в низовьях Селенги живут три вида «краснокнижников», то бишь занесенных в Красную книгу, — черный аист, орлан-белохвост и скопа, этих птиц остается все меньше, буквально — считанные экземпляры.

Кстати, в Бурятии совсем недавно издали свою региональную Красную книгу, я держал ее в руках, она оказалась неожиданно и пугающе объемистой — на 400 с лишним страниц. Многовато потрачено бумаги. Нет-нет, издание, разумеется, своевременное, нужное. Хотя намного полезнее было бы не перечисление животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, а конкретное дело по их охране. Скажем, присоединение к территории Байкальского заповедника правобережья Темника и дельты Селенги.

Ох, дельта, зря за нее бился Субботин — она же стала для него ловушкой, заманила и погубила. Именно там утонул Александр Михайлович. Да весь вопрос: сам утонул или ему п о м о г л и? Говорили, дескать, у него была никудышная разборная лодчонка-душегубка. Говорили, дескать, в последнее время у него пошаливало сердце. Только вдове — Людмиле Васильевне Субботиной, по сей день работающей ботаником в заповеднике, — все не верится, что его гибель была чистой случайностью. Согласитесь, не странно ли: он же не один поехал в тот раз на Селенгу, однако — никто ничего не видел, никто ничего не знает. Понимаете, он вел себя как честный человек. Если дело касалось природы, на компромиссы ни за что не поддавался. И вернее всего с ним расправились те, кому он мешал вести себя по-хозяйски в заповедных угодьях. Просто — выждали злые люди подходящий момент для расправы. И представьте, за год до этого случая там же, в дельте Селенги, утонул директор местного зверопромыслового хозяйства. Так же при странных обстоятельствах. Видимо, тоже кому-то мешал. А Субботин тогда, между прочим, еще не хотел ехать на Селенгу, его долго уговаривали. И уговорили...

У читателя моего наверняка уже вызрел вопрос: а все ли тихо-мирно сегодня в заповеднике? Признаться, лично меня в Танхое никто не уверял, будто «на Шипке все спокойно». Хотя нынешние хлопоты лесной охраны не сравнишь с теми, что наваливались раньше, в первые годы после установления заповедного режима. В моей старой записной книжке зафиксирован вот такой факт: лесничий П. П. Поддельский задержал двух охотников-браконьеров, которые перешли заповедную границу под метель, не оставив следов, и была у них белая лошадь под вьюком и бе-

лая палатка — для маскировки, да не помогли шпионские уловки. И подобных серьезных нарушений немало пресекалось в те поры.

Особенно же напряженной становилась обстановка в конце лета, когда людей будто магнитом притягивал лесной урожай. Грибники, ягодники и шишкари, навьюченные вместительными горбовиками, по привычке лезли в хамар-дабанскую тайгу, как в свой огород. Лесники встречали незваных добытчиков прямо на станциях, у электричек и давали им «от ворот поворот». Михаил Николаевич Краснопевцев, главный лесничий, популярно разъяснял по мегафону пассажирам с «большой дороги» (с Транссибирской магистрали), мол, заповедник — это неприкосновенный участок природы, где фактор беспокойства со стороны человека должен быть сведен до минимума, а потому — посторонним вход воспрещен!

За минувшие двадцать лет жители Прибайкалья помаленьку свыклись, смирились со строгими порядками: нельзя — значит, нельзя. Правда, есть еще и такие, кому неймется, кому не дают спокойно спать сотни соболей, обитающих на запретной территории. Попадаются среди нарушителей ловкачи, которые пользуются особо скрытным способом лова на куркавку, как называют эвенки хитрую ловушку на соболей. Говорят, эту штуковину устанавливают на поваленных деревьях, лежащих поперек небольших речек и ручьев, пробегающий зверек, захлестываясь в петле, падает в воду, и в результате — со стороны ничего подозрительного не видно. Благо у стражей заповедника глаз наметанный, им знакома и эта хитрость, мимо не пройдут.

Почерк злоумышленников угадывается и в том, что иногда поджигаются на кордонах зимовья. И вовсе не из добрых чувств к директору Попову одну его лайку подстрелили в тайге, двух же других увели прямо со двора, а без хороших собак, увы, невозможно заниматься научной работой, связанной с мечением соболей. Еще случается, что дикие туристы, не признающие никаких правил, проникают в святая святых — зону покоя. Но все это — детские шалости по сравнению с вредоносным побочным эффектом деятельности Байкальского целлюлозно-бумажного комбината.

Усыхание заповедной тайги впервые было обнаружено лесниками на речке Аносовке в 77-м году. Через три года губительный процесс захватил лесные площади по верховьям всех местных рек. А спустя десять лет участки ослабленной темнохвойной тайги появились уже по всему приморскому склону Хамар-Дабана.

Когда-то неподалеку от того места, где сегодня стоит город целлюлозников Байкальск, велись заготовки лекарственных трав, в частности — золотистого рододендрона, называемого сибиряками кашкарой. Нынче там даже на сплошных кашкарниках трудно найти хотя бы одно растение,

листья которого не были бы изувечены черными пятнами и дырами от кислотных дождей. А главное, вредные вещества промышленных выбросов, накапливаясь в целебной траве, делают ее опасной для организма больного. Так, собранная в том районе знаменитая богородская трава, обладающая противоаллергенным действием, стала сама вызывать у лечащихся людей аллергические реакции. Вот ведь до чего можно извратить природу: что было целебным, то сделалось вредным!

Усыхают леса... И где? В самом мокром углу байкальского побережья. Хамар-дабанская тайга еще не знавала такой напасти. Пожары, естественно, случались, но чтобы леса сохли на корню — такого, действительно, и старики не припомнят.

Наиболее уязвимой оказалась пихта, ее хвоя сначала краснеет, а потом осыпается, кое-где уже появились признаки покраснения и у кедра (а именно пихтачи с примесью кедра составляют здесь основную массу древостоя). На всех пробных площадках, заложенных для долговременных наблюдений в разных местах заповедника, отмечается большое количество ослабленных и усыхающих деревьев.

— Отчего же так строго оберегаемая зона покоя превращается в зону экологического неблагополучия? — спрашивал я у заместителя директора по науке Виктора Степановича Бойченко. Он допускает действие двух причин — естественной и антропогенной. Первая — это наступление периода маловодья в многолетнем природном цикле и связанное с этим понижение уровня грунтовых вод. А вторая — влияние воздушных промвыбросов. Маловодные годы, понятно, и раньше перепадали, но природа всегда сама выходила из кризиса, а теперь неизвестно, как обойдется. Если в ближайшее время БЦБК не будет перепрофилирован, то лесам заповедника несдобровать.

Впрочем, существует и другая точка зрения. Ученые, которым платит и заказывает музыку целлюлозное ведомство, уверяют, будто аэровыбросы БЦБК рассеиваются только в радиусе пятнадцати километров. Спрашивается, откуда же тогда проникает в заповедник отвратительный запах меркаптана, уж не Байкал ли его выделяет? И разве не видно невооруженным глазом с противоположного берега, что ядовитый дымовой шлейф растягивается от комбината вдоль стены Хамар-Дабана на десятки километров?

В 1979 году по просьбе Министерства лесного хозяйства Бурятии проводилось обследование лесов Прибайкалья для установления причин повреждения хвои. Этим занимался комплексный отряд ученых-лесопатологов. Массовых вредителей хвои, от которых могли бы пострадать кроны деревьев, специалисты не обнаружили. А результаты биохимических исследований дали основания заключить, что ослабление хвойных лесов вызвано токсическим действием промышленных выбросов, в частности сернистых газов. Как известно, даже низкая

концентрация двуокиси серы в воздухе при долговременном воздействии на растения приводит к их гибели.

Ученые обратили внимание, что наиболее поврежденные участки горной тайги располагались в высотной полосе конденсации водяных паров. Все объяснялось просто: с туманами осаждались на кроны деревьев вредные вещества, приносимые воздушными течениями из дымовых труб БЦБК. В хвое и лубе ослабленных пихт отмечалось накопление микроэлементов, способных вызвать нарушение в обмене веществ: бора, марганца, железа, меди и кобальта.

И в итоге лесопатологи пришли к такому заключению: постоянное воздействие низких концентраций сернистого газа, распространяющегося на очень большие расстояния, представляет серьезную опасность для растительности Прибайкалья.

Сказать по чести, в данном случае обнаружить главный фактор беспокойства можно и без помощи науки. Достаточно сделать опрос местного населения. И танхойские, и выдринские, и муринские мужики хорошо знают, о т к у д а в е т е р д у е т: целлюлозный комбинат—он тут самый большой браконьер, главный виновник порчи хамар-дабанской тайги и воды байкальской. Вот отчего рыбаки иногда поднимают из воды скользкие сети, забитые не рыбой, а какой-то «целлюлозной дрянью». Вот отчего меньше омуля и хариуса стало заходить в реки на нерест. Вот отчего начали запрещать водозабор в Байкале (!) — для всех строящихся на побережье объектов рекомендуется теперь обеспечивать водоснабжение с помощью скважин. Словом, было отчего местным жителям схватиться за голову и ополчиться сбором подписей против промышленного отравления воды и леса.

В непростой экологической обстановке встречает Байкальский заповедник свое двадцатилетие. Время подводить предварительные итоги.

Что касается науки, по этой части, пожалуй, все в порядке. Проведена многотрудная инвентаризация флоры и фауны, накоплен немалый запас знаний о взаимосвязях уникального природного комплекса — фундамент для дальнейших капитальных исследований. Рекомендации научного отдела помогают рациональному освоению лесных богатств сопредельных районов.

Помимо того, охраняемый участок тайги сам по себе оказывает благотворное воздействие на окружающую (ох, преимущественно агрессивную) среду. Расплодившиеся соболя, маралы, медведи в поисках свободных мест обитания откочевывают за пределы заповедника, обогащая соседние охотничьи угодья.

В 1988 году сибирское отделение издательства «Наука» (Новосибирск) выпустило в свет сборник трудов Байкальского заповедника «Растительность хребта Хамар-Дабан». Столь основательной научной работы о «холодных тропиках» Байкала до сих

пор не появлялось. Жаль только, нет там ни слова тревоги о том, что находятся под угрозой уничтожения и пихтачи, и голубые ели, и удивительные травки, которым удалось выжить даже в ледниковый период. Как ни странно, вовсе не упоминается о существовании целлюлозного комбината, соседство с которым, несмотря на полную «биологическую несовместимость», длится ровно столько, сколько существует сам заповедник. Неужто не замечают ученые, как влияют на местную флору ядовитые туманы и кислотные дожди? Нет, как выяснилось, материалы для статей пока еще накапливаются, поскольку тема «Антропогенные воздействия на природные комплексы заповедника» появилась в планах научного отдела недавно. Для определения загрязненности атмосферы начали регулярно делать анализы проб снега и дождевой воды, особое внимание стали уделять лишайникам.

А строго говоря... для того ли создавали заповедник, чтоб изучать, как методично, из года в год отравляется в его угодьях растительность?

Существует невеселый прогноз: если процесс усыхания лесов не остановится, то к 2000 году на северо-западных склонах Хамар-Дабана сухостой захватит около 50 тысяч гектаров, т. е. пострадает большая часть охраняемой ныне площади. И представим картину: вместо настоящей темнохвойной, богатой зверьем тайги нарастут, как после пожаров, банальные березово-осиновые перелески. Видоизменится флора — перестроится и фауна. Скажем, о реликтовом пришельце с севера—согжое останутся одни воспоминания в «Летописи природы». И если А. М. Субботин в свое время бился за расширение заповедной территории, то не придется ли закрывать и ту, что имеется на сегодняшний день,— за ненадобностью, как утратившую свою природную ценность.

Заповеданный — значит закрытый, запретный, неприкосновенный. Заповедник — суть эталон первозданной природы, хранилище генетического фонда растений и животных.

Как ни больно признать, не удалось на южном Байкале выполнить основной принцип заповедания — невмешательства в природные процессы. Правда, в этом нет никакой вины лесной охраны. Окаянный БЦБК, не признавая никаких границ, минуя кордоны лесников, по воздуху распространил свою заразу. Сегодня он представляет собой уже не просто фактор беспокойства, но смертельную угрозу для заповедника. Подобно тому, как мировой молох — «техноген» стал опасен для всего живого на земле.

Как-то академик Б. Н. Ласкорин с высокой трибуны заявил, что Байкальский целлюлозный завод стал нашим национальным позором. Надо полагать, вся-то нация тут и не виновата, однако, что верно, то верно: постыдно и оскорбительно для национального достоинства затянулось существование БЦБК, этого злокачест-

венного образования на берегу священного моря.

В Танхое мне приходила в голову простая мысль: оберегая тайгу, заповедник тем самым оберегает и Байкал, судьба озера — в лесах его бассейна, а судьба лесов — в руках человека.

Утрата величайшего хранилища пресной воды означала бы трагедию для всего человечества. Нет-нет, я все-таки верю, что байкальская история, о которой пишу уже столько лет, станет историей спасения, а не погубления озера-моря.

И напоследок — пусть войдет в читательскую душу, как вздох надежды, четверостишие сибирского поэта Василия Федорова:

Чтобы себя и мир спасти,
Нам нужно, не теряя годы,
Забыть все культы
И ввести
непогрешимый
культ природы.

Эту возвышенно умиротворяющую ноту мне хотелось сделать финальной, но жизнь расставляет свои акценты. Я уже заканчивал перепечатку очерка на машинке, когда газета принесла не вмещающуюся в рамки обычных новость из Бурятии. 28 октября 1989 года собственные корреспонденты «Известий» сообщали из Улан-Удэ: «Внимание спешащих с работы горожан привлек человек, который расположился возле памятника Ленину и расставил вокруг себя плакаты: «Народ спасет Байкал», «Нам не жить без Байкала!», «Байкал убивают ведомства, требую их к ответу».

Оказывается, здесь объявил недельную голодовку в защиту «священного моря» кандидат исторических наук Анатолий Лимаренко. Вот что он пояснил журналистам:

— Народ должен знать всю правду о сегодняшнем состоянии озера. Два с лишним года назад вышло известное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о сохранении Байкала, там были пункты о перепрофилировании Байкальского ЦБК и превращении Селенгинского ЦКК в экологически чистое предприятие. Мы не знаем, как эти пункты выполняются, намечаются ли перемены к лучшему. А озеро гибнет. Я предлагаю на год остановить эти вредные производства и всерьез разобраться с действиями Минлеспрома СССР...

Согласитесь, читатель, новость о голодовке относится к разряду таких, коими хочется сразу поделиться со своими знакомыми. В истории общественного движения в защиту Байкала подобного протеста еще не случалось. Во имя чего отказывается человек от пищи? Не для достижения личной цели — чтобы зарплату ему повысили или квартиру предоставили вне очереди. Человек рискует собственным здоровьем всего лишь... ради чистой воды для будущих поколений.

Что характерно, акт гражданского мужества совершил интеллигент-ученый, он как бы попытался хоть в малой степени искупить вину за тех корыстолюбцев от науки, которые давали «добро» на эксперименты с Бай-

калом и фабриковали обоснования их абсолютной безвредности. Экологический бунт в одиночку, помимо всего прочего, свидетельствует о пределе терпения многих заступников природы, уставших бороться с всеразрушающей бюрократической машиной и ждать коренного улучшения качества окружающей среды.

Не останется ли и этот крик отчаяния гласом вопиющего в пустыне?

Так похожа на Ялту...

Отдохнув неделю в Иркутске и найдя город «превосходным, совсем интеллигентным», Антон Павлович Чехов продолжил свой путь к далекому Сахалину. Изнурительный, сквозь бездорожье и гибельные разливы рек, где на лошадях, где пароходом путь по бескрайней России. Крестный путь гражданина с благой целью облегчить участь несчастным каторжникам. Кто из великих писателей взваливал на свои плечи подобную миссию? У кого доставало твердости духа совершить свой подвиг жизни?

12 июня 1890 года на перекладных прибыл Чехов к берегу Байкала, к большой бухте, из коей, как из переполненной чаши, широкой и сильной струей текла Ангара. С переправой вышла задержка, и, дожидаясь попутного парохода, он прожил двое суток в Листвянке.

В письме к родным Антон Павлович делился впечатлениями: «Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в море вроде Аю-Дага или феодосийского Тохтабеля. Похоже на Крым. Станция Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту, будь дома белые, совсем была бы Ялта...».

Сегодня листвянские рубленые дома выкрашены в голубые, синие, зеленые тона, но даже если бы фасады их были по-южному белыми... Деликатнейший человек, Чехов под хорошее настроение выдал захолустной Листвянке — так же, впрочем, как и купеческому Иркутску*, — незаслуженно большой комплимент. Хотя состояние его можно легко представить. Он был в восторге от здешней природы: «Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Черном море... Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду... Скотина Левитан, что не поехал со мной... Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем... Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза».

Правду сказать, с житейской

---

* За двадцать лет до приезда Чехова в городе был казнен ссыльный поляк за один лишь вполне интеллигентный жест — пощечину генерал-губернатору.

прозой Антон Павлович столкнулся и здесь, возле прекрасного озера, только к этому не хотелось бы обращаться сразу. Лучше сперва — о Листвянке, которая показалась ему «поразительно похожей на Ялту».

Раньше тут, по крутым берегам так обильно росла лиственница, что и поселок назвали Листвянкой, и бухта стала Лиственичной, и мыс — тоже Лиственичным. Селение возникло еще в 17-м веке и сделалось со временем важным перевалочным пунктом на торговом пути между Россией и Китаем. Здесь селились первые байкальские судостроители и мореходы. Исстари служилые люди и купцы добирались до Байкала по Ангаре на дощаниках, а затем от Листвянки на парусниках переправлялись на восточный берег. И не случайно в ту давнюю пору близ истока Ангары была поставлена Никольская часовня — в честь Николая Чудотворца, считавшегося покровителем моряков, купцов, рыбаков. Только помолившись в часовне, решались путешественники на опасное плавание через озеро-море.

...Мелькнет дорожный указатель «ЛИСТВЯНКА», автобус с ходу вымахнет на финишную береговую террасу, круто свернет влево — и неожиданно, до того, что перехватит дух, распахнется перед глазами ошеломительно огромный Байкал. И если ты в первый раз приехал к нему на свидание, ты ахнешь от изумления: до чего прозрачная вода! какие чистые, глубокие дали! какие высокие там, на другом берегу горы! И как бы ни готовился заранее к этой встрече с чудом природы, все равно впечатление от увиденного окажется ярче и сильней, чем ожидал.

Мое же знакомство с Листвянкой состоялось давно, я бываю здесь часто, переправляясь отсюда в свой портовый поселок на левобережье Ангары, где образовался маленький Барбизон иркутских художников и литераторов. Говоря высоким слогом поэта, «невольно к этим берегам меня влечет таинственная сила».

Я люблю поглазеть на Листвянку ранним утром, проплывая первым рейсом паромного теплохода. Из-за лесистого хребта, со спины поселка выкатывается слепящее солнце... сумеречные межгорные впадины от скалистых вершинок до ручьевых лож наполняются светом... в сизой дымке проявляются бревенчатые дома — ясными окнами все как один зрят на море. Медленно, вдоль ровной, как нитка, волнозащитной стенки разворачивается листвянская панорама. Горы подступают почти вплотную к воде, и теснимый ими поселок тянется по краю берега на пять с лишним километров. Дома раскиданы отдельными кустами по распадкам — там удобнее строиться. Один жилой распадок сменяется другим, каждый курится утренними дымками и кажется с воды теплым человечьим гнездом, защищенным с трех сторон тайгой и горами.

Раскинулась Листвянка вольно, с размахом крупного населенно-

го пункта, только народу-то — и полутора тысяч не набирается. Городской постройки здания можно пересчитать на пальцах, да и те не выше третьего этажа — выше не позволяет серьезная сейсмическая опасность. Действуют здесь такие предприятия и учреждения: судостроительная верфь, Лимнологический институт Академии наук СССР со своей исследовательской флотилией, две школы, профессионально-техническое училище речников, Дом художника, санаторий, гостиница «Интурист», турбаза. Как говорится, не густо.

Но главное — Листвянка стала местом паломничества отечественных и зарубежных туристов. Посещение Листвянки — обязательный пункт культурной программы всех делегаций, прибывающих в Иркутск. Разумеется, едут сюда со всех концов света не ради поселка, каких на земле тысячи, а ради единственного, несравненного Байкала. Так же и Лимнологический институт, хоть подобных нету больше в стране, посещают не для знакомства с его нескромными лабораториями, а для осмотра созданного стараниями ученых музея байкаловедения, где собрано множество уникальных диковинок озера.

Летом сообщение между Иркутском и байкальским взморьем хорошее — можно добраться по воде на «Ракете», можно и посуху автобусом. По выходным дням, в жаркую пору бывает особенно много желающих проветриться на Байкале. И в моменты наплыва отдыхающих милая Листвянка порой оборачивается для них, беспечных, ловушкой. Нежданно-негаданно выясняется, что «Ракеты» из-за штормового предупреждения больше не пойдут, что на все рейсы автобуса билеты уже проданы и не предвидится никакого другого, дополнительного транспорта, — хоть пешком топай семьдесят километров до города. Перед неудачниками возникает реальная перспектива ночлега на берегу, под открытым небом. Потому что в единственную гостиницу «Интурист» своих могут не пустить, а у местных жителей еще не принято сдавать на курортный манер комнаты приезжим.

Как-то в ноябре я возвращался с Байкала в город и в той же Листвянке нечаянно сам угодил в малоприятную ситуацию: сломался автобус, и мне пришлось несколько долгих часов, до позднего вечера дожидаться рейса. Погода, как назло, стояла уже холодная, стылую «стекляшку» автовокзальчика, не имевшую отопления, насквозь просвистывало сильным ветром. И решительно некуда было податься, негде обогреться, перекусить, спрятаться от пронизывающего, неслабеющего хиуса.

Спасибо, надоумил меня один листвянский мужик пойти погреться в... ближайшую котельную.

Да ладно, мы — люди не гордые, годится и котельная. Вон Антон Павлович Чехов, на что классик, и тот терпел неудобства в этой Листвянке.

«Заняли мы квартиру-сарай-

чик, — писал он отсюда родным. — Каждый день постилаешь себе на полу полушубок шерстью вверх, в головы кладешь скомканное пальто и подушечку, спишь на этих буграх в брюках и в жилетке... Цивилизация, где ты?..».

Век миновал, а и сегодня, бывая на Байкале, нет-нет да хочется вопросить вслед за Чеховым: «Цивилизация, где ты?»

Листвянку называют воротами Байкала или еще торжественней — порталом, главным входом. А точнее было бы в отношении ее употребить распространенное в Прибайкалье тюркское слово култук, что означает конец дороги, тупик. Для большинства людей, жаждущих увидеть великое озеро Земли, знакомство с ним начинается и кончается здесь, ограничиваясь пребыванием на асфальтированном пятачке пристани и автостанции. Сгрудятся приезжие на этой площадке с видом на море и топчутся в растерянности: что же дальше, куда ехать, куда плыть, где что можно посмотреть? И оказывается — тупик, надо просто-напросто поворачивать назад. Это же вам не Черное море — тут никаких экскурсий, никаких круизов не будет, никто никуда не станет зазывать, предлагать свои услуги. Идите, куда хотите, занимайтесь, чем вам заблагорассудится. Очень, очень ненавязчивый сервис.

Вот подвезут на листвянский пятачок группу иностранных туристов, погуляют они по берегу полчасика, пофотографируются на фоне славного моря, попробуют на вкус его родниковую водицу — и на том программа общения с феноменом природы исчерпана, поехали обедать в ресторан.

Поглядишь на это со стороны и посочувствуешь в душе зарубежным паломникам, которые летели сюда не считаясь с громадными расстояниями и нешуточными расходами: вроде как пригласили людей в гости, а пустили только на порог дома. Разве они видели Байкал? Из всех красот береговой полосы, что растянулась на две тысячи километров, перед ними промелькнул в окнах автобуса лишь четырехкилометровый кусочек одной Лиственичной бухты.

Еще более заслуживают сочувствия отечественные туристы и отдыхающие. С ними уж вовсе не церемонятся. Их могут не пустить пообедать в ресторан гостиницы «Интурист». Для них проблема попасть в лимнологический музей, который наладился, в основном, обслуживать иностранцев. Скажем больше, не для простых смертных и здешний санаторий «Байкал» — единственный, между прочим, на всем западном побережье озера. И, естественно, многие люди, прибывающие в Листвянку, испытывают досаду и обиду: «Нас тут не ждали». У иных прорывается и раздражение: «Где же ваше хваленое сибирское гостеприимство? Дикость какая-то, никаким сервисом не пахнет».

Так оно и есть: сфера услуг на Байкале пребывает почти что на пещерном уровне, для обслу-

живания приезжих иногда недостает самого элементарного, ну хоть того же места для ночлега. За последние тридцать лет в Иркутской области много чего построено — гигантские гидростанции, лесопромышленные комплексы, химические комбинаты, выросли целые города — Ангарск, Братск, Железногорск, Усть-Илимск, Шелехов.... Но вот соорудить в Листвянке общедоступную небольшую, хотя бы на сотню мест гостиницу — руки не дошли. Ладно бы стоял поселок где-то далеко на севере, в глухом медвежьем углу, а то ведь под боком у областного центра.

Жалко выглядит уже упомянутый мною листвянский пятачок. Невзрачный автовокзалишко, помещеньице для водных пассажиров, которое никак не назовешь морвокзалом, кафе «Ветерок», сувенирный магазинчик, газетный киоск — все эти «стекляшки» смонтированы на скорую руку, по легкомысленному южному образцу, то бишь безо всякого учета байкальского климата.

Или вот еще нечто существенное по части благоустройства: на оживленном пятачке, куда стекаются гости из самых разных и самых дальних краев, до сего времени (год 1987-й) не построен, извиняюсь за бытовизм, цивилизованный (теплый!) общественный туалет. Возможно, кто-то чистоплюйски отмахнется: это не объект первостепенной важности. А по мне, так именно с него и следует начинать возведение величественного национального парка на Байкале. А сие заведение — кстати, тоже показатель общей культуры — должно быть непременно на уровне мировых стандартов. Кроме шуток.

Решение о создании Прибайкальского и Забайкальского природных парков после долгих разговоров и мечтаний в 1986 году наконец было принято. Для чего же они понадобились? Как всякий другой парк отдыха — для посещения людей, для культурного обслуживания. К сожалению, начинать это многосложное дело придется едва ли не с нуля: берега байкальские слишком мало благоустроены, «мало для веселия оборудованы», цивилизация, о коей мечтал еще Чехов, присутствует тут лишь отдельными вкраплениями. А существующие ныне «дикие» условия способны только плодить туристов-дикарей, толпы которых уже опасны для хрупких сибирских ландшафтов, как стихийная разрушительная сила. Но каковы условия — таковы и туристы.

Здесь, на маршрутах повышенной сложности племя непоседливых людей испытывает и особые, социального происхождения трудности. Все, кто собирается путешествовать по Байкалу вольным порядком, должны готовиться к встрече с дикими таежными местами, все необходимое для жизни желательно нести с собой, на себе, то есть быть, как космонавты или подводники, на автономном обеспечении. По той простой причине, что в местных торговых точках нередко не хватает даже хлеба, сахара и

других товаров первой необходимости.

И коли уж речь зашла о хлебе насущном, самое время еще раз обратиться к опыту Чехова-путешественника. Читаем его письмо из Листвянки:

«...не знаем, что нам есть. Население питается одной только черемшой. Нет ни мяса, ни рыбы... Весь вечер искали по деревне, не продаст ли кто курицу, и не нашли... Зато водка есть! Русский человек — большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т. п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чем водку, которая и дороже и везти ее труднее... Нет, должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот».

Свидетельство классика невольно заставляет задуматься: наверное, корни нашего разгильдяйства и пьянства уходят глубже и корчевать их будет тяжелее, чем представляется нам сегодня, в пылу перестройки общественной жизни.

Строгий, не «фантастический» реалист, Антон Павлович Чехов вряд ли мог вообразить, что спустя сотню лет после его путешествия в листвянских магазинах по-прежнему не будет на прилавках ни мяса, ни рыбы. Умолчим уж о колбасах, сырах, деликатесах...

И если сегодня приезжий человек пойдет по дворам в поисках съестного, он тоже рискует не раздобыть ни курочки, ни яичек, ни молочка. Более того, летом здесь и картошка — дефицит: хозяева оставляют ее для себя ровно столько, сколько понадобится до нового урожая, а все излишки обычно везут по осени на иркутский рынок или же весной продают судовым командам.

Было бы несправедливо осуждать байкальцев, дескать, у них и снега зимой не выпросишь, — просто они не привыкли, не научились обслуживать отдыхающих, что подтверждает и мизерный листвянский базарчик, куда всего-то две-три старушки выносят черемшу, редиску да морковку. Ныне местное население питается, конечно, не только черемшой и картошкой, однако растущее благосостояние еще не вытеснило из обихода старое присловье бедноты: «Щи да каша — пища наша». Если живут без подсобного хозяйства и не держат в погребе солений-варений, то и вовсе кормятся по нехитрому правилу голодных — «лишь бы брюхо набить». И отчего пища наша так удручающе однообразна, примитивна, груба? Да что же мы, люди не гордые, сами себя не уважаем?..

Вот попытайтесь-ка, попав в Листвянку, отведать байкальской ушицы. Ничего у вас не получится. Вместо сытной харчевни с приманчивым названием «Омулевая бочка» вы обнаружите общепитовскую «стекляшку» с баналь-

ным имечком «Ветерок», где омулем и не пахнет. Знаменитой деликатесной рыбы в этом приморском поселке днем с огнем не найдешь, словно остались о ней одни воспоминания и заглохло намертво байкальское рыболовство. Омуль когда-то кормил коренных жителей озера — теперь же отнюдь не помогает им решать насущную продовольственную проблему. Между тем промысел омуля ведется; и в Баргузинском заливе, и в Малом море, и у Посольского сора его ловят, солят, коптят, а затем — неизвестно куда отправляют. Ладно, пускай не повсюду на побережье, но уж здесь-то, на самом оживленном туристском перекрестке мог бы Байкал явить свои рыбные богатства, мог бы все лето держаться запах омулевой ухи и жарехи подобно тому, как в черноморских курортных городках не выветриваются ароматы шашлыка и жареной форели. Увы, увы...

Богата земля Сибирь, да скудно и даже убого питаются сибиряки. Тут поднимать требуется не просто культуру обслуживания, но перво-наперво уровень жизни. Люди неприхотливые, к лишениям привычные, мы уже как-то не замечаем, что примитивная еда сказывается на качестве нашей жизни, делает еще аскетичней, грубей ее стиль, ставший совсем уж суровым после принятия крутых мер по изгнанию «зеленого змия», превративших в недосягаемую роскошь и бутылку «Шампанского» к праздничному столу.

Нередко досада берет: до чего же мы скучные люди — так неинтересно, без выдумки, приземленно живем, будто начисто лишены предприимчивости и расторопности. Ну разве сложно привозить в Листвянку тот же омуль с Маломорского рыбзавода, до которого всего пять часов плавания по маршруту, где ежедневно курсируют пассажирские быстроходные «Кометы»? А почему бы, к примеру, не переоборудовать в оригинальный плавучий дом для приезжих списанный пароход «Комсомолец» — большое судно, которое уже несколько лет ржавеет без пользы? Или проще изрезать его на металлолом?

Скудость стиля провинции, граничащая с эмоциональной недостаточностью, обнаруживается во многом. Если вам не удалось в Листвянке вкусно поесть в... «Омулевой бочке», так не рассчитывайте и совершить приятную морскую прогулку по заливу. Нет, такого удовольствия вам тоже не доставят, прогулочные катера для здешних жестких условий — непозволительное излишество. Какие могут быть прогулочные рейсы, если не существует даже туристских круизов по Байкалу? И в ближайшие сезоны надеяться можно разве на какого-нибудь находчивого яхтсмена, который догадается предлагать свои услуги: скажем, за рублевку «с носа» — двухчасовую прогулку под парусом. И наверняка это показалось бы туристам недорого, но мило — острое ощущение байкальской пучины под

килем яхты, студеное дыханье вод, струящиеся из распадков теплые запахи тайги запечатлелись бы в памяти на всю жизнь...

Ох, если бы приехал сюда однажды путешественник-книгочей, помнящий чеховское сравнение Листвянки с Ялтой, — как он был бы разочарован! Что есть Ялта в нашем понимании? Это же символ комфортного отдыха, всяческих развлечений и даже некоего предела мечтаний. Вспомните ироническую «Элегию» поэта Николая Рубцова, которая начинается буднично: «Стукнул по карману — не звенит, стукнул по другому — не слыхать...», а заканчивается мечтательно: «Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать».

Наша же бедная, захолустная Листвянка являет собой всего-навсего пример неразвитости, отсталости сибирского соцкультбыта. О чем думают соотечественники-туристы из Прибалтики или южных благоустроенных краев, когда, вкусив тутошнего сервиса, читают в местной прессе статьи о движении «Превратим Сибирь в край высокой культуры»? Скорее всего, этот лозунг представляется им несколько опережающим события — на берегах байкальских хорошо бы для начала достичь среднего уровня цивилизации, а уж потом устремляться к высотам культуры. Иначе получается по Чехову: «претензии у нас европейские, а возможности азиатские».

Здесь необходимо незамедлительно развивать материально-техническую базу туризма и отдыха. Уже сейчас на Байкал приезжает ежегодно около 600 тысяч туристов, а к 2000 году их ожидается до двух миллионов. Необходимо перестраиваться и местному населению — обслуживание приезжей публики должно стать для них одним из главных занятий: хочется не хочется, а к этому придется приучаться вольным байкальцам, ибо другой работы на территории национального парка не предвидится. И, между прочим, есть у сибиряков добрый опыт самодеятельного обслуживания: на станциях Транссибирской железной дороги пожилые женщины выносят к поездам горячую картошку, соленые грибочки, огурчики, топленое молоко, ягоды, кедровые орехи; осатаневшие от общепита пассажиры так радуются возможности поесть по-домашнему вкусно...

Уважительного обращения заслуживают и многочисленные поклонники Байкала. Непозволительно относиться к отечественным, пусть в большинстве своем и неорганизованным туристам, будто к самым опасным врагам озера (наибольший вред происходит все-таки от безумств технократов). Столь же несерьезно было бы смотреть на всех туристов из капстран, точно на классовых врагов. Все эти путешествующие люди очень даже могут поспособствовать охране Байкала — деньгами своими, в том числе и валютой. Надо только, чтоб было за что платить. По этому поводу известный советский ученый, академик А. Г. Аганбегян

написал откровенно: «Сфера услуг у нас до того не развита, что даже если ты и рад уплатить, то некому и не за что».

Коренной сибиряк, рабочий человек Алексей Тирских в бытность свою председателем Байкальского поссовета рассказывал мне о встрече с французской делегацией. Во время беседы в Листвянке один господин обратился к нему с такими словами: «Скажите, будьте так любезны, где мы сейчас стоим? Только не говорите мне, что мы стоим на берегу самого замечательного, самого уникального озера. Мы стоим на горе золота, взять которое вы не можете».

И поистине — нам досталось несравненное сокровище, но мы не знаем, что с ним делать, как им воспользоваться. Оттого и остается Байкал бесхозным...

Величайший жизнеспасительный родник Земли, как никакое другое место на планете, нуждается в гармонии между естественной красотой и деяниями человеческими. Скорей, как можно скорей надо приводить сибирскую действительность в соответствие с той природой, что названа была Чеховым сибирской поэзией.

Корабельные драмы

Не бывает моря без кораблей. Не бывает моря и без кораблекрушений.

Не из желания пощекотать нервы читательские, а лишь для полноты картины считаю необходимым поведать о наиболее памятных драмах и трагедиях, случившихся с байкальскими кораблями за минувшее столетие. И к сведению слабонервных: не каждое чрезвычайное происшествие на воде приводило к человеческим жертвам — так, гибель крупнейшего ледокола «Байкал» в революционном 1918 году обошлась совсем без крови, во всяком случае, историки не упоминают о пострадавших в этом эпизоде гражданской войны.

Обратиться к драматическим страницам байкальской истории мне захотелось после чтения случайно попавших в мои руки записок водника Александра Ивановича Рыльского, умершего в 1973 году. Коренной байкалец с большой интересной биографией, он по молодости участвовал в борьбе за власть Советов, судьба забрасывала его далеко на запад, в Первую Конную армию. На водном транспорте отработал около полувека, его знали как опытного кадровика пароходства на Байкале, на Селенге и Ангаре.

Описание одной из катастроф, приведшей к гибели судна и команды, Рыльский в своих воспоминаниях завершает такими словами: «Эту тяжелую историю я рассказал для того, чтобы прибывающие на Байкал молодые капитаны и штурманы знали, какие последствия могут быть, когда не соблюдаются предосторожности, допускается халатное отношение к делу».

Послать потомкам сигнал подстерегающей их опасности — право, достойная цель не только для пенсионера-мемуариста, но

для каждого, кто берется за перо, и видится она тем бескорыстней и благородней, чем меньше шансов быть услышанным грядущим поколением.

К запискам водника Рыльского мы еще вернемся, пока же обратимся к истории байкальского судоходства. Вот я упомянул о ледоколе «Байкал», но знают ли мои терпеливые читатели, что когда-то до революции даже не один, а два ледокола бороздили воды славного моря? Многие об этом, наверно, и представления не имеют, другие только слышали кое-что краем уха. Кто-то заинтересуется, а чем же было вызвано появление на внутреннем водоеме мощных судов ледокольного типа? Вовсе не особенностями навигации в Сибири, как можно предположить, а невиданными трудностями, возникшими при строительстве Великой Транссибирской железнодорожной магистрали в конце XIX — начале XX века.

Сооружение самого длинного в мире стального пути велось сразу с двух концов — от Урала и Тихого окана. К 1898 году рельсы дотянулись до Байкала, теперь им предстояло обогнуть вдоль кромки прибоя южную оконечность озера-моря. Тут-то и поджидала строителей наисерьезнейшая преграда — почти сплошная гряда утесов, круто уходящих в воду. Предвидя, что Кругобайкальский участок придется одолевать не один год, инженеры заблаговременно подготовили запасной вариант, как ускорить сквозное движение по новой магистрали. Как раз для переправы вагонов через озеро и предназначались два ледокола — железнодорожный паром «Байкал» и грузопассажирское судно «Ангара».

Пароходы строились по заказу русского правительства на верфях Англии, затем по частям доставлялись на лошадях до байкальского села Лиственичного, а тут уж отечественные мастера производили окончательную сборку. Ледокол «Байкал», спущенный на воду в 1900 году, пришелся к лицу великому озеру. Этот трехпалубный гигант длиной в сотню метров считался в ту пору вторым в мире кораблем по мощности и грузоподъемности. В его железное чрево по трем рельсовым веткам вкатывались 27 груженых товарных вагонов, помимо того помещалось в трюме до 800 т груза, а в каютах на верхней палубе — до 300 пассажиров.

Как ни могуч был ледокол, а все-таки не мог курсировать круглый год: когда зима входила в силу и лед набирал метровую толщину, паромная переправа на три месяца прекращала работу. В 1903 году к «Байкалу» присоединилось вспомогательное судно «Ангара», образовался ледокольный тандем, что позволило увеличить и пробивную мощь парома, и объем перевозок.

Но, к великому сожалению, большому кораблю не выпало большого плавания, короткая его судьба прервалась на девятнадцатой навигации. И в преждевременном финале «Байкала» оказались повинны никакие не стихии,

а только люди. Крупнейший за всю историю байкальского судоходства, единственный по своему назначению, ледокол-паром стал случайной жертвой гражданской войны, волею революционных событий был приговорен к... расстрелу и сожжению.

В 1918 году во время боев на Прибайкальском фронте красногвардейцы сформировали на озере небольшую флотилию, флагманом которой, само собой, стал ледокол «Байкал». Вооруженный всего-то одной шестидюймовой пушкой, он представлял собой не сказать, чтобы грозную силу в руках большевиков, скорее — удобную, малоразворотливую и весьма крупную мишень, чем и не преминула воспользоваться вражеская сторона.

Однажды в начале августа, когда паром стоял на рейде у пристани Мысовая, на рассвете незаметно подкрался с моря захваченный белогвардейцами пароход с двумя баржами и внезапно открыл кинжальный огонь из дальнобойных орудий, установленных на баржах. Несколько прямых попаданий вызвали на ледоколе сильный пожар и панику. Команде, не сумевшей справиться с огнем, пришлось покинуть судно. Как вспоминали очевидцы, жар был так велик, что на расстоянии пятидесяти метров обжигало кожу. Разбушевавшееся пламя уничтожило все деревянные надстройки, от ледокола остались лишь обгоревшие части машин да металлический корпус. Говорят, дымил он еще очень долго, пока не выгорели все запасы угля в бункерах.

Так бессмысленная военная операция загубила уникальное гражданское судно, чье появление в центре Азиатского материка стоило огромных затрат человеческого труда. Большие корабли нередко попадают в разные передряги, но — как обычно бывает? — подлатают, подремонтируют, и, глядишь, снова они на плаву. А «Байкалу» крупно не повезло — он вышел из строя разом и навсегда. Корпус его, не долго думая, изрезали на металлолом. Только старые фотографии сохранили его облик: густо дымящий во все четыре трубы паром величественно раздвигает байкальские льдины...

«Пароходам на Байкале вообще, как говорится, не везет, — писал еще в конце XIX века литератор-краевед Д. Стахеев. — Первый построенный в 40-х годах пароход сгорел; второй, называвшийся «Наследник Цесаревич», в 60-х годах потонул. Потом были построены еще два парохода: «Граф Муравьев» и «Генерал Корсаков», но и их постигла печальная участь (по малости заданных им параметров оказались не способны противостоять байкальским ветрам и волнам.— В. Ж.). Причина этому, по рассказам знающих людей, вовсе не Байкал и его бури, на которые принято ссылаться в этих случаях, а просто наша русская беспечность».

Что есть, то есть, да все-таки надо отдать должное и стихии, иногда именно она говорила свое решающее роковое слово. Сколь-

ко бед натворила одна сарма, коварно срывающаяся с Приморского хребта и достигающая ураганной скорости. Случалось, этот ветер, набирая яростную силу, сбрасывал с берега в воду домашний скот. Бешеная сарма стала виновницей самой жуткой катастрофы, что разыгралась осенью 1902 года у южной оконечности острова Ольхон, возле мыса Кобылья Голова, который своими очертаниями действительно напоминает голову лошади, пьющей воду.

Колесный пароход «А. Невский» тянул на буксире три баржи, на которых возвращались с омулевой путины рыбаки с семьями. Сарма обрушилась на караван внезапно и со страшным напором погнала его на береговые утесы. Чтоб не расколотило о камни всю сцепку судов, оставалась единственная надежда на случайное спасение — перерубать канаты, разъединяться. Освобождаясь от буксира, баржи одна за одной отрывались от парохода. И в результате такого маневра одну баржу удачно выбросило высокой волной на песчаную отмель, две же других со всеми находившимися на них людьми разбило о скалы. А пароход чудом уцелел: уцепившись двумя якорями за грунт и безостановочно молотя колесами в режиме «полный вперед», он еле устоял против сармы.

Подобно всякому из ряда вон выходящему событию байкальская трагедия века тоже обросла со временем различными версиями и домыслами, даже существенные ее детали не согласуются между собою в разных источниках. Вот, как ни странно, трудно определить точное число жертв, один уважаемый байкаловед сообщает, будто погибло 172 человека, другой не менее уважаемый называет совсем иную цифру — 280 человек. Одно несомненно: такого большого бедствия, как у мыса Кобылья Голова, нигде и никогда не случалось на озере за всю историю судоходства.

Теперь же перейдем, читатель, к более позднему, послереволюционному времени и обратимся к запискам байкальца Рыльского. Несколько ученических тетрадей, исписанных крупным твердым почерком, любезно предоставила мне для ознакомления дочь покойного водника Лидия Александровна, которая знала меня как автора, давно болеющего байкальской темой. С ее согласия предлагаю вниманию читающей публики несколько поучительных историй из воспоминаний отца, дабы не остались они лежать мертвым грузом в семейном архиве, дабы дошли по назначению обращенные к нынешнему поколению мореходов предостережения многоопытного работника флота.

Александр Иванович Рыльский, честно говоря, не был участником и очевидцем тех корабельных драм, которые им описываются, однако как раз в те годы он работал на Байкале — был и кочегаром, и матросом, и рулевым, и начальником порта— и если сам лично чего-то не ви-

дал своими глазами, то уж, во всяком случае, был хорошо наслышан, документально осведомлен обо всех тогдашних чрезвычайных происшествиях на воде. Полагаю, его-то свидетельствам можно доверять даже в деталях, — сама служба на водном транспорте обязывала к четкости и точности.

Одна из аварий, описанных Рыльским, произошла с ледоколом «Ангара». Хотя по мощности и водоизмещению это судно и уступало в три раза гиганту «Байкалу», но после уничтожения железнодорожного парома оно оставалось самым крупным на озере, могло взять на борт 300 пассажиров и 250 тонн трюмных грузов. Итак, цитирую с некоторыми сокращениями и стилистическими поправками записки Рыльского:

«В декабре 1929 года во время очередного рейса из Нижнеангарска ледокол «Ангара» проходил мимо полуострова Святой Нос. Погода стояла морозная, вдоль берегов образовалась шуга, а дальше в море шуга смыкалась с тонкими ледяными полями. У мыса Орловый на ледоколе почувствовали сильный толчок с левого борта, за ним второй, третий. «Ангара» остановилась, накренившись на левый борт. На судне была объявлена тревога. В корпус через угольные ямы стала поступать вода... Водоотливные средства не в состоянии были справиться с напором воды. Котлам угрожал взрыв, в машинном отделении вода подходила к цилиндрам, залило насосы. Из топок удалили горящий уголь, этим спасли котлы от взрыва, а ледокол — от гибели.

Когда крен достиг 20 градусов, течь прекратилась. Было установлено, что авария произошла из-за преступно-халатного отношения второго штурмана Симонова к своим обязанностям. Второй штурман и рулевой отвлеклись разговорами и отклонились от заданного курса на 4 градуса. В результате судно наскочило на подводную скалу.

В тот день мороз достигал 25—30 градусов. В помещении стало холодно, уголь был залит водой, положение команды становилось критическим. Пробоину заделать было невозможно, т. к. длина ее с левого борта достигала 6 метров. Управление пароходства решило значительную часть экипажа эвакуировать на берег.

Команде предстояло... пересечь горный хребет полуострова Святой Нос и более 40 километров пройти пешком по бездорожью до села Усть-Баргузин. Оборванные, полуголодные, с большими трудностями люди добрались до Усть-Баргузина...».

Позднее, как сообщает Рыльский, пробоины на ледоколе кое-как удалось заделать цементом, но вновь назначенный капитан отказался плавать на нем. Эксплуатация «Ангары», особенно во льдах, была чрезвычайно опасна из-за серьезных повреждений корпуса, и тогда решили поставить пароход на капитальный ремонт с вытаской на берег, что

оказалось весьма и весьма непростым предприятием.

В 1931 году Рыльского назначили начальником порта Байкал. Как вспоминает Александр Иванович, работа в пароходстве сопровождалась в то время немалыми трудностями: не было ни диспетчерской службы, ни радиосвязи берега с судами. Уходя в плавания по безлюдным байкальским просторам, пароходы не давали о себе знать, пока не прибывали обратно в порт.

Еще одна крупная авария произошла на Байкале в 1932 году. Пароход «Шмидт» возвращался в ноябре из последнего рейса с баржей, груженной рыбой. Следуя курсом Усть-Баргузин — северная оконечность Ольхона, пароход попал в десятибалльный шторм. Шквальный ветер северо-западного направления сопровождался сильным снегопадом, видимость почти отсутствовала. Ударом волны у «Шмидта» повредило руль, судно потеряло управление, и стихия повлекла его к восточному берегу. А на борту находилось около пятидесяти пассажиров....

Учитывая безвыходность ситуации, капитан просигналил гудком на баржу, предупредив, что отдает буксир. Благодаря находчивости шкипера баржу удалось сохранить: отдали якорь, вытравив цепь почти до отказа, и в конце концов крепко зацепились за грунт.

Таким же способом хотел отстояться на волне, переждать шторм и капитан «Шмидта». Но стоило пароходу заякориться, как обрушилась на палубу большая волна, повышибала стекла в салоне, снесла все деревянные надстройки. Вода хлынула в пассажирские помещения, началась паника.

Очередным валом оборвало якорную цепь, неуправляемое судно потащило и выбросило на каменную гряду. К счастью, никто при этом не пострадал, всех пассажиров благополучно сняли на берег.

После шторма «Шмидт» остался, как на постаменте, стоять на камнях. В его днище обнаружили 32 пробоины. Только на следующую навигацию искалеченный корабль отвели в порт, но по волнам славного моря ему больше не суждено было плавать — подлатав, отправили его на спокойную речную службу...

Как справедливо отмечает в своих записках Рыльский, Байкал не только прекрасен и удивителен, но и очень опасен. Поэтому от судоводителей — особенно осенью, когда начинает штормить, — требуется постоянная бдительность, находчивость, мужество. А с теми, кто проявляет беспечность и растерянность перед стихиями, Байкал жестоко расправляется.

И для примера, а также в назидание потомкам-байкальцам рассказывает Рыльский еще об одной трагической истории:

«26 сентября 1956 года теплоход «Ермак» под командованием капитана Цветуса вышел из Голоустного в порт Байкал с плотом объемом 1800 кубометров. Погода сначала благоприятствовала, но в

22 часа внезапно налетел сильный северо-западный ветер. Скорость его доходила до 26 метров в секунду. Радиосвязи с теплоходом не было. В порт назначения он не пришел.

К утру шторм несколько поутих. Были приняты срочные поисковые меры. В море послали пароходы «Коммунист», «Байкал», в воздух поднялся самолет.

К вечеру капитан парохода «Коммунист» Берденников сообщил, что в районе Выдрино, в 15 километрах от берега обнаружил много рассыпанных бревен и перевернутую вверх дном лодку с теплохода «Ермак».

Как позднее было установлено, гибель теплохода произошла при следующих обстоятельствах. Когда начался шторм, «Ермак» шел на расстоянии 300—400 метров от берега. При наличии многих отстойных пунктов капитан Цветус не встал на отстой, как это он обязан был сделать. Сильным порывом ветра теплоход оторвало от берега и понесло в море. Сохранить плот было уже невозможно, но и здесь капитан допустил оплошность — не распорядился отдать буксирный трос. Крупной волной пучки с лесом разбило, такелаж весом около четырех тонн повис в воде и вместе с буксирным тросом создал опасный крен. Теплоход перевернулся, и вся команда погибла...»

Печальный перечень байкальских драм, дополняя сведения Рыльского, можно и дальше длить — после «Ермака» еще случилось и раз, и другой, когда студеная пучина поглотила судно вместе с командой. И опять тонули небольшие, малопригодные для здешних суровых условий рейдово-маневровые катера, которым не стоило бы доверять работу в открытом море. А помимо того Восточно-Сибирское пароходство, как мне кажется, идет на большой риск, из года в год отправляя в туристские рейсы до бухты Песчаной теплоходы речного типа, которые курсируют вдоль берега Байкала как бы крадучись, с опаской, с постоянной оглядкой на метеосводку. До поры до времени на этой линии все обходится, только, помилуй бог, не накликать бы беду.

Однако пора уже перевести дух и направить разговор в спокойное русло. Кстати, есть и подходящий повод: нежданно-негаданно, спустя семьдесят с лишним лет газеты вспомнили о безвременно и бесславно погибшем ледоколе «Байкал». Кандидат исторических наук А. Тиваненко из Бурятии опубликовал заметку, в которой выдвинул любопытнейшую гипотезу: будто бы до сей поры байкальские рыбаки наблюдают иногда в глубинах озера корпус ледокола с его четырьмя трубами. В самом деле, почему бы не допустить такое? Если расстрелянный корабль-гигант затонул, то в 20-е годы у нас еще не было технических возможностей для подъема таких тяжелых судов. Поэтому не исключено, что останки ледокола-парома все еще покоятся на мелководье возле Мысовой.

И, наверное, многим захотелось, как и мне, поверить в эту романтическую версию. А, дейст-

вительно, за что такая несправедливость судьбы? Почему должно было исчезнуть без следа, бездарно переродиться в металлолом великолепное произведение рук человеческих — один из крупнейших для своего времени кораблей? Ну, конечно-конечно, необходимо поднять со дна корпус легендарного ледокола с его четырьмя трубами и отреставрировать по старым фотографиям, чтоб ожила интереснейшая частица байкальской истории.

Прямо скажем, за истекающее столетие здесь так и не было спущено на воду ничего подобного, ничего даже отдаленно напоминающего величественный ледокол «Байкал». По сравнению с ним все, что плавает ныне, — «москитный флот». И так нужен большой пассажирский лайнер, достойный славного моря, который бы принимал на борт, скажем, сразу тысячу туристов и отправлялся в чудо-круиз вокруг Байкала. Век бы помнили туристы-счастливчики такое плавание!

Как легко догадаться, лайнер для местного пароходства — финансово нереальная мечта. От бедности нашей хотелось бы предложить нетрадиционное решение проблемы: почему бы Тихоокеанскому флоту, действуя в духе разумной демилитаризации, не прийти на помощь, не выделить для отдыха трудящихся какой-нибудь морально устаревший военный корабль. Ведь привезли же в конце XIX века на лошадях (аж из самой Англии!) два ледокола в разобранном виде. Неужели не справились бы с подобной задачей в конце XX века?

Или вспомнить, как в течение пятидесяти лет выручал отдыхающую публику достохвальный пароход «Комсомолец», переоборудованный из рыболовного траулера и, кстати, вполне успешно противостоявший всем стихиям. Два таких судна, отданные в распоряжение Национальных природных парков на западном и восточном берегу, могли бы хоть на ближайшее время, хоть в какой-то степени послужить громоотводом нарастающего туристского бума.

Много лет дожидаются байкалолюбы больших кораблей, без коих такими пустынными кажутся неохватные просторы озера-моря. Не эта ли давнишняя тоска по белоснежным лайнерам вызвала к жизни красивый вымысел о бессмертном ледоколе «Байкал»?

Жаль только, быстро развенчали новорожденную легенду. После заметки А. Тиваненко «Загадка корабля» не прошло и месяца, как появились в газете опровергающие свидетельства очевидцев и участников былых событий. Как утверждали старожилы, затонуть ледокол никак не мог, ибо корпус его, собранный из стальных двадцатимиллиметровых листов, остался после пожара цел и невредим, И, разумеется, никак не могли рыбаки видеть корабельные останки, лежащие на дне у пристани Мысовая, поскольку корпус после катастрофы был отбуксирован в порт Байкал. Обгорелый, порржавевший, с черными от копоти трубами, он там долго ждал решения своей участи. Наконец, прибыла откуда-то серьезная

спецбригада, демонтировала уцелевшее оборудование, изрезала автогеном борта и днище на отдельные листы, которые отправили затем по железной дороге на переплавку. Такой вот банальный финал.

Прозаичность смерти большого корабля, может быть, в какой-то мере скрасит неожиданно замечательная подробность: в одной из котельных города Иркутска до сих пор действуют два паровых котла (из шестнадцати) с ледокола «Байкал». До сих пор действуют!..

Вот сетуем мы, дескать, на таком великом озере и такой мизерный, несолидный флот. Вне сомнения, Байкал достоин лучших кораблей, как достойны лучшей жизни люди на его берегах. Но страшновато представить, что стало бы с «нелюдимым нашим морем», если б местное судоходство развилось до такой же чрезмерной степени, как, скажем, на Балтийском море, которому Байкал, между прочим, не уступает в объеме воды. Нет уж, во избежание всевозможных бедствий пусть байкальская флотилия будет невеликой, но главное — всепогодной, стихиеустойчивой и ориентированной только на пассажирское направление, на отдых и туризм. Меньше кораблей — чище вода. Меньше кораблей — меньше судоходных драм. Так-то оно спокойней.

Валентина Леонова

«ЕФИМОВА ДЕРЖАВА»

Роман А. Зверева «Ефимова держава» (Современник, 1989) тематически как будто бы явление не новое. Сегодня немало уже появилось и художественных произведений и публицистических по данной проблеме, и большой писательской смелости здесь вроде бы уже и не требовалось. Но это в 1989 году. Однако задуман роман в 60-е годы. Это меняет отношение читателя к автору и к его произведению. Стоило Ф. Абрамову в 1954 году написать статью об истинном положении русской деревни, его тут же стали отлучать от Советской власти, от современной деревни, от советской литературы. Стоило появиться его повести «Вокруг да около», как тут же появилось письмо «начальствующих», где выходило, что Абрамов зовет деревню назад, к кулаку. И земляки писателя, не читая повести, доверчиво подписали письмо. Когда потребовался «голос народа», расчет был на голос земляков Ф. Абрамова, особенно на тех, кто должен был узнать себя в героях повести, о которых писатель по заслугам отзывался честно и нелестно (З о л о т у с с к и й И. Тропа Федора Абрамова // Литературная газета. 1990. 28 февр.) Ведь известна позиция Ф. Абрамова: «Кадение народу, беспрерывное славословие в его адрес — важнейшее зло. Оно усыпляет народ, разлагает его...»

Как истинный сын своего народа, он не желал охаять его, а хотел ему добра. Это честная позиция русской литературы, идущая от национального характера (предельная самокритичность до самообличения). И традиция идет от древнерусской литературы, от неизученных нами писателей 18 века через творчество Пушкина, Герцена, Гоголя, Гончарова, Достоевского, Лескова и других классиков до наших дней. Но «несмотря на свою горячность, неистовость и разоблачительность, она питалась словом питательным, словно бы пропущенным через какой-то особый состав, который способен восстанавливать силы» (Рас-

путин В. Из глубин в глубины // Наш современник. 1989. № 11).

Трезвая оценка не только достоинств, но и характерных издержек нации не означает, что писатель отрекается от народа, презренно взирая на него «сверху». А именно так пытались толковать отношение И. Бунина к крестьянству, несмотря на протест писателя. Да и сегодняшние «историки» литературы теми же методами продолжают отлучать от литературы Горького, Шолохова и др., чтобы обеднить, елико возможно, историю русской культуры.

Вымирает русская деревня, та деревня, которая держала Россию века. Не случайно слово «последний» часто слышится в литературе в приложении к деревне: «Последний срок», «Последняя страда», «Последний старик деревни», «Реликт» и т. д. Исчезают с лица земли одна за другой тысячами русские деревни. Захирела зверевская Усть-Куда, нет моей Казанки... Да, как бы ни была велика наша скорбь, та деревня уходит, однако уходит, так сказать, физически, материально. Но вот чудо! Горит ее негасимый свет в душе народа. «Дело не только в материальной стороне дела. Деревня русская — это ландшафты, наша Родина, мать и прародина всего» (Ф. Абрамов).

Негасимый духовный свет исходит от тех старух и стариков, забытых, умерших и умирающих в заброшенных деревнях. Неучтенное разрушителями явление! Негасим их свет, как бы ни колебалось его пламя в душе нашей. Порой кажется, что и нет его уже, не выдержало ветров безверия, беспамятства, отступничества. И вдруг в какие-то моменты перед твоим внутренним взором вспыхнет неземным светом прошлое то во сне, то наяву. Кажется, с чего бы? Ложишься и встаешь с суетными думами о дне сегодняшнем и завтрашнем, а видится прошлое, видится родная деревня, которой уже нет, видятся и люди, уже ушедшие неведомо куда. И светло становится. Как будто повидался с ними после столь давней разлуки, как будто дома побывал. Но и тревожно станет. Чувство вины не покидает долго. И в будущее протянутся мысли: что нас ждет? В молодости эти связи едва заметны, но с годами все чаще тревожится душа. К счастью, это нечто, трудно объяснимое, до сих пор, наверное, и спасает людей от окончательного беспамятства. Конечно, здесь имеет место и поэтическая ретроспекция. Хорошие слова сказал А. Зверев: «...такое уж устройство памяти, что со временем печаль и горе обкатываются, вымарываются, осолнечиваются и обласкиваются... видно, больше в душе человека силы вымарывать зло и собирать добро, удерживать его перед глазами, жить им, опираться на него. Не исключаю, что есть люди обратного свойства, но это редкость, это уродство души»[1].

К несчастью, есть и немало их, непримиримых, лукавых. Иначе откуда бы вселенское зло, где ис-

---

[1] «Сибирь», 1989, № 1. С. 4.

токи великих бед, которые обрушились и в столь невиданных масштабах на Россию?

Итак, роман Алексея Васильевича Зверева «Ефимова держава».

Как представляется, подступ к нему шел через романы «Далеко в стране иркутской», и «Дом и поле», где автор, опираясь на более высокую ступень современного общественного сознания, осмысливал новую тему для литературы 60-х годов, которая и в 80-е годы остается пока еще мало исследованной страницей жизни отечественного крестьянства.

Автора не отпускают видения прошлого: детства, юности, родного деревенского уклада. Безыскусное, правдивое повествование о деревне пореволюционной, взбудораженной невиданными событиями. Немного осталось свидетелей той поры, когда рвали тело деревни, ее вековые нравы, устои то отчаявшиеся уходящие белые, то приходящие красные, среди которых уже стали появляться «революционеры», как Николай Ярин, а еще больше того — «уполномоченные» от революции, «инструкторы», такие, как Яковлев, до плешины досидевший в этой должности.

Меняется время, меняется власть, а он опять инструктор. «До войны был он иструктором по охране леса. В гражданскую войну тоже был инструктором-пчеловодом. В недавнее время ходил в чине инструктора-землеустроителя, а нынче в РИКе работает снова инструктором». И, «хоть ты окопай его вокруг», не сойдет с этой должности. Такой никого не пощадит ради своего командного положения и всем святым попустится.

Писатель свидетельствует, что такими руками и творилась задуманная трагедия насильственного разрушения сложившегося за века уклада, на чем стояла держава народной жизни. Таким «инструкторам» нетрудно было вдолбить «концепцию» вульгарного социологизма, что этнос — понятие социальное, родственное понятию класс и поэтому рукотворное, т. е. подчиняющееся волюнтаризму власти. «Меж тем,— говорит Д. Балашов, — это не так и даже (и прежде всего!) по Марксу не так. Человек есть часть природы, и этнос (народ, нация) — категория природная. А природные явления, в отличие от рукотворных, нами сделанных, мы не можем менять по своему произволу»[1].

Не можем, не должны, а поменяли, подчинившись адскому плану, который во многом рассчитывал и на энтузиазм отзывчивой, доверчивой души народа.

«Да! Этот энтузиазм, великий заряд веры, подаренный Октябрем, и так безалаберно разбазаренный в первые же послереволюционные годы. Порывы такие горели в большей части нашей молодежи, с годами тлели и обращались в прах», — с печалью повествует А. Зверев, вспоминая в связи с этим и светлый облик своего брата.

Круто менялась жизнь. Рядом с энтузиастами оказались на правах равных и иные люди, которых привели в лагерь строителей

---

[1] Вопросы литературы. 1989. № 9.

новой жизни закоренелые пороки, и первым среди них автор называет заповедь лоботряса — а бы как прокормиться.

«Как-то скоро они поняли друг друга, а поняв, притихли, стали равными среди общего энтузиазма. А потом поперли в начальство... Зародилось, так сказать, дитя молчаливое, но и упрямое и дотошное, которому через десять-пятнадцать лет быть должно добрым молодцем-бюрократом, карьеристом и расхитителем. Они и иные мужички скоро поняли, что в коммуне можно не работать, а умно рассуждать, размахивая руками, заседать и решать, приучаться помалу к политическим лозунгам и пока робкой демагогии... Ум, крестьянский опыт, отдача всего себя земле, совесть и чистота души остались за пределами коммуны, а потом и развеялись по городам и стройкам, изолировались по далеким лагерям, а зачинатели великого опыта, развеяв одно, вернулись к единоличнику и принялись строить колхозы, то есть разваливать остальное... Как круто ломалось все прежнее — церковь, семья, хозяйство — так круто менялся человек... Если бы какому-то талантливому писателю удалось написать портреты двадцати, тридцати председателей, каких посчастливилось увидеть каждому среднему селу, была бы великолепная галерея лжецов, страдальцев, мучеников-правдолюбцев, бабников, просто актеров, которые без веры разуверились и в дурные спектакли обращали жизнь»[1].

[1] Сибирь. 1984. № 6.

Это отрывок из статьи «Деревенский музей», где писатель продолжает осмысливать судьбу крестьянства России.

Как и его современники — Ф. Абрамов, В. Белов и другие «деревенщики», — А. В. Зверев трагедийно осмысливал и осмысливает судьбу крестьянства.

Историей жизни деревенской женщины Устиньи Яриной открывается роман. Для писателя это не случайный образ. Здесь глубокое осмысление судьбы народной. Потеряна надежда на женское счастье, ее яростные усилия по сколачиванию крепкого хозяйства — попытка отстоять свое человеческое достоинство, свободу, как она видится ей, недавней партизанке. «К чему все приведет, только горю я в работе пламенем. Любая тяжесть мне нипочем. Свободная я душа. Куда хочу, туда и ворочу... Отчего я добровольно хомут этот надела. От бабьей недоли. Я вольной хочу быть, и чтобы никто не помыкал мной, бабой».

Короткая, обнадеживающая, по мнению писателя, пора нэпа вызвала яркую вспышку проявления народных талантов. Вот и Устинья с ее талантом хозяина, вот Ефим с его стремлением к творчеству («Ефимова держава»), вот и гармонный мастер Киселев, Григорий Ефимыч — знаменитый мастер-кошевочник («Деревенский музей»).

Осмыслению этого явления — связи раскрепощенного состояния крестьянской души и расцвета ее талантливости — посвящена основная мысль романа. В свое вре-

мя в нэпе и Короленко увидел шаги большевиков навстречу разуму, социалистическому идеалу (Наш современник. 1990. № 4). И. Д. Балашов, как и А. В. Зверев, считает, что замена продразверстки продналогом «восстанавливала и зажиточность крестьян, и изобилие продуктов в стране, способствуя и общему укреплению хозяйства». Вопросы литературы. 1989. № 9).

Но во взбаламученной народной жизни начала XX века мелькнул этот краткий миг и исчез. Осознала подступающую гибель души Устинья и с кровью оторвала от себя все, чем жила. Как так случилось?

По мере погружения человека в жизнь, к материальному, нарушилось равновесие сил — разумных и диких, высоких духовных и житейских. И нарушение началось не с Устиньи. Но она втянута в этот водоворот, а в результате — душевный крах. И чем богаче становилась Устинья, чем удачливее в делах, тем сильнее душевная тревога. «Много ли радости ты видела на свете? — мысленно спрашивает она себя. — Не было их, настоящих-то. Были одни тревоги за корову стельную, за поросят новорожденных, за хлеб неубранный, за все хозяйство немалое. Жадной и скупой стала, что замечала Устя за собой в последнее время... К себе стала невнимательна, и это заметила за собой. Волосы стала редко расчесывать, обеды варить перестала. Вместе с Гришкой целый день кусошничают — хватают на ходу, что под руку попадет. В зеркало не стала глядеться с тех пор, как увидела густую сетку морщин вокруг рта, а в глазах нашла холодную настороженность».

Но по-прежнему Устя и ночами мысленно с лесом борется, корчует поле, тешит себя думой сладкой, как она расширит поле, и без того уже широкое. Да вот незадача — «лоб в лоб встретилась с отцовым полем. У самой той горбатой сосны встретилась. Свалит и ее Устя и начнет обходить поле справа и слева, возьмет в кольцо.

Видит себя Устя перед отцом.

— Что, тятя, поделаешь, если я могу, а ты не можешь. В том разница наша. Ты отдай, тятя, поле-то свое. Мешает мне оно. Отдай. — Видит Устя растерянного отца, каким помнила его при покупке дома.

— Ты знаешь, чего это поле значит для меня! — говорит и отец. — Оно семью вон какую вскормило. Работе всех научило, людьми сделало.

— Опять ты, тятя, с душевностью своей, — махнула Устя рукой.

— Бессердечная ты, Устинья, стала, ох, бессовестная».

Вот оно, нарушение равновесия сил духовных и материальных. Начинала с жажды свободы, воли, а заблудилась и уклонилась к стяжательству. И вот крах, а затем и тяжкое прозрение.

«Чего не бывало с ней в одиночестве, она спустилась в подполье и достала четверть самогонки. Стакан граненый, не отрываясь, выпила, не поморщилась от первача, лишь выпучила глаза

и раскрыла рот.

— Ха! — выдохнула она, поднося к носу ломоть хлеба. С ломтем, посоленным щедро, увидела себя в зеркале, и чувство омерзения тронуло ее. Юбка торчала коробом, белые чулки домашней вязки небрежно спустились и сморщились, кофта закапана жирными пятнами. Пьянея, она захохотала над собой, погрозила в зеркало кулаком:

— Устинья Ефимовна! Ты ли это? У, какая ты стала! Да что ты делаешь с собой!»

«Дней пять со двора Устиньиного летели пьяные песни, потом дом притих надолго. В конце мясоеда, перед масленницей пригласила она к себе Ганьку (теперь уже председателя коммуны. — **В. Л.**)...

— Вот так, Ганек, — заговорила Устя. — Никому больше, тебе одному скажу, потому как сердцем ты всех нас красивше. Пал я по душе своей пустила, Ганек, сожгла в себе валежник и сушняк, ветошь осеннюю, а лес сохранила. Помнишь, Ганя, какая зелень буйная растет на той черноте? Чую, я новою жизнью зажить могу. Чудной назовут меня, Ганек, а ты купи у меня все, по дешевке продам... Наелась. Спытала... Думала — тут я волю найду. Нету ее тут. Тюрьму тут породила себе...»

Запутаны отношения духа и жизни. По этой причине раскололась семья Ефима. Николай из партизана превратился в анархиста, а затем и преуспевающего демагога, бюрократа. Как это случилось? Пока работает идея, т. е. духовный уровень, он — революционер. По мере погружения Николая в жизнь (да еще при власти-то, при нагане!) нарушилось то самое равновесие сил, Николай оторвался от истоков своих, от природы, от крестьянской морали. И тогда жизнь стала «брать свое» из души этого деревенского парня. А. Зверев угадывает такой закон бытия. Может быть, автору следовало бы более глубинно показать эту трагедию человека, связав ее с проблемой абсолютной морали, как это делает В. Распутин: «По нравственному закону, существующему в мире, единым итогом, независимо от учений, всякое насилие в конце концов наказуемо, хотя наказание и может растянуться на поколения...» (Р а с п у т и н В. Из глубин в глубины // Наш современник. 1989. № 11).

И наказание, пока Николаю не видное, приходит. Первое, что растерял Николай из душевного строя своего — доброта. Насилие, рожденное ненавистью, и рождало ненависть, занявшую место доброты.

«Вы все ружьем пашете. Вы без ружья попробуйте. Без пугала этого», — это говорит Ганька в споре со старшим братом.

«Не-ет, брат. Не на то на земле классовая борьба. Не на то и Советская власть. Она для сражений утверждена. Кто кого — понял? Война вечная и бесконечная», — а это уже Николай.

«— Миру! Миру! Устала земля от огня. Миру! — возвысил голос и Ганя.

— Миру? С кем? С мужиком,

скажешь? — подскочил Николай к самому носу Гани. — Это значит власть иметь и за милостыней ходить к деревне? Нет! С плеткой сюда. Как вон англичане в Индии. Колония! Деревня — теперь наша внутренняя колония. Ко-лони-я!...

— Колония, значит. Это мы-то, мужики, колония? — с надсадой в голосе сказал Ефим и поднялся от стола.

— Спасибо, братка, за правду твою поганую, — сказал Ганька. — Оттого ты и в город перемахнул, чтобы эту плетку в руках держать.

— Да он же давно ненавидит нас, — как о чем-то вдруг открытом сказал Ефим и отчужденно-холодным взглядом оглядел старшака».

Жесткий закон абсолютной морали, где за грехи родителей платят дети и за грехи детей платят мать и отец. За браконьерство на реке посадили в тюрьму Гошку. Месяц семья Яриных не находила места. «Ночные размышления теснили душу Ефиму. Все, что было со старшими детьми, казалось ясным и давно обговоренным. Этот случай он объяснить сразу не мог. Он ли не учил Гошку своей любовью к реке беречь ее? Где та щель, из которой выполз Егоршин дух? И тут Ефим, уж который раз за месяц, как бы со стороны, чужим глазом поглядел на себя. Всю жизнь он строил дом, не все гладко было с этим домом, но думы шли только вокруг себя. Если он живет хорошо, то и народ живет хорошо, потому что он и есть народ. От всего мира отвернулся Ефим. А он, Гошка, все с ним. Ефим скребет, царапает к себе, а Гошка умом-то молодым присваивает это».

Сын платит за грехи отца.

«Год, год исправительно-трудовых работ, — зашептали в зале. Дарья не знала, много это или мало, знала одно, что этот год она не проживет. Она уже не слушала последних слов судьи... Мать шла рядом с сыном и так дошла до фургончика, обеими руками взяла Гошкину голову и трижды поцеловала. И тут ее подхватили и оттащили ослабевшую...»

Сын платит за отца. Мать платит за грехи сына. Жестокий, но справедливый закон абсолютной нравственности, существующий в мире, как бы мы его ни обходили.

Люди всякие есть в каждом народе. Прав писатель. Есть и такие, как Корнила Донский, особенно проявившийся в отношении к сыну Серьге. Есть и такие, как Митрий Грачев, которому жечь трубку на бревне — главное занятие жизни, Кешка Раисин, приловчившийся рыбку удить из чужих сетей, Возков, любивший много лежать и всю свою силу в зависть да злобу превратил, а землю в залежи пустил.

Но есть в народе и такие светлые души как Ганька Ярин. Через многие оценки провел автор этот образ. И оценки совпадают.

Оценка врага:

«Корнила с каким-то особым интересом поглядел на Ганьку —

такого непонятного парня еще не было в селе... У кого подглядел Ганька манеру обхождения с людьми или само время породило такого человека? Со старухой, стариком он сам старик. Малого ребенка начнет ляльками в руках, сам светится ребячеством. С парнем, как подменят его, о девках разговор ведет, о нарядах разных, песни новые разучивает, балагуры такие устроит, что слезу смехом выдавит. В сельской словно заворожит мужиков мерным певучим говорком, побасенками. Колька, брат его, — тот весь на виду: гордец, вояка, грубиян. С тем схватиться в споре — проще пареной репы. К этому ключи не сразу подберешь». Не понять самолюбцу Корниле бескорыстную душу Ганьки. И видит, что бескорыстен, но не поймет, во имя чего живут такие люди. «С такой открытой душой ране Гурьян в селе был один. И прожил с такой-то душой век в бедности. Но вот что хорошо знает Корнила: светится в таких людях сердце, а скоро и ум заблестит. Поведут они народ по неторным, ухабистым дорогам».

Оценка брата Гошки, много повидавшего и поплутавшего за свои небольшие годы: «Вот Ганя так Ганя. Вот у кого совесть чиста».

«Не понимаю его, а дивлюсь. Это черт-те что за человек... Завидую ему. Почто не я, он век обогнал?.. Ведь и он было крепко пригорел к дому. А разом оторвал все с радостью, с песней — вот это чудо души непостижимо нам с тобой. Сманить людей на заведомую муку! В муках самому гореть... Э, брат ты мой, сила тут великая нужна. Муки в радость обратить... — задохнулся Ефим, поперхнулся, и больнее еще стало, что слеза застряла и не выльется». Оценка отца в разговоре с Николаем.

Ганька из числа страдальников за землю русскую. Персонаж интересный. Не надуман автором, а взят из глубин жизни, живой, убедительный. Чутьем, отзывчивым сердцем понял он необходимость доброты, сострадания в кровавое время, ожесточившее многих. Безусловно, не читали ни Ганька, ни старуха Анна Гачева в те дни написанного кровью сострадающего сердца послания Святейшего Патриарха Тихона к народу «о прекращении распрей и раздоров, породивших на Руси кровавую международную брань», которая не прекратилась и после мировой войны, «и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству русской земли» (Наш современник. 1990. № 4).

Не могли прочитать, так как уже до глубинки дошли толки о «живой церкви», которая-де отреклась и прокляла «возмутителя» Тихона. Но та же душевная боль движет и мыслью и поступками Ганьки. Он великодушен к попранному врагу Серьге Донскому, жалеет загубленную жизнь бандита Ильки. Николай злобится по случаю замены продразверстки продналогом, введением нэпа: «Чему радуетесь, чему?.. Завоевали власть. Шишки от той войны еще не сошли, а уже плюнули на завоевание. Видели, как воз-

радовался Филонов. Душить их надо, душить и душить, пока не издохнут...»

Ганька на это отвечал: «... я никому плохого не желаю, знаю, что вышло все от великой нужды людей, оттого, что позади много лет мук и горя. Все мы мужики... Душа крестьянская испокон к свободе рвется... А тут какие такие враги? Запутались немножко — добрым словом и делом исправить можно...» «Ну, воевали, кровь друг дружке пускали, да очухались. Мы все сыны народные, и власть народная. Порасшибали лбы в драке, пора и за ум взяться».

Ганька не одинок в своей миротворческой убежденности. В споре с Николаем его поддерживают и Алексей Чуб, и Устинья, и Ефим. Незлобив наш великий народ. Изумительна в романе сцена стихийного народного схода по возвращении карателя Серьги Донского, смертельно больного, домой. Устами старухи Анны Гачевой, чьих сыновей замучили каратели с участием и Серьги Донского, сход решил судьбу несчастного, стоящего на коленях перед народом:

— Поднимись-ка... супостатом был, а вот и пришел, осудил себя... Ишо скажу: суд ему был, не видите?

Напряженное лицо Ганьки стало мягким, кровь кругами загуляла на открытой шее — правду он услышал в словах старухи, а та сказала последние слова:

— Хватит бы уж зубы точить друг на дружку. Не надоела еще? Зуб на зуб — и опять война? Не надоела?»

Судьба таких людей, как Ганька Ярин, мученическая. Он не первый и не последний и в реалии нашей и в литературе. Вся его светлая, самоотверженная до жертвенности жизнь заканчивается в романе сценой в райкоме, а затем и тюрьмой без вины.

У литературного образа романа есть прототип — брат писателя Ганька Зверев. О его судьбе читатель может узнать из овеянного светлой печалью, мягким лиризмом очерка А. В. Зверева «Деревенский музей» (Сибирь. 1989. № 6).

Просто, неброско, в своей писательской манере представил А. В. Зверев облик русского паренька, которому выпало жить в страшные времена, но и здесь он не растерял великого терпения, сердечности, умел освещать каким-то потаенным, не разгаданным даже отцом, светом души окружающих его людей. И писателю веришь, ибо ничего надуманного, все из жизни, все настоящее в самом высоком смысле, т. е. такое, каким было и каким должно быть по заповедям русской литературы и духовных национальных традиций.

А вот и центральный персонаж романа — Ефим Ярин, для которого крестьянская жизнь — самая честная и полезная. Сам убежден неколебимо и в детях воспитывает эту веру.

Что для Ефима земля, дом?

— Дом! Он — мать всей жизни. За память мою на сторону повыскакало немало. А что с ни-

ми? Спились, подхватили чахотку, ударились по воровству. Дом — это государство, и рушить его духом и законом запрещается.

Большой соблазн продолжить мысли Ефима, столь необходимые каждому из нас, сегодняшних. Но читатель пусть сам прочитает их.

Стоило только отойти от дома, стал блуждать и Ефим. На себе и детях своих суждено было ему проверить свою правду: дом — мать всей жизни, а кто уходил из него, легко терял твердую дорогу.

Особый, символичный смысл приобретает картина возвращения Ефима домой. Она напоминает сегодняшнему человеку: вернись, обогрей свою избу, свою порушенную державу и начни, обновленный, новую жизнь. В ней твоя защита и сила.

Роман А. В. Зверева «Ефимова держава» интересен особо тому, кто не равнодушен к судьбам России, к ее деревне, кто не равнодушен прежде всего к своей литературе, к своим писателям, живущим рядом.

Критикой роман не отмечен. Думается, одна из причин этого в том, что Алексей Васильевич Зверев пишет не для столь модных сегодня спекулятивных целей, не для пробуждения утробных инстинктов. Его герои — дом, отечество, русская деревня, земля, добро — ставшие не модными сегодня, но без которых нам все труднее дышится. И писатель своим неброским, пронизанным добрым светом повествованием напоминает о них, зовет к ним, как чистому роднику, к которому и сам он испытывает необходимость прикоснуться время от времени, в чем он честно и признается в очерке «Деревенский музей».

Л. Ладик

ОМСКАЯ ПАРСУНА

Из Россиюшки ляжить путь-дороженька,
Шириной-то дорожка не широкая,
Долиной-то дорожка конца краю нет,
Да никто по этой дорожке
Здесь не хаживал.
Никто следечка тропкою
Не прокладывал...

Сибирская старинная песня

Несколько лет назад в Иркутский филиал ВХНРЦ (Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря) пришла посылка из Омска: шесть живописных полотен. Внимание реставраторов привлекла одна небольшая картинка — «Ермак», произведение неизвестного художника XVII века. С холста тоскливо глянули на них глаза человека, приговоренного к неизбежной гибели. Пронизанные глухой болью, они как бы прощались уже с миром, с жадностью вглядываясь напоследок в окружающее. Парсуна пришла в аварийном состоянии, спасать ее нужно было немедленно.

Много месяцев колдовала над нею реставратор Светлана Тютикова, она укрепила на парсуне красочный слой, перевела его на новый дублировочный холст, заделала сквозные прорывы, которыми, как отверстиями от пуль, был изрешечен холст.

После реставрации стало заметно: омская парсуна очень резко отличалась от иркутских парсун с изображением Ермака. Создавая портрет мужественного завоевателя Сибири, художники старались подчеркнуть в его облике незаурядную физическую силу. Ничего подобного не было видно в омской парсуне. От лица этого Ермака было трудно оторвать глаза, такой пронзительной одухотворенностью наделил его художник. В хрупком и болезненном человеке с утлыми плечами подчеркнул он другую силу — духовную, ясновидящую. Из мглы столетий на парсуне проступает узкий, утонченный лик русича с огромными, светлыми глазами. Терпение, страдание и какой-то

духовный вопрос навсегда запечатлел безымянный художник в глазах этого Ермака. Парсуна сильно напоминала икону, на которой узким пламенем свечи мерцал лик великомученика. Это казалось тем более поразительным в сравнении с нашей иркутской парсуной, которую можно увидеть на выставке сибирского искусства в соборе Богоявления.

На иркутской парсуне мы видим сурового воина, который «жестокое и бриткое дело возлюбиша», «слаткое и покоишное житье отринуша», стал донским казаком. Здесь Ермак выглядит совершенно иначе. Кажется, что блики степного костра вырвали из тьмы фигуру человека, грузно сидящего в седле. Из-под тяжелых век цепко, в упор глядят глаза, привыкшие видеть врага в ночи. Жутковатой, устрашающей силой веет от этой парсуны. Ермак здесь очень похож на разбойника, и в этом нет ничего удивительного. «Т а т ь», «вор» — так и называли его в царских грамотах XVII века.

Две парсуны, два разных образа. На первой — святой. На второй — разбойник. И там, и здесь — Ермак.

От разбойника и до святого... Именно такой путь прошла в народном сознании легенда о Ермаке. Как и с чего она начиналась?

В XVII веке, в междуречье Волги и Дона, на крутых берегах и речных островах стали появляться казачьи укрепления — станицы. Здесь селились люди, которые в поисках воли бежали от гнета крепостничества в «Дикое поле», на еще не освоенные земли. Отношения казаков с царем были сложные.

Устанавливая дозоры на реках, степных дорогах, казаки, чтобы прокормить себя, разоряли, случалось, и богатые караваны царских послов. Что следовало за этим, красноречиво описывает одна из песен того времени:

Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то бор разгорается,
Воспылал-то Грозный царь
Иван Васильевич...

Из Москвы незамедлительно отправлялись на Дон карательные экспедиции с указом изловить и доставить в столицу на суд и расправу главных «заводчиков» разбоя, а пять-шесть «пущих» зачинщиков за воровство «бить кнутьем на Дону». В то же время казаки с их воинской закалкой, способностью к быстрому натиску были незаменимой опорой царского трона в борьбе с крымскими татарами. Понятно, что царь, стараясь прибрать к рукам эту выгодную ему силу, действовал то кнутом, то пряником.

Ермак был сыном «Дикого поля». «Воровским донским атаманушкой» величают его русские исторические песни. Атаманом же на Дону мог стать человек только редких, выдающихся качеств. «В силу сложившихся на Дону традиций, станицы и войсковой округ не только выбирали своих атаманов, но и могли в любой момент сменить

их и в случае провинности подвергнуть казни», — пишет историк В. Г. Скрынников.

По одной версии Ермак был сыном богатого суздальского купца, по другой — родился не в Суздале, а в Муроме. Но есть в его, скрытой от нас биографии моменты очень важные.

В 1570 году, еще до начала сибирского похода, Ермак мог видеть сожженную татарами Москву. И еще. В постоянных стычках с крымскими татарами донские казаки как бы сохраняли в своих сердцах свежесть исторической вражды русского народа к монголо-татарскому игу. Захваченных в плен казаков татары даже в XVIII веке продавали в рабство на Азовском невольничьем рынке, и это было одной из причин вражды казаков с азовцами.

На судьбе товарищей по оружию испытал Ермак тяжесть и унизительность чужого произвола. Не случайно, видимо, народное сознание поставило Ермака в один ряд с древнерусскими богатырями, которые боролись за независимость Руси от татар.

«Память народа разборчива и безошибочна», — писал Василий Шукшин. В русских былинах народная память наделила Ермака-разбойника бессмертием и славой. Былинная память о Ермаке поразительно богата. Сказаний о нем сегодня мы почти не знаем. А жаль, ведь они рождены в недрах народного самосознания. Чудесным образом переплелись здесь реальность и народная фантазия.

Так, в одной из былин говорится, что «младой Ермак Тимофеевич был племянником Ильи Муромца», который называл его «наилучшей русской головушкой». В другой былине он становится «любимым племнничком» самого киевского князя Владимира Красно Солнышко. Вот что здесь происходит. Под стены Киева подходит «собака Калин царь». Князь идет на поклон к русским богатырям за выручкой — к Илье Муромцу, Добрыне Никитичу и Алеше Поповичу. Он просит постоять их «за свое ли за отечество, за тую ли веру християнскую». Но «прибились, примучились богатыри русские» в долгой борьбе с татарами. Добрыня Никитич отвечает Владимиру: «Мои белые ручки примахалися, бьючись татаровей поганыих; мои резвы ножки прискакалися; мои ясны очи помутилися, глядючись на татаровей поганых. Не могу больше стоять-служить за стольный Киев-град...»

Признайтесь, ответ для русского богатыря довольно неожиданный! Сильно закручинился после него Владимир, и вдруг, откуда ни возьмись, является перед ним «младой» богатырь (от роду ему семнадцать лет) Ермак Тимофеев сын:

— Ай, же ты солнышко,
Владимир князь,
Родный мой дядюшка!
Дай же мне благословеньице
Выехать ко царю ко Калину
Во тую во силу во
поганую,

Попробовать своих
богатырских плеч...

Трудно удержаться от того, чтобы не процитировать, как живо и правдиво передает былина гнев и недоумение князя: «Чего вздумало, дитя захвасливо, заносливо, дитя неразумное? — спрашивает он. — Устрашишься ведь ты, ужаснешься силы войска татарского!»

Но Ермак берет палицу в «сорок пуд», коня богатырского и едет (не удивляйся, дорогой читатель) на... поле Куликово. Раскинув белые шатры с золочеными кистями, беспечально играют здесь в шашки-шахматы старшие русские богатыри. Ермак укоряет их в равнодушии к судьбам родины и едет на поле брани один-одинешенек.

Двенадцать дней «ни едаючись, ни пиваючись и добру коню отдуху не даваючись» бился Ермак с татарами. Распалилось в бою его сердце так, что железными баграми пытались стащить его с боевого коня старшие богатыри и не смогли. Одна из былин утверждает: умер Ермак на поле боя «от истощения сил»...

Смещение времен в народном сознании происходит всегда не случайно, лишь в том случае, когда нужно обнажить духовную суть сложных исторических явлений. Как бы причудливо ни развивалась логика народной фантазии, в ней есть зерно исторической правды. Ведь в народном сознании Ермак был тем человеком, который вместе со своей дружиной завершил на восточных рубежах страны национальную борьбу русского народа против последнего остатка Золотой Орды.

Приравнивая Ермака к древнерусским богатырям, народ как бы утверждал: история завоевания Сибири была в определенном смысле богатырским подвигом.

И это, действительно, было так.

Легендарный **разбойник**, волжский атаман — таким был Ермак в сознании народном до сибирского похода. Таким видим и мы его на иркутской парсуне XVII века. Но художественный музей и мастерская реставраторов — это не последние адреса в Иркутске, связанные с его именем. С 1908 года возвышается на набережной Ангары у Белого Дома обелиск, который иркутяне окрестили «памятником первопроходцам», хотя это неверно, ведь среди трех горельефов, изображающих выдающихся для истории Сибири людей, отнести к ним можно только Ермака, скульптурное изображение которого помещено на одной из сторон пьедестала.

Выполненный из красного финляндского гранита по проекту петербургского скульптора Баха, он был установлен в честь окончания строительства Сибирской железной дороги.

Долгое время на пьедестале возвышалась фигура царя Александра III, который был покровителем этого строительства. В 1920 году ее убрали. Фигура Александра была исполнена Бахом «без божества и вдохнове-

нья», художественной ценности она не имела. Гораздо больше занимали его воображение и сердце другие люди, память о которых сибиряки берегли и берегут свято: графа Н. Н. Муравьева-Амурского, М. М. Сперанского и, конечно, Ермака.

На горельефе он изображен одетым в железный шлем и боевую кольчугу. Ермак словно только что вышел из последнего боя. Тревожные отсветы трудной битвы лежат еще на его лице. Но не волжского атамана-разбойника мы видим здесь, а достигшего своей духовной зрелости зоркого полководца и воина, закаленного в жестоких сечах. Суров и прям взгляд его пристальных глаз. Не каждый сможет выдержать этот твердый взор, выдающий ум, проницательность, внутреннюю силу. Суровым величием дышит весь облик Ермака. Таким, наверное, он и был, когда решился идти за Уральский камень.

Что знаем мы о терниях этого сибирского похода?

Одна из местных легенд рассказывает. Давным-давно, когда неведомую землю за Уральским камнем населяли племена, называемые чудью, в Сибири не было берез. Медноствольные сосны, лиственницы-великаны да могучие хмурые кедры властвовали над дикими просторами безбрежной тайги. И вдруг, в одну из весен, как тонкая свеча, затеплилось в тайге белое, шелковистое деревце. Дивилась чудь на нежную незнакомку. Но когда такие деревья появились повсюду, народ смутился и, увидев в том небесное знамение, в тревоге пошел к шаманам.

«Белый царь послал к нам своих воинов, — отвечали шаманы. — Скоро придут они сюда, покорят все племена наши и навеки укоренятся на этой земле...»

Так говорит легенда.

А теперь представим себе старую Русь XVII века. Восточную границу ее с севера на юг заслонял каменный щит Уральских гор. А за Великим камнем, который «непроходим был пропастьми, снегом и лесом», лежала Югра — «земля незнаемая» (Сибирь).

Еще в XI веке торговали с югорскими племенами разворотливые новгородские купцы, которые попадали сюда Северным морским путем. Они-то и привозили домой рассказы о сказочных богатствах далекой земли, где «ростяху древеса различные», где есть «реки пространны», «воды сладчайшия и рыбы различныя множество», а по берегам рек «дебрь плодовитая», а в дебрях «многия сладкопесни-вые птицы».

При Иване Грозном укоренились на уральской земле и окрепли купцы Строгановы, богатые солепромышленники. Пограничная окраина Руси, которой они владели, страдала от частых набегов сибирского хана Кучума, который покорил почти всех племенных князьков и утвердил на огромной территории свое владычество. Сибирское ханство было восточным осколком когда-то могущественной Золотой Ор-

ды. На юге России такими осколками были Казанское и Астраханское ханства. Мечтая о восстановлении былой зависимости России от Орды, татары терзали Русь набегами на востоке и юге. В 1570 году запылали русские деревни на многострадальной рязанской земле. Еще через годы дымом и пламенем окуталась подожженная татарами Москва. Сознавая опасность такого соседства, Россия мечтала стряхнуть с усталых плеч остатки ненавистного монголо-татарского ига.

И вот в сентябре 1581 года (по одной версии, а по другой — осенью 1582 года) за Уральский камень перевалила «дружина Ермака со товарищи».

До сих пор спорят историки, кто же был первым застрельщиком сибирского похода? Строгановы, мечтавшие расширить свои владения, испросив на то специальное дозволение царя, или сам «Ермак со товарищи», искавший себе в Сибири волю, а России славу?

«Казалось, что Сибирь упала тогда с неба для россиян», — писал великий русский историк Н. М. Карамзин. Нет, не с неба свалилась на Россию Сибирь. Былины, сказания, песни доносят до нас предания о великих тяготах сибирского похода, который потребовал от первопроходцев предельного напряжения всех сил.

«Кто представляет себе хоть немного эти великие гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимуя в ожидании ледохода, в наскоро срубленных избушках, в незнакомых местах и среди враждебно настроенного населения коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами, а слухами, грозившими оказаться выдумкой, не ведая, что их ждет завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, все дальше и дальше на восток» (Распутин В. Г. Сибирь без романтики).

Чтобы перевалить через Уральский хребет, в низких заболоченных местах — седловинах гор — казаки устраивали волоки и перетаскивали по ним «лодки коломенки», «лодки набойницы» и «боты сосновые». «Тащили да надселися», как говорит песня. Малые струги, поднимавшие на борт до 20 человек, они переносили на руках, другие тянули на бечеве. Можно представить, каких нечеловеческих усилий требовало это движение.

Как же выдержал Ермак с горсткой казаков этот — нечеловеческий по тяжести — поход? Почему не истаяла в таежных дебрях его маленькая дружина? Какая сила держала и крепила ее?

Во время сибирского похода трудно было не только выжить физически, но и сохранить душу живу, не ожесточиться.

Известно, что в среде казаков долго существовал и был

ярко выражен обычай побратимства. Уходя на Дон и Волгу, казаки рвали семейные узы. Никому не дано легко отрываться от семьи. Побратимство залечивало душевные раны после разрыва с родными, становясь заменой кровных связей. Названными братьями становились перед началом трудного похода или битвы. Два казака обменивались нательными крестами и клялись не на жизнь, а на смерть никогда не ссориться, выручать друг друга из беды, чего бы это ни стоило. Если в бою под одним убивали коня, другой подхватывал своего брата и сажал его к себе или спешивался на землю, чтобы разделить участь крестового брата, какой бы горькой она ни была. Крестовый брат делал все возможное и невозможное, чтобы выручить его из плена. Бывало, крестовое родство спаивало воедино две сильные личности, которые могли бы стать соперниками или врагами. В этом случае оно в зародыше устраняло возможный раскол.

Надо думать, что и дружина Ермака, соблюдая традиции своей среды, была оплетена этими узами, их могучей, охранительной силой, которая становилась опорой для слабеющего духа и в сибирском походе, где возникали ссоры и разногласия. Яков Пан, Никита Пан, Матвей Мещеряк, знаменитый Иван Кольцо — их имена встречаются в летописях, упоминавших о сибирском походе. Но, видимо, сильнее и ярче Ермака среди них не было никого. Великий русский историк Н. М. Карамзин хоть и называл его «разбойником», не мог все же не отметить: «Пишут, что грозный неумолимый Ермак, жалея воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое непослушание, за всякое дело студное: ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной...»

Одна из народных песен очень живо рассказывает о воинской смекалке Ермака. Перед походом в Сибирь, поднявшись по Тоболу, казаки встали на долгое время на одном из его притоков — Епанче-реке и здесь до Петрова дня вязали из соломы и тальниковых прутьев «людей соломенных и шили на них платье цветное». Было у Ермака триста человек, а стало с теми больше тысячи, — поется в песне. И вот пришли казаки на Иртыш, поставили самодельные чучела в лодки, на борт привалили. Грянул бой. «Как частые дожди», полетели татарские стрелы:

...И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди
крепкие,
Что ни едино убить
не могут их:
Каленых стрел в них,
как в снопики, налеплено,
Только казаки все
невредимы стоят.

Но и победа над татарами еще ничего не значила. Ермак понимал, если он не найдет опору у местного населения, ему не удержаться в Сибири. Сибирские

летописи рассказывают: когда Ермак побил Маметкула, пришли к нему «вблизи живущие таторовя с женами и детьми» и привели в наложницы прекрасную молодую татарку. «Ермак же не принял ее и оберег и прочим запретил».

Как бы ни были скудны сведения о реальном Ермаке, создавая парсуны с его изображением, художники XVII века упрямо старались закрепить на холсте для потомков его ускользающий облик. Писали они его каждый раз по-разному, но одна неизменная деталь переходила от холста к холсту. Вот и на нашем памятнике, который стоит на берегу Ангары, мы снова видим Ермака, одетого в железную кольчугу. Да, так его и писали. Знаменитый атаман всегда изображался облаченным либо в железный панцирь, либо в кольчугу.

Предание доносит: в ответ на весть о присоединении Сибири к России, обрадованный Иван Грозный простил Ермаку прежнюю вину и послал ему в подарок стальную кольчугу. Народная фантазия по-своему переработала эту реальную историю. В XVII веке Ермак стал излюбленным героем народных песен и сказок, и только к исходу века вровень с ним поднялся другой герой — Степан Разин.

Песен этих сегодня мы почти не знаем, а зря. Они ярко рассказывают, например, о встрече бывшего волжского вора и разбойника с русским царем, о встрече, которой... на самом деле никогда не было.

Вот что в них происходит. Накануне Пасхи Ермак прибывает в Москву и просит доложить об нем царю знатного боярина Никиту Романова. Наступил праздничный день. Со всех сторон стольного града стекался в этот день на Красную площадь русский люд. Всем хотелось посмотреть на царя, который будет выходить из церкви. И вот, когда Грозный со свитой вышел, в ноги ему ударился «Ермак со товарищи»: «Ты прими, де, Грозный царь, ты поклон от Ермака, посылаю те в гостинец всю сибирскую страну, всю сибирскую страну; дай прощенье Ермаку!»

«Втапоры царю праздник радошен был, и было пированье почестное»,—говорит другая песня. Легенды утверждают: в ответ на счастливую весть Грозный даровал Ермаку с царского плеча шубу, ковши златые, кубки «фрязские», чару золотую и злополучную кольчугу, которая, по народному убеждению, сыграла в его дальнейшей судьбе роковую роль...

И снова, снова — легенды и песни!

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И в дебрях ветры бушевали...

«...И бысть месяца августа в пятый день... Придоша вестницы в Сибирь к Ермаку со товарищи и поведаша им, яко царь Кучум не пропустит в Сибирь бухарцов», — говорит летопись. Распустив ложный слух, Кучум

хитростью выманил Ермака себе навстречу.

Предполагают, что случилось это в 1583 году.

Взяв с собою горстку казаков для выручки бухарских купцов, Ермак отправился вверх по Иртышу, но, не найдя их там, к вечеру вернулся в устье реки и встал здесь «на перекопи».

Трудный сибирский поход, боевые раны, голод и болезни подточили к тому времени силы казаков. Опасности они не ждали и заснули, не выставив, как обычно, караула. Здесь-то и выследил их Кучум.

А дальше — снова легенда.

...И был у Кучума татарин «в смертной вине», приговоренный к казни. Когда стемнело, призвал его к себе Кучум и сказал: иди на остров и найди мелкий брод, узнай — крепко ли спят казаки, много ли их, чем вооружены? Вернешься с ответом — подарю жизнь. Поклонился татарин, отступил в ночь, растворился во тьме. Вернулся нескоро, но обрадовал: крепко спят казаки, немного их в стане. Узким лезвием блеснули в ночи раскосые Кучумовы глаза, но стар он был, опытен и хитер. Насквозь видел человека. Вот и сейчас — зорко глянул он на татарина. Тяжело дышал тот, боясь поднять на него глаза. Сдержал Кучум радостную дрожь, нахмурился: что, если разведчик не дошел до стана русских, испугался и врет? «Я не верю тебе, трусливый пес! — сказал он татарину. — Если ты говоришь правду, иди еще раз к русским и принеси что-нибудь в доказательство своей правоты». Побледнел татарин, молча поклонился и снова отступил в ночь. И снова долго ждали его остальные. Но вот вернулся разведчик и молча положил к ногам Кучума казацкие ружья-пищали и срезанные кресты. Улыбнулся тогда Кучум, гортанно крикнул и тронул поводья своего коня. Следом за ним посыпалась вся конница...

Нападение было внезапным, стремительным. Очнувшись от сна, казаки поняли: единственное спасение их — это Иртыш. Успеют добежать до стругов — значит, уйдут по воде от конницы. Последним, прикрывая отходящих к реке товарищей, отступал Ермак. Белой молнией сверкала в руках его сабля. Могучий и храбрый Кучугай, воин Кучума, упорно преследовал его. И была промеж них «брань великая», не на жизнь, а на смерть. Звенела сабля, и трещало, ударяясь о щит Ермака, копье Кучугая. Долго ли, коротко ли дрались они, но в самый разгар жестокой сечи развязался ремень на шлеме Ермака и копье Кучугая «прободе ему гортань».

Так ли все это было? Смертельный удар нанес Ермаку татарский богатырь или только его ранил? До сих пор безответно гадают об этом историки. Легенды же упорно утверждают: прыгая с крутого берега в струг, раненый Ермак промахнулся и оборвался в воду. Выплыть он уже не смог. Тяжелая, даренная

царем кольчуга камнем утащила его на дно кипящей от ночного ливня реки.

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь, дар царя,
Стал гибели его виною...

Так поется об этом в народной песне.

Но и это предание не последнее. Много дней носило по Иртышу тело Ермака. И вот однажды молодой татарин Яныш собрался рыбачить. Он плыл на лодке и вдруг увидел над водой торчащие человеческие ноги. У странного утопленника не было видно ни рук, ни головы. Кольчуга, как грузило, перевернула в воде тело Ермака — головой он ушел ко дну, а ноги «шатались» над рекою. Закинул сеть Яныш, вытянул «добычу» и увидел царского двуглавого орла на стальной кольчуге. Тогда догадался он, кто попал в его сеть. Вернулся Яныш на берег. Тут же послали за Кучумом и остяцкими князьками. Сколотили помост, положили на него тело. На запах его стали слетаться хищные птицы. Они кружились над ним, но не решались его тронуть.

И вот, сверкая белозубыми улыбками, съехалась к помосту татарская знать с луками и стрелами. Жаждой мести горели сердца татар. Выстроились они в ряд. Прищурили глаза. Натянули луки... Заныли, запели в воздухе черные хвостатые стрелы. Долго потешались татары, стреляя в поверженного врага своего. Но вдруг один из них, подошедший к телу, гортанно вскрикнул: из под его стрелы, которая вонзилась в мертвое тело, частыми толчками била горячая кровь. Остановили тогда татары кровавую потеху, задумались, молча разошлись спать.

Но тревожной была эта ночь. До рассвета являлось им грозное видение: огромный воин с грудью, пронзенной стрелой, вставал перед ними, как живой, и молил о вечном покое... К утру, не выдержав галлюцинаций, один татарин сошел с ума... И тогда поняли остальные — нет, не простым смертным был Ермак, значит, и похоронить его нужно, как подобает героям.

Похоронили татары Ермака на старинном, знаменитом кладбище своем, где хоронили только самых знатных людей. Устроили торжественную тризну: «И собраша... на поминки 30 быков, 10 баранов, и учиниша жрение по своему извычаю, поминающе реша: «Аще ли жива тя учинили бы себе царя, а се видим тя мертва беспамятна русскаго князя».

Предания местных народов рассказывают о том, что над могилою Ермака выросла не простая, а кудрявая сосна. По ночам являлось прохожим видение — огненный столп над могилою. Перед погребением бывшие враги Ермака разделили его одежду: «Бе бо от Ермакова тела и от платья чудотворение: болезненным исцеление... на войне и в помыслах удача».

Легенды о святости Ермака и чудесах, связанных с ним, широко разошлись среди простого на-

рода. А через несколько десятилетий стали появляться и парсуны, где Ермак изображался святым. Бывая в крестьянских избах сибиряков, путешественники XVIII века с удивлением для себя обнаруживали: парсуны Ермака стоят в красном углу рядом с иконами.

Неудивительно, что и омская парсуна, пришедшая к иркутским реставраторам, напоминала икону.

Заметив популярность Ермака среди простого народа, первый сибирский архиепископ Киприан велел собрать воспоминания о сибирском походе. «И повелел он, пастырь добрый, распросити Ермаковых казаков: како они с атаманом Ермаком с товарищи приидоша в Сибирь, и где у них казаков и кого именем побиша поганыи на бранех». Киприан же «попечение о них имея, яко отец о чадех, повелел имена убитых записать и в церкви в синодики и в православную неделю, вместе с прочими православными, пострадавшими за православие кликать им вечную память».

Иркутск в числе многих сибирских городов чтит память великого сына семнадцатого столетия. «После свержения татарского ига и до Петра Великого не было в судьбе России ничего более огромного и великого, более счастливого и исторического, чем присоединение Сибири, на просторы которой старую Русь можно было уложить несколько раз», — писал В. Г. Распутин.

Но слава Ермака еще не исполнилась до конца. Она еще только входит в свой зенит. Ведь не случайно один из сибирских историков утверждал: «Значение Ермака будет возвышаться вместе с самосознанием Сибири».

ИРКУТСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

(Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова)*

1825 г. 18 января р. Ангара против города покрылась льдом.

3 февраля на новую кладбищенскую колокольню поднят колокол в 105 пудов.

26 февраля начали бить сваи для укрепления берега реки Ангары; работы окончены сего года в октябре от собора и до триумфальных ворот.

2 апреля р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 74 дня.

23 апреля вскрылась от льда р. Иркут.

6 ноября прибыл в Иркутск содержатель питейного откупа, отставной полковник князь Александр Борисович Голицын.

10 ноября прибыл в Иркутск проездом в Кяхту по делам таможни флигель-адъютант барон Егор Казимирович Мейендорф, 5 февраля 1826 г. уехал обратно в Россию (в Оренбург).

21 декабря в Иркутске получено горестное известие о кончине государя императора Александра Павловича в 19 день ноября в Таганроге и тогда же присягали Константину Павловичу.

1826 г. 6 января прибыл в Иркутск из С.-Петербурга курьер с Высочайшим Манифестом от 12 декабря о восшествии на Всероссийский престол государя императора Николая Павловича. Того же числа пред литургиею собравшимся по повестке чинам города, войскам и гражданам читан Высочайший Манифест и учинена верноподданнейшая присяга.

7 января р. Ангара против города покрылась льдом.

6 февраля начата постройка лютеранской деревянной церкви, близ Российско-американской

---

* Продолжение. Начало см. «Сибирь» (1989, № 4—6; 1990, № 1—5; 1991, 1, 2).

конторы; на этом месте прежде была палата уголовных и гражданских дел.

11 февраля генерал-губернатор Лавинский уехал в Красноярск; возвратился обратно в Иркутск 21 числа того же марта, а из Иркутска уехал в Красноярск 28 числа того же марта месяца.

17 марта р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою 69 дней, и того же числа пресеклась санная дорога.

22 марта скончался иркутский землемер, статский советник Александр Андреевич Дедов, на 66-м году.

9 апреля вскрылась р. Иркут.

13 апреля поставлен на католическом храме крест.

1 мая генерал-губернатор Лавинский уехал из Иркутска по делам службы в Москву.

24 мая освящен старый кладбищенский храм по случаю поправок.

29 мая преосвященный Михаил, начав в 5 часов утра литургию в Прокопьевской церкви, по окончании оной при колокольном звоне во всех церквах города шел пешком до приготовленного судна, на которое сел в 8 час. и отправился вниз по р. Ангаре до Туруханска.

17 июня в Иркутске получен печальный манифест о кончине государыни Елизаветы Алексеевны, последовавшей в проезде ее из Таганрога в Москву 4 мая, в уездном городе Белеве, Тульской губ.; 18 числа отправлена панихида.

11 июля строитель в Иркутске обруба по берегу р. Ангары и моста через реку Ушаковку полковник Александр Анисимович Медведев выехал из Иркутска в Россию.

18 июля выехал из Иркутска к месту нового своего назначения настоятель Вознесенского монастыря, архимандрит Николай, переведенный в Тамбовскую епархию, в Козловский Троицкий монастырь настоятелем и ректором Тамбовской семинарии.

8 августа гражданский губернатор Цейдлер уехал из Иркутска в Нерчинские заводы и пограничные крепости; возвратился обратно в Иркутск 17 сентября.

30 августа преосвященный Михаил возвратился в Иркутск из Туруханска.

3 сентября прибыл в Вознесенский монастырь новый настоятель и ректор Иркутской семинарии, архимандрит Иларий из Киевской лавры.

19 сентября освящен преосвященным Михаилом престол Рождества Христова во Владимирской церкви по случаю поправок.

26 сентября в Иркутске было отправляемо торжество коронования государя императора Николая Павловича и супруги его императрицы Александры Федоровны, последовавшее в 22 августа сего года, торжество отправлялось три дня.

Преосвященный Михаил возведен в сан архиепископа 24 сентября.

1 октября преосвященный

Михаил освящал при доме Ермолая Лычагова храмы Сретения и Покрова Пресвятыя Богородицы.

20 октября р. Иркут покрылась льдом.

30 октября установилась санная дорога.

1 ноября из Иркутска выехал в Омск на службу бригадный генерал-майор А. Н. Айгустов.

23 ноября из Иркутска уехал в Россию бывший иркутский почтмейстер, а потом советник главного управления Восточной Сибири, статский советник Сергей Тимофеевич Васильев; он жил в Иркутске 15 лет.

9 декабря прибыл в Иркутск проездом в Нерчинские заводы комендант, генерал-майор Станислав Романович Лепарский.

1827 г. 5 января р. Ангара против города покрылась льдом при $3^1/_2$ аршинах прибыли воды, которая заливалась в улицы города. 3 марта раскрылась от льда, быв покрытою оным 57 дней.

18 марта в Иркутске в публичный сад залетела кукушка и куковала; слушавшие дивились такому раннему ее прилету и особенно в городском саду.

13 апреля в Иркутск прибыл из С.-Петербурга генерал-губернатор Лавинский.

24 апреля вскрылась от льда р. Иркут.

8 мая скончался иркутский купец Ермолай Яковлевич Лычагов, строитель Покровской церкви, быв 76 лет.

9 мая иркутское купечество для приезда генерал-губернатора Лавинского давало в биржевом зале обеденный стол на 120 особ, а вечером бал, на который съехалось посетителей обоего пола 400 особ.

24 мая св. икона Богоматери из собора унесена на поля Кудинские и Оекские.

7 июня в Иркутске спущен на воду новопостроенный галиот «Ермак» при громе музыки и при стечении многочисленного народа; 1 июля галиот уведен из Иркутска на Байкал.

21 августа освящен храм Владимирской Божией Матери по случаю поправок.

30 августа для торжества и праздника св. Александра Невского плыло по реке Ангаре приготовленное судно, которое было иллюминовано превосходно (это было в 10 часов вечера), на котором гремела музыка и пущен отличный фейерверк.

В августе от бывших дождей в Иркутске сделалось наводнение.

4 сентября преосвященным Михаилом посвящен в архимандрита бывший Туруханский протоиерей Прокопий, нареченный Павлом, в Якутск в Спасский монастырь, куда и отбыл 10 числа того же месяца.

11 сентября генерал-губернатор Лавинский выехал из Иркутска в Красноярск для встречи своей дочери Елизаветы Александровны, которая воспитывалась в Париже; они прибыли в Иркутск 15 октября.

14 октября покрылась льдом река Иркут.

18 октября освящен в соборе престол Всех Святых, по случаю поправок.

23 октября установилась санная дорога.

В декабре месяце поставлен новый иконостас в теплом соборном храме Св. Апостолов Петра и Павла с новыми местными иконами Благовещения и Рождества Христова.

1828 г. 2 января р. Ангара против города покрылась льдом.

12 января получено высочайшее соизволение о пожаловании дочери генерал-губернатора Лавинского Елизаветы Александровны фрейлиною к их императорским величествам Александре Федоровне и Марии Федоровне. 15 числа по этому случаю отправляемо было благодарственное молебствие в Тихвинской церкви о здравии августейшей фамилии.

5 февраля генерал-губернатор Лавинский уехал из Иркуска в Кяхту, Нерчинск и в Нерчинские заводы; возвратился в Иркутск 17 мая.

18 февраля скончался надворный советник Тимофей Петрович Калашников, на 70-м году своей жизни (предполагают, что это автор романа «Дочь купца Жолобова». Ред.)

4 марта скончался иркутский купец Матвей Осипович Игумнов на 75-м году.

18 марта р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 76 дней.

4 апреля начата разломка по ветхости купола на соборной колокольне для построения нового, каковой исправлен и находится по сие время (до половины 50-х годов прошл. столетия).

С 15 на 16 апреля вскрылась от льда р. Иркут.

В апреле месяце исправлен новый купол на Крестовской колокольне.

7 мая преосвященный Михаил освящал престол во имя мученика Ермолая при Сретенской церкви.

8 мая в Иркутске праздновали молебствием и целодневным звоном о мире с Персиею, последовавшем 10 февраля.

13 мая в Иркутск приехал из С.-Петербурга курьер с Высочайшим Манифестом от 14 апреля о объявлении войны Турции и указ о наборе рекрут с 500 — 2-х человек, начать оный с 1 июня и покончить в два месяца.

20 мая Св. икона Богоматери из собора унесена в Оекскую слободу, для освящения там храма Св. Екатерины.

22 мая выпал снег, покрыл землю, дома, окружающие город горы и луга, не оставя весеннего вида; снег продолжал идти 23 и 24 числа, наконец стаял, не причинив вреда растениям, но сделав большую грязь на улицах города и прибыль воды в реках. Через речку Ушаковку был поставлен перевоз.

На 30 мая скончался Тихвинской церкви протодиакон Иоанн Федорович Сухих на 81-м году, прослужив при этой церкви более 60 лет.

Июнь месяц был изобилен громами и дождем.

В июне же месяце в Иркут-

ске первоначальное устройство тротуаров.

13 июля поставлен крест на исправленную соборную колокольню.

24 июля в Иркутске буря, начавшаяся в 4 часа пополудни и продолжавшаяся до 6 часов вечера, ломала деревья и плохие заплоты у домов и сбрасывала ветхие с них крыши.

12 августа в Иркутске отправлено молебствие за взятие российским оружием турецких крепостей (в июне) Анапы, Браилова и других.

18 сентября в Знаменском монастыре освящен престол Св. Николая Чудотворца, по случаю перестройки, усердием кяхтинских купцов братьев Николая и Петра Басниных, при игуменье Иларии.

На 8 октября р. Иркут покрылась льдом, на 10 число сделалось тепло, и лед растаял, 13 и 14 числа плыли по Иркуту плоты с лесом; вторично покрылась уже 23 октября.

24 октября скончалась купецкая вдова Елисавета Михайловна Медведникова, завещавшая устроить сиропитательный дом для девиц и при нем банк.

12 ноября установилась санная дорога.

28 ноября в Иркутске получен Высочайший Манифест о кончине в 24 октября императрицы Марии Федоровны; 29 числа отправлена во всех церквах панихида.

29 декабря р. Ангара против города покрылась льдом при умеренном возвышении воды.

1829 г. 2 января иркутский градский голова Константин Петрович Трапезников, по случаю вступления его на службу градского главы, угощал чинов и граждан обеденным столом.

17 января гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер с супругою уехали в С.-Петербург в отпуск на 4 месяца.

24 февраля в 4 часа 18 мин. пополудни два удара землятресения с С. З. на Ю. В.; оно особенно было сильно около Гуранского пограничного караула, продолжалось до 7 марта.

8 марта лунное затмение.

19 марта в Иркутске санная дорога прекратилась.

30 марта в субботу (5 неделя великого поста) освящена домовая архиерейская церковь во имя Покрова Богородицы по случаю поправок.

2 апреля р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою 94 дня.

20 апреля вскрылась от льда река Иркут.

4 марта преосвященный Михаил уехал в Верхнеудинск и возвратился обратно в Иркутск 13 марта.

14 мая происходило отпевание в Спасской церкви убиенных иркутских мещан Ильи Петровича Баранщикова (и?); они убиты в 32 верстах от города вверх по реке Ангаре неизвестными злодеями.

18 мая сгорел дом со всем строением близ толкучего рынка, принадлежавший ветеринарному лекарю Кондратью Ивановичу Смирнову.

3 июня крестный ход из собора к Троицкой церкви по случаю праздника Святого Духа.

31 мая генерал-губернатор Лавинский получил орден Александра Невского, пожалованный 21 апреля.

4 июня в Иркутске обед и бал, данный благородным сословием в доме Сибирякова в честь генерал-губернатора Лавинского.

13 июня генерал-губернатор Лавинский уехал в С.-Петербург.

16 июня дожди произвели в реках наводнение.

2 июля скончался иркутский пробирной мастер Иван Леонтьевич Харинский.

28 июля в Иркутске было отправляемо во всех церквах города молебствие за победу, одержанную российскими войсками над турецким верховным визирем близ крепости Шумлы 30 мая.

16 августа прибыл в Иркутск из С.-Петербурга иркутский гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер с супругою Луизою Ивановною.

21 августа в соборе в теплой трапезе поставлен новый иконостас.

6 сентября в Иркутск прибыл курьер с Манифестом от 10 августа о наборе рекрут с 500 — 3-х человек.

8 сентября отправлено во всех церквах города молебствие за взятие российским оружием турецких крепостей Силистрии и Арзерума; он считается богатейшим городом, имея до 27 тысяч домов и до 100 тысяч жителей.

14 сентября в Иркутске было отправляемо такое торжество о переходе российских войск через горы Балканские и о занятии турецких городов: Месемврии, Бургаса, Ахиола, Андала, Ямболя, Сливно и Карнобада.

13 октября праздновалось о занятии российскими войсками в 8 день августа турецкого города Адрианополя.

22 октября р. Иркут покрылась льдом.

25 октября получено известие о мире с Турциею, состоявшемся в Адрианополе 2 сентября 1829 года; по сему случаю было отправляемо в 3 число ноября на площади молебствие с коленопреклонением, произведена пушечная пальба — 51 выстрел и трехдневный колокольный звон.

15 ноября большая буря повредила много в Иркутске плохих заплотов и домов.

4 декабря скончался губернский землемер, статский советник Антон Иванович Лосев.

1830 г. 9 января р. Ангара против города покрылась льдом, вода возвысилась и потопила береговые места на большое пространство, и вода вливалась в дома.

7 января прибыл для осмотра войск генерал-майор Семен Богданович Броневский; был в Кяхте, по возвращении в Иркутск 6 февраля уехал в Омск.

18 января губернатор Цейдлер уехал в Забайкальский край для обревизования округов Верхнеудинского и Нерчинского; 28 февраля обратно возвратился в Иркутск.

В феврале губернатор Цейд-

лер получил орден св. Анны 1 степ.

16 марта р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 66 дней. В неожиданный ранний проход р. Ангары ехали по ней Максимовской деревни крестьяне Копылов и Воробьев с дровами в город на трех лошадях, потонули сами с лошадьми.

17 марта прибыли в Иркутск члены духовной миссии, следующие в Пекин иеромонахи Аввакум Честнов, Поликарп Тухаринов, псаломщик Григорий Розов, за псаломщика коллежский регистратор Антон Легашов, студенты 10-го класса Кириллов, 12-го класса Курляндцев.

23 апреля вскрылась от льда р. Иркут.

В мае месяце производилась работа на Спасской церкви: снята железная крыша (она повреждена бурею, бывшею 15 ноября прошедшего 1829 года) для покрытия железом снова, вся работа окончена в июле.

25 мая скончался иркутский первой гильдии купец Андрей Петрович Трапезников.

5 июня в 4 часа утра скончался преосвященный Михаил архиепископ Иркутский; торжественное погребение его совершенно 8 числа в приделе Казанской Богоматери. Преосвященный Михаил родился в Тобольске 1770 года, мирское имя его было Матфей, фамилия Бурдуков, правил Иркутскою епархиею с 18 октября 1814 года 15 лет 7 месяцев 17 дней.

13 июля губернатор Цейдлер уехал для осмотра новой Кругобайкальской дороги, возвратился в Иркутск 26 июля.

18 июля прибыл в Иркутск действительный статский советник Павел Львович Шиллинг.

31 июля наводнение в реках от дождей.

26 августа генерал-губернатор Лавинский возвратился из С.-Петербурга в Иркутск.

4 сентября в Иркутске получен из Святейшего Синода в консисторию указ от 30 июля об определении в Иркутскую епархию Пензенского епископа Иринея с возведением его в сан архиепископа Иркутского, и Иркутская епархия утверждена во втором классе.

6 октября р. Иркут покрылась льдом.

8 октября скончался статский советник Егор Петрович Щукин, 68 лет.

16 октября преосвященный Ириней, архиепископ Иркутский и Верхоленский, в 7 часу вечера прибыл в Вознесенский монастырь, а в 17 число прибыл при колокольном звоне в Иркутск во Владимирскую церковь, где был встречен духовенством, чиновниками и гражданами, облачился в архиерейские одежды, шествовал в собор, совершил литургию и благодарственный молебен; потом в архиерейских келиях градское общество в честь архиепископа Иринея давало обеденный стол.

24 октября крестный ход со святыми иконами и хоругвями из всех градских церквей в Крестовоздвиженскую церковь в сопровождении архиепископа Иринея

и всего градского общества и множества народа, по случаю праздника образу Пресвятыя Богородицы всех скорбящих Радости.

7 ноября установилась санная дорога.

13 декабря отправлена из Иркутска в Россию почта, перевезена через Ангару на карбазе Троицкого перевоза, а потом почта шла по льду реки Иркута в трех повозках и провалилась; по обвалившемуся льду чемоданы с пакетами спасены, только погибли две лошади и ямщик.

1831 г. 3 января р. Ангара против города покрылась льдом. По другим записям, с 3 января началась прибыль воды, которая постепенно увеличивалась до 9 числа, в которое и покрылась Ангара льдом, затопила берега и улицы водою, от церкви Покропьевской и в Троицком приходе до казенной аптеки; от церкви Прокопьевской и до собора огромная полынья простояла всю зиму.

5 февраля из Иркутска выехала в Россию супруга генерал-губернатора Лавинского Анна Андреевна, прибывшая в Иркутск 31 августа прошедшего 1830 года.

9 февраля крестный ход из всех церквей города Иркутска в Вознесенский монастырь, по случаю празднества перенесения мощей Святителя Иннокентия, в сопровождении архиепископа Иринея с градским духовенством.

25 марта скончался статский советник Петр Федорович Шеверов, 67 лет.

1 апреля ввечеру сгорел сенной базар с амбарами иркутского мещанина Евдокима Андреевича Литвинцева.

3 апреля р. Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою оным 90 дней.

16 апреля р. Иркут вскрылась от льда.

8 мая во время благовеста на колокольне Владимирской церкви к литургии, по случаю похорон купецкого сына Егора Прокопьевича Медведникова, оборвались уши большого колокола в 560 пудов, вылитого 1800 года. Колокол упал на приготовленные под ним подмостки, для того, что он грозил падением с самого начала, у него при вылитии уши вышли не все; хотя и был повешен, но взята была заблаговременно предосторожность. Литургию и отпетие тела совершал преосвященный Ириней и сопровождал гроб с хоругвями до кладбища.

6 июня соборная икона Богоматери торжественно унесена с хоругвями и крестами в слободы Кудинскую, Оекскую и Уриковскую после литургии, в 11 часу, а в 12 часу преосвященный уехал за иконою в те же слободы.

11 июня пожар истребил дом, флигель и сарай казачьего урядника Афанасия Нарицына в Архангельском приходе. Здесь кстати заметить несчастные случаи, каким подвергался чиновник Семен Иванович Карякин: у него сгорел дом в Якутске с изрядным состоянием имения, потом известный летописи пожар в доме Дудоровского, в Иркутске, где сгорела его дочь с бабкою, в

том доме Нарицына он же проживал — г. Карякин.

18 июля — гроза; молния ударила в дом мещанина Постникова близ публичного сада, разбила кровлю, внутри опалила стену, оглушила женщину, более вреда и опасности не было.

30 июля благовест в соборе, по случаю подъема на церковь крестов, которые сняты были для позолоты.

30 июля в Иркутске получен Манифест с почтою о кончине великого князя Константина Павловича, последовавшей 15 июня в Витебске.

В августе месяце уничтожен и разломан близ Спасской церкви погреб, построенный для хранения пороха в 1704 году.

4 сентября в Иркутске получен из Святейшего Синода указ, состоявшийся в августе месяце, о отрешении Иркутского архиепископа Иринея от управления Иркутскою епархиею, по расстройству его умственных способностей, с удалением в Вологодский Спасоприлуцкий монастырь и определения в Иркутскую епархию Пермского епископа Мелетия с возведением его в сан архиепископа Иркутского.

(Продолжение следует)

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Новые условия жизни поставили и наш журнал в крайне трудное положение. Мы не смогли принять условий «Союзпечати» на российскую подписку, потому что они нам попросту не по карману. Но это не значит, что журнал не будет выходить.

Мы получаем множество писем постоянных и верных наших подписчиков с предложением помощи, со словами братской поддержки и выражаем им искреннюю нашу признательность. Получаем мы и денежную поддержку.

Начиная с 1992 года мы будем самостоятельно заниматься подпиской и рассылкой журнала за пределы Иркутской области. В Иркутске и области подписка будет проводиться через агентство «Союзпечать».

Стоимость годовой подписки 8 руб. 40 коп. для жителей Иркутской области. Для читателей России стоимость подписки — 12 руб.

Для того чтобы получить наш журнал, достаточно также сообщить свой домашний адрес, фамилию, имя, отчество — и вы получите наш журнал наложенным платежом.

Наш расчетный счет в коммерческом банке «Азиатский» 000161701/000700532 МФО 125004.

664000, Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Журнал «Сибирь».

Для тех, кто обращается к нам с просьбой выслать тот или иной номер журнала «Сибирь» за прошлый год, сообщаем, что в редакции имеется только «Сибирь» № 5 за 1990 год.

В этом номере опубликовано:

Интервью с известнейшим критиком Вадимом Кожиновым;

Повести русского эмигранта Александра Беляева «Капитан Василий Токарев» и Анатолия Байбородина «Купава»;

Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова);

Н. А. Соколов. Убийство царской семьи. (Продолжение).

Но лучший способ получения нашего журнала это — годовая подписка.

Условия подписки публикуем в журнале.

Составитель В. В. Козлов
Художественный редактор О. В. Беседин
Технический редактор Л. А. Жернова
Корректор Г. Ф. Клешнина

Адреса редакции:
664000, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Союз писателей, тел. 24-56-76,
672000, г. Чита, ул. Богомягкова, 23. Союз писателей, тел. 3-45-78.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ИБ № 1758.
Сдано в набор 28.03.91.
Подписано к печати 10.09.81.
Формат 84×108 1/32.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 12,6.
Усл. кр.-отт. 12,86.
Уч.-изд. л. 14,17.
Тираж 12 000. Заказ 1643.
Изд. № 6439. Цена 1 р. 40 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Министерства печати и массовой информации РСФСР. 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

1р. 40к.

СИБИРЬ

3'91

В следующем номере
читайте:

Владимир МАКСИМОВ.
Записки
пристрастного человека

Ким БАЛКОВ.
сердие. Окончание романа

А. ЛИТВИНЦЕВ.
Я вспоминаю

Индекс 73380